SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Х. Г. Инсаров
  -
  - Глава I. Характеристика Меттерниха
  - Глава II. Первые шаги дипломатической карьеры Меттерниха
  - Глава III. Наполеон и Меттерних
  - Глава IV. Венский конгресс
  - Глава V. Эпоха реакции
  - Глава VI. Греческое восстание. Меттерних и Каннинг
  - Глава VII. Падение Меттерниха
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Х. Г. Инсаров
Клеменс Меттерних
Его жизнь и политическая деятельность
Биографический очерк
С портретом Меттерниха, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Характеристика Меттерниха

Мы обыкновенно оцениваем исторические личности с двух различных точек зрения: общечеловеческой и частной. В первом случае мы рассматриваем, насколько их деятельность являлась полезной для прогресса, способствовала совершенствованию общественных и политических форм и приблизила нас к искони намеченной просвещенным человечеством цели – взаимного сближения людей. Если приложить этот первый критерий к Меттерниху, то ответ будет вполне отрицательным. Сама история уже давно произнесла неумолимый приговор над знаменитым австрийским канцлером, а наделавшая так много шума “система Меттерниха” была сметена вихрем событий еще при жизни ее создателя.

Другая точка зрения оценивает исторические личности, принимая в расчет не общечеловеческие идеалы, а только цель, которой задаются государственные деятели. Подобная цель может не совпадать с общечеловеческой, может даже ей противоречить – как это было у Меттерниха, – но если изучаемые личности для ее достижения проявили значительное искусство, уменье и постоянство, то им нельзя не удивляться, хотя и невозможно сочувствовать. В этом смысле личность и деятельность Меттерниха представляла и будет всегда представлять глубокий исторический и психологический интерес.

Очевидно, что нельзя назвать обыкновенным человеком государственного деятеля, сумевшего в течение тридцати восьми лет не только поддержать влияние такого шаткого государства, как Австрия, но и сделаться фактическим руководителем политики всей Европы.

Для своих современников Меттерних был психологической загадкой. Он принадлежал к категории людей, обладающих, как он сам выражался, двумя “я”, и о внутреннем мире которых нельзя судить по их действиям.

Он был человеком с утонченными, ровными и спокойными манерами светского вельможи XVIII столетия и с холодной маской на лице, освещенном однообразной самодовольной улыбкой, смущавшей не одного проницательного наблюдателя. “Моя биография, составленная Капфигом, – пишет Меттерних, – очень мало похожа на меня. Оказывается, что художники пера так же безуспешно пытаются изобразить меня, как и художники карандаша и красок, и что мой нравственный облик схватить так же трудно, как и физические черты”.

Позднейшие биографы в этом отношении счастливее своих

предшественников. Они не только избавлены от естественной склонности к преувеличению, которою отличались живо затронутые текущими событиями современники Меттерниха, но и располагают громадным историческим материалом, неизвестным последним и проливающим яркий свет на личность и политику австрийского канцлера. Важное место среди этих материалов занимают мемуары самого Меттерниха, изданные в восьмидесятых годах его наследниками и содержащие, кроме заметок автобиографического характера, большую часть его личной и дипломатической переписки.

Несомненно, что Меттерних в своей автобиографии старался выставить себя в самом выгодном свете, умалчивая о множестве фактов и ложно освещая другие; но есть одна сторона, которую он не мог скрыть, – это его психология и его образ мыслей и чувств.

В душе каждого человека имеется какая-нибудь центральная идея, якорь, опущенный в бездну его внутреннего мира, с которым крепкой цепью причинности связаны его помыслы и действия. Таким основным мотивом психики Меттерниха являются его колоссальное, достигавшее чудовищных размеров, самомнение и естественно проистекающая отсюда самоуверенность. Он убежден, что только он один все знает, все предвидит. Ему было всего двадцать лет, когда, случайно посетив английский двор, он тотчас же выступает в роли ментора по отношению к наследнику престола, симпатизировавшему парламентской оппозиции. “Молодость мне мешала, – пишет Меттерних, – выразить принцу мое неодобрение его поведению, но все-таки я нашел случай высказать свое мнение; он припомнил мне это тридцать лет спустя, прибавив: “Вы тогда были вполне правы”. Через год после этого Меттерних едет в Вену, где тоже замечает: “Управление страной ведется не так, как следовало бы... но скромность мне не позволяла, – пишет он далее, – обвинять в неспособности людей, поставленных во главе правительства”.

Проявившееся уже в юном возрасте самомнение Меттерниха разрасталось и укреплялось вследствие его дипломатических успехов. Он ставил себя выше Ришелье и Мазарини, а о таких своих “более или менее знаменитых современниках”, как Талейран, Каннинг, Каподистрия, выражается *с* видимым презрением. Их политику он считает “политикой эгоизма, своеволия, мелкого тщеславия, – политикой, которая ищет только выгоды и попирает самые элементарные законы справедливости, издеваясь над данной клятвой; одним словом, политикой, рассчитывающей на силу и на ловкость”.

Абсолютная уверенность в своем нравственном превосходстве сказывается в его дневнике и в его частных письмах, где он расточает похвалы по своему собственному адресу: “Моя душа обладает историческим чутьем, что помогает мне переносить трудности настоящего, – пишет он с Лайбахского конгресса 7 февраля 1821 года. – Я всегда имею перед глазами будущее и уверен, что могу меньше ошибаться относительно него, чем относительно настоящего. Никогда в истории, может быть, не было такого печального изобилия мелких личностей, делающих глупости, как теперь. Господи, какой стыд для нас всех будет в день второго пришествия... А этот день наступит. Но, может быть, тогда найдется честный человек, который откопает мое имя и откроет миру, что все-таки и в этом далеком прошлом жил человек, не столь ограниченный, как многие его современники, воображавшие в своем самомнении, что они находятся в апогее цивилизации”. “Самое курьезное в нашем положении, – пишет он год спустя после конгресса, – состоит в том, что никто в точности не знает, как добиться своей цели. Что касается меня, то я знаю то, чего хочу, и то, что другие *могут сделать.* Я вооружен с ног до головы; меч мой обнажен, перо очинено, мои идеи ясны и светлы, как хрустальная вода чистого источника”. “Если бы я мог действовать один, – писал он в 1825 году по поводу греческого восстания, – я обязался бы прийти к быстрому и правильному решению, ибо в споре, нас занимающем, весь свет ошибается, исключая меня одного”.

Мы ограничиваемся этими цитатами, но таким же чувством проникнута и вся переписка Меттерниха. После Мартовской революции 1848 года, так жестоко подшутившей над даром предвидения его одаренной “историческим чутьем” души, можно было ожидать, что он, наконец, сознается в своих ошибках. Но вера в свою непогрешимость была у него так тверда и непоколебима, что он сваливал ответственность за мартовские события на всех, кроме себя, фактического правителя Австрии в течение тридцати восьми лет.

“Никогда заблуждение не касалось моего разума”, – говорил он Гизо в Брюсселе, где искал убежище от гнева венского народа.

Два года спустя он то же говорит Тьеру: “Я никогда не сворачивал с непреложного пути моих принципов”.

Ни Гизо, ни Тьер, какого бы мнения они о себе ни были, не претендовали на папскую непогрешимость. “Вы очень счастливы, – говорил Меттерниху Гизо, – что же касается меня, то я нередко ошибался”. “Вот разница между нами обоими, – заметил Тьер, – Вы не меняли своих принципов, а я их часто менял!”

В действительности Меттерниху легко было не менять своих принципов, ибо их у него не было, если не считать за таковые его крайний и действительно последовательный легитимизм – защиту старины во что бы то ни стало. Но для этого нужно было иметь не принципы, а только ум, недоступный понимаю духа времени. “Il n'y a que 1'homme absurde qui ne change pas”[1], – говорят французы, и в этом смысле Меттерних был поистине “нелепым” человеком. Он обладал необыкновенно глубокой проницательностью по отношению к людям, но не понимал идей, которыми были проникнуты эти люди; за частным он не видел общего.

Нигде так хорошо не видна духовная нищета Меттерниха, как в его попытках обосновать теоретически свои принципы. Вот, например, как он сам определяет свою систему: “В сущности, то, что называется системой Меттерниха, не было системой, а только приложением законов, которые управляют миром. Революции держатся на системах; вечные законы находятся выше и вне того, что имеет характер системы”.

Смысл же этих “вечных законов” заключается в сохранении средневекового режима, хотя он так же мало мог претендовать на вечность, как и всякая политическая система.

“Я твердо решил бороться с революцией до последнего моего дыхания”, – писал Меттерних. Революцию он видел повсюду, даже в распространении библейских обществ, а первыми рассадниками революционных начал считал немецких иллюминатов XVII столетия.

Как это ни странно на первый взгляд, но именно в этой отрицательной черте Меттерниха, в полном отсутствии у него восприимчивости к идеям и заключалось его превосходство над современниками. Дипломаты других государств были в той или иной степени проникнуты новыми веяниями. Отсюда и некоторое колебание в их политике после падения Наполеона. Один только Меттерних, который ничего не понял, так как не верил ни в какие принципы, мог решительно и спокойно, без угрызений совести, поднять знамя средневековой реставрации. “Я был оплотом общественного порядка... оплотом порядка”, – повторял он слабым голосом за несколько дней до своей смерти.

Современники Меттерниха называли его человеком “ленивым”. Физической лености, может быть, у него и не было – это показывает его огромная переписка, – но у него была леность и неподвижность мысли. “Дорогая моя, – пишет Меттерних из Бриксена 15 июля 1819 года графине Ливен, – все движется и меняется вокруг меня, но я остаюсь неподвижным. Этим, может быть, я и отличаюсь от многих других людей. Я думаю, что моя

душа имеет цену, *потому что она неподвижна.* Мои друзья знают, где ее найти во всякое время и во всяком месте". Здесь Меттерних понимает под "неподвижностью" верность принципам, и делает он это в силу свойственной ему иллюзии принимать за идеи то спокойствие духа, которое обусловливается их полным отсутствием. Он даже и консерватором был не вследствие какой-нибудь продуманной и обоснованной доктрины, а вследствие своего, лишенного всякого энтузиазма, темперамента.

В его письмах встречается очень часто фраза: "В течение всей моей жизни мне было незнакомо чувство честолюбия". Если понимать под этим, что он не желал почестей, власти, богатства, то это было бы ошибочно, – вся жизнь канцлера противоречит подобному толкованию. Но слово "ambition" означает также стремление к славе – чувство, которое Меттерниху, действительно, было незнакомо. Для этого у него не хватало полета мысли, веры в могущество принципов; он был лишен той демонической силы, как ее называет Гете в разговорах с Эккерманом, которая побуждала исторические личности к беспрерывной деятельности, зажигая в их душе новые желания и создавая перед ними новые цели. Меттерних чувствовал себя хорошо только среди малых дел – больших он не любил. Отсюда и его презрение к дипломатам более высокого полета. Каподистрию он иронически называл "поэтом конгрессов", а блестящего Каннинга, смотря по настроению, – "романтиком", "человеком изворотливым", увлекающимся "политикой приключений". "Есть два рода мыслителей, – пишет в другом месте Меттерних. – Первый касается всего и ни во что не вникает; второй останавливается на вещах и проникает в их суть. Каннинг принадлежит к первой категории; я же, может быть, более ограниченный, чем он, со своими познаниями, как бы они ни были малы, принадлежу скорее ко второй. Каннинг летит, а я иду; он парит в необитаемых сферах, я же держусь на уровне человеческого общества. Вследствие такого различия на стороне Каннинга будут всегда все романтики, я же должен довольствоваться обыкновенными прозаиками. Его роль ослепительна, как молния; моя не блестяща, но сохраняет то, что первая губит. Люди, подобные Каннингу, двадцать раз будут падать и подниматься; *люди, подобные мне, освобождены от труда подниматься, ибо они не так часто подвержены падению".*

Меттерних любил то равновесие, которое в политике сводится к абсолютному покою. Все нужно было делать без шума, без гласности. Свои реакционные меры он проводил постепенно, тихо. Он не любил внезапных, "драконовых законов", потому что своей суровостью они могут разбудить общественное мнение и

вызвать подозрение в слабости правительства. “Гнев очень плохой советчик при составлении законов, – писал он 14 августа 1835 года своему посланнику Апонию в Париже по поводу изданного Луи Филиппом закона против свободы печати. – Действительна только цензура, а закон производит впечатление гнета”.

Политическая близорукость Меттерниха проистекала из того, что его дух был лишен именно “исторического чутья”. Вся его политика была основана на прошлом, и поэтому каждое новое требование жизни вызывало в нем ужас. “Я ненавижу все, что является неожиданным образом”, – писал он 18 января 1824 года.

В его письмах разбросано множество афоризмов, характеризующих косность и леность его ума. “Чтобы побеждать людей, нужно только одно – уметь ждать”. “Чтобы добиться цели, не нужно двигаться с места”.

Вот характерные черты интеллектуального облика Меттерниха: колоссальные самомнение и неспособность к какому бы то ни было отвлеченному мышлению. Это были черты отрицательные, но они делались почти достоинствами, принимая в расчет цель, которой он добивался. Он был канцлером монархии, единственное спасение которой заключалось в сохранении абсолютной неподвижности европейской системы. Его влияние дошло до апогея в эпоху, когда после продолжительных, разорительных войн и революций Европа, истощенная и уставшая, впала в летаргию. Меттерних воображал, что эту реакцию вызвал он благодаря благодетельным казематам Шпильбергской крепости. Последующие же события показали, что он ошибся.

Отрицательным характером отличается и большая часть черт его нравственного облика. К нему вполне приложима та оценка, которую он высказывал о своих противниках. Его политика действительно была “политикой эгоизма, своеволия и мелкого честолюбия, ищущая только выгоды; политика, которая попирала элементарные законы справедливости и издевалась над данной клятвой”. “Меттерних – почти государственный муж, – говорит про него Наполеон, – ибо он отлично врет”. О нем можно сказать то, что говорил турецкий визирь Кючук Саид-паша в 1876 году по адресу одного иностранного дипломата. “Когда человек врет, то, обыкновенно, обратное сказанному – правда, но г-н Х. так отлично врет, что неправдой является как то, что он говорит, так и обратное”. Обман, доходивший до вероломства, хитрость, лукавство были обыкновенными приемами политики Меттерниха. Талейран называл его “politique de semaine”, так как он менялся каждую неделю. “Страсть к проискам Меттерних принимает за дипломатическое искусство”, – сказал о нем однажды Наполеон.

В своей личной жизни он так же мало следовал предписаниям “вечных законов” морали, как и в своей дипломатической деятельности. Он занимался всякими нечистыми финансовыми операциями, получал подачки от всех европейских монархов, и благодаря этому из разорившегося вельможи, вексель которого никто не хотел учитывать, он сделался одним из богатейших австрийских собственников. Как большинство аристократов старого режима, Меттерних считал религию и нравственность вещами прекрасными для народа, но сам в глубине души был человеком неверующим. “Признаюсь, я не понимаю, – писал он своей жене 10 апреля 1819 года из Рима, – как протестант, приехавший в Рим, может принять католичество. Рим – самый великолепный театр в мире, но только с очень плохими актерами. Сохраните мое мнение при себе, иначе оно обойдет всю Вену, а я слишком люблю религию и ее торжество, чтобы желать вредить ей каким бы то ни было образом”.

Меттерних и его ближайший помощник Генц обратили австрийскую государственную канцелярию в настоящий будуар, где наряду с дипломатическими комбинациями завязывались амурные интриги. “Я доволен, что не провел своей молодости печально, как нищий, – писал Генц знаменитой красавице Рахиль Фарнгаген. – И всегда буду утешаться тем, что наслаждался вполне на жизненном пиру и что могу подняться от трапезы, как насыщенный гость”. “Генц, наш романтик, – писал Меттерних своей будущей супруге Зичи, – увеличил двумя красавицами список своих пятнадцати дам. Он теперь ищет новых побед”. – “Ах, как он мне надоел! – пишет в своем дневнике Генц о Меттернихе. – Сегодня опять ничего о делах... он все время рассказывал мне об этой пр... даме”. Здесь Генц подразумевает герцогиню Саган, за которой так усердно ухаживал Меттерних во время Венского конгресса. Светская скандальная хроника того времени была наполнена похождениями Меттерниха в Париже, Лайбахе и Вене. Будучи посланником в Париже, он вступил в близкие отношения с Каролиной, сестрой Наполеона. Этим объяснял потом Талейран покровительство, которое оказывал Меттерних на Венском конгрессе мужу Каролины, неаполитанскому королю Мюрату. “Это самый постыдный факт, который история когда-либо отмечала, – писал Людовик XVIII в ответ Талейрану. – Если Антоний малодушно бросил свой флот и свою армию, Клеопатра, по крайней мере, соблазнила его самого, а не его министра”. Когда Меттерних разлучался с властительницами своего сердца, он продолжал вести с ними длинную переписку.

Ряд писем Меттерниха к супруге одного иностранного представителя в Лондоне был напечатан года три тому назад. Они пересылались вместе с дипломатическими бумагами с большой осторожностью через Париж. Французская полиция, имевшая свои тайные ходы в канцелярию австрийского посольства, открывала ночью шкафы, распечатывала скрытые в четырех конвертах письма, снимала с них копии и затем укладывала их в прежнем порядке. И в то время как Меттерних был уверен в полном сохранении своей тайны, Людовик XVIII потешался над его любовными излияниями.

Да, князь Клеменс Меттерних был великим жизнепрожигателем. Желания высшего свойства ему были незнакомы, и с тем большим наслаждением он предавался мелким страстям и соблазнам. Жизнь для него заключалась в наслаждении, и ему больше, чем Генцу, не хотелось оставлять “трапезы... жизненного пира”. Меттерних боялся смерти, как большинство эпикурейцев. “Клеменс грустен и печален, – отмечает в своем дневнике 14 октября 1836 года жена его, княгиня Мелания Меттерних, – и, мне кажется, его тревожат мрачные мысли, касающиеся его самого. Я боюсь, что его беспокоят преклонные лета и он предается ужасным предчувствиям. Богу известно, как все это меня беспокоит; но чем больше меня тревожит подавленное состояние духа, которое я с грустью замечаю у него, тем больше я стараюсь показать, что ничего не вижу”. Восемь лет спустя, 16 августа 1843 года, она опять пишет: “Я замечаю, что Клеменс опять поглощен печальными мыслями; мое сердце разрывается; на каждом шагу он как бы прощается с жизнью. Это страшно тяжело; главное – нужно, чтобы я молчала, а делать это мне очень трудно”. Однажды он начал ей рассказывать о том, что советовал английскому регенту поставить памятник его отцу Георгу III, и при этом разрыдался, как ребенок.

По временам хорошая сторона человеческой природы берет верх у Меттерниха, и тогда его внутреннее состояние становится понятным и даже близким нам. У него были личные несчастия в жизни, ему суждено было пережить трех супруг, сына и двух дочерей, красота которых поражала современников. Особенно потрясен был Меттерних смертью одной из них, Клементины. “Я работаю, но все время думаю о моем несчастий. Мир потерял одно из своих чудных созданий. Есть одна дама, которая похожа на мою дочь. Встретив ее сегодня, я только с большим трудом мог удержаться от слез”. “Я не могу войти в комнату Клементины, чтобы не разрыдаться”.

Дела, интриги, похождения поглощали Меттерниха, и он

снова бросался в омут жизни, но, боясь, чтобы его не обвинили в бессердечности, начинал говорить о своих двух “я”. “В трудные моменты, подобные настоящему, я должен проявить свою двойственную натуру, которая заставляет многих думать, что я человек без сердца. Они сказали бы, что у меня и головы нет, если бы при случае я не показывал им, что моя голова твердо держится на плечах, когда они об нее стукаются”.

Отметим, наконец, те положительные черты характера Меттерниха, которые много способствовали его дипломатическим успехам. Сюда прежде всего относится его проницательность. Он отлично понимал людей. Он не мог оценивать их деятельности с точки зрения прогресса, в который не верил, но он проникал в их намерения и побуждения. Это видно из характеристик, какие он нередко делает своим современникам.

Проницательность Меттерниха находится, несомненно, в связи с его собственным положительным и прозаическим складом ума, где не было места увлечениям и “романтизму”, что именно и придавало ему ту легкость и ловкость, которыми он отличался в отношениях с людьми. Со всеми он умел обращаться – благодаря не только светскому воспитанию, но еще и тому, что он в высшей степени был одарен самообладанием и находчивостью, переходившей подчас в тонкое остроумие. Он знал, где следует молчать, где говорить и, главное, что говорить. “Вы пользуетесь успехом у меня и у общества, – сказал ему однажды Наполеон, – потому что вы не говорите лишнего и ни одной сплетни нельзя приписать вам”.

“Вы слишком молоды, милостивый государь, чтобы быть представителем самой древней монархии”, – сказал Наполеон Меттерниху еще при первой их встрече. “Государь, я в том же возрасте, – отвечал Меттерних, – в котором Ваше Величество были при Аустерлице”. В другой раз Наполеон жаловался, что в Вене не оказывают достаточного внимания его посланнику, то есть ему самому. “Я Вас уверяю, Ваше Величество, что очень скоро мне будет поручено передать Вам несколько ваз, если они могут посодействовать к закреплению хороших отношений между нами”, – ответил Меттерних.

Все современники Меттерниха согласны, что он умел держать себя с замечательным тактом; поэтому мы можем ему верить, когда он сам говорит, что во время конгрессов сохранял невозмутимое спокойствие. “Я слушаю все со спокойствием римского сенатора; ни один мускул моего лица не дрогнет; я выслушиваю и *отвергаю”*.

Глава II. Первые шаги дипломатической карьеры Меттерниха

"Я *создавал историю* – вот почему у меня не было времени ее писать", – говорит Меттерних в начале своей автобиографии, и это отчасти справедливо. Его политические комбинации не отличались глубиной и прочностью, но в истории почти нет примера, чтобы деятельность какого-нибудь государственного человека охватывала так много пространства и времени, как деятельность австрийского канцлера. Он был поистине "скалой", остававшейся на своем месте, когда отливы и приливы бурной политической жизни все разрушали и все изменяли вокруг.

Ему было 24 года, когда он вступил на политическую арену, и 74, – когда он сошел с нее. За этот длинный период погибали государства, система рушилась за системой, политические деятели умирали один за другим, только Меттерних оставался неуязвимым. Он пережил нескольких императоров и королей, был свидетелем всех фазисов Французской революции, видел падение Наполеона, Карла X, Луи Филиппа, второй республики; на его глазах создавалась и погибала популярность знаменитых государственных деятелей Франции, Англии, Германии, России, а он стоял незыблем, как столб, поставленный историей, чтобы на нем отмечать те превратности, которые судьба скрывала для других. Жизнь Меттерниха есть политическая хронология Европы за целых полстолетия, отсюда и глубокий исторический интерес, который представляет его личность.

Князь Клеменс Венцеслав Лотарий Непомук Меттерних родился в Кобленце 15 июня 1773 года в богатой и древней дворянской семье. Его отец, граф Франц Георг Меттерних, состоял на австрийской службе. Он был посланником австрийского императора при рейнских владетельных графах и князьях. Отец Меттерниха отличался жизнерадостностью, веселостью и слабостью к прекрасному полу – черты, перешедшие и к его сыну.

Первоначальным воспитанием Меттерниха занималась его мать, урожденная графиня Кагенегг. Учителями его были сменившие друг друга два монаха из ордена пиаристов и француз Фридерик Симон, будущий член якобинских клубов в Страсбурге и Париже. Сохранилось несколько писем из переписки юного Меттерниха с отцом его, часто разъезжавшим по делам службы от

одного рейнского владетеля к другому. “Я доволен твоим стилем и твоим почерком, – пишет граф Георг Меттерних своему двадцатилетнему сыну, – только я тебе *советую избегать повторения одних и тех же мыслей и выражений* и, с другой стороны, *советую тебе писать более крупным почерком.* Мы с возрастом склонны уменьшать наш почерк, а так как ты уже теперь пишешь очень мелко, то со временем тебя невозможно будет читать. Это было бы печально, так как я надеюсь, что Клеменс будет писать веши, заслуживающие того, чтобы их читали”.

Опытный графолог, быть может, усмотрел бы в особенностях стиля и почерка молодого Клеменса следы той лености мысли, о которой мы уже говорили в его характеристике.

Воспитание Меттерниха, как воспитание всей тогдашней аристократической молодежи, заключалось, главным образом, в умении держать себя по всем правилам светского этикета и в знании французского языка. Выходило часто, что юноши лучше знали последний, чем свой родной язык. Клеменсу уже было семнадцать лет, когда отец писал ему, советуя обратить внимание на немецкий язык, ибо он его знал хуже французского. “Чтобы быть хорошим немцем, нужно не только читать и писать на своем языке, но и знать его, как подобает хорошо воспитанному человеку... Чтобы помочь тебе добиться этого, я буду продолжать писать тебе по-немецки... Что касается твоей матери, то ты можешь, как и прежде, переписываться с нею по-французски”.

В это время Клеменс вместе со своим старшим братом находился в Страсбургском университете. Последний привлекал немецкую аристократическую молодежь главным образом тем, что преподавание там велось одновременно на немецком и на французском языках. В столице Эльзаса Меттерних оставался всего два года, с 1788 по 1790. Революция, распространившаяся и на этот отдаленный французский город, заставила родителей Меттерниха вызвать его домой.

Пребывание в Страсбурге, как свидетельствуют его современники, дало мало знаний Меттерниху: он предпочитал удовольствия серьезным занятиям.

Из Страсбурга Меттерних приехал во Франкфурт, где назначена была коронация Леопольда Австрийского, императора Германии. Меттерних был в это время красивым и изящным семнадцатилетним юношей, с прекрасными обходительными манерами – качества, за которые его выбрали представителем корпорации вестфальских католических графов на коронационные торжества. Два года спустя ту же самую функцию исполнял Меттерних во время коронации императора Франца,

наследовавшего престол Леопольда II.

Между этими двумя событиями Меттерних продолжал свои занятия на юридическом факультете Майнцского университета. Однако и здесь он посвящал половину своего времени “посещению общества, отличавшегося как умом, так и высоким положением его членов”, как выражается он сам.

Еще при императоре Леопольде отец Меттерниха был назначен правителем восставшей Бельгии, составлявшей в то время нераздельную часть Австрийской империи. Молодой Меттерних поехал к отцу осенью 1792 года, после чего посетил Англию, присутствовал при приготовлении к войне с Францией и в октябре 1794 года вместе со своим отцом приехал в Вену. Он теперь впервые видел австрийскую столицу, но имя его уже было там известно. Канцлер Австрийской империи Кауниц, познакомившийся с молодым Меттернихом во Франкфурте, отзывался о нем как о “красивом и приятном человеке и отличном кавалере”. Эти качества обеспечивали ему успех не только в светском обществе, но и в дипломатии. О молодом Меттернихе говорили как о будущем австрийском посланнике в Гааге, но занятие Голландии французами разрушило этот план.

Еще до приезда Меттерниха в Вену родители решили женить его на внучке канцлера Кауница. “Мне шел всего двадцать первый год, – пишет Меттерних, – и мысль жениться таким молодым мне и в голову не приходила, но я скоро согласился, заметив, что мои родители сильно желают этого”. Брак состоялся 27 сентября 1795 года в деревне Аустерлиц, которая десять лет спустя прославила Наполеона. После свадьбы Меттерних поселился в Вене и продолжал проходить курс знаний в светском обществе. “Я предпочитал посещать салоны, где велись приятные разговоры. Я тогда уже был убежден, что именно там изощряется ум, исправляются ложные идеи и человек приучается избегать пустых сплетен”.

Меттерних в это время не занимал никакой должности; тем не менее, он следил за государственными делами и находил, что они ведутся не так, как следует, хотя из “скромности” не позволял себе говорить об этом. Иногда он посещал императора Франца, “который пользовался всяким случаем, – говорит Меттерних, – чтобы упрекнуть меня в том, что он называл моею леностью”.

Вскоре события, происходившие по ту сторону Рейна, вывели его из пассивного состояния, и он вступил на дипломатическое поприще, которое ему было суждено оставить в глубокой старости.

В первое время Французская революция не обращала на себя

внимания европейских государей. С одной стороны, они ее считали внутренней борьбою партий во Франции; с другой, – были заняты польскими делами. Скоро, однако, одно важное событие вывело их из пассивности – это было бегство Людовика XVI в июне 1791 года, его арест и возвращение в Париж под стражей. Тогда побуждаемые эмигрантами Австрия и Пруссия решились на военное вмешательство. Но Законодательное собрание, чтобы не дать времени союзным войскам соединиться, предупредило события и первое объявило войну. Черное знамя было поднято на башне собора Notre Dame. Пушка с крепости и звуки боевых рожков напоминали гражданам резолюцию Законодательного собрания о том, что отечество в опасности! На площадях толпились народные массы, чтобы записаться в волонтеры. Через несколько месяцев быстро сформированные, проникнутые горячим патриотизмом войска победили пруссов под Вальми и австрийцев при Жемаппе.

Соглашение Австрии и Пруссии было только предисловием к тем семи коалициям, которые в продолжение двадцати пяти лет будут составляться европейскими монархиями против Франции. Первая коалиция была вызвана известием о казни Людовика XVI. В нее, кроме немецких государств, вошли еще Англия и Голландия. Она тоже была отражена. В 1795 году в Бадене был заключен мир, на котором Пруссия, Голландия и Испания признали Францию республикой. Через два года то же самое сделала Австрия в Кампо-Формио после побед, одержанных в Италии молодым генералом Бонапартом.

Только одна Англия еще продолжала сопротивляться. Уговоры, интриги и деньги Англии создали вторую коалицию, в которой также приняли участие Россия, Турция и итальянские государства. Массена побеждает австрийские и русские войска под Цюрихом, Брюн – англичан и русских под Бергеном. Делегаты государств собираются для обсуждения условий мира в Раштадте. Здесь впервые и выступает Меттерних как один из представителей Австрии. Меттерних уже был заклятым врагом Французской революции. Первые известия о событиях в Париже он узнал в Страсбурге. Впечатление, произведенное ими на граждан, профессоров и студентов, было громадно, но холодный темперамент и ленивый ум Меттерниха ограждали его от общего увлечения. “Я видел многих людей, – пишет он о своем прибытии в Страсбург, – у которых не хватало силы характера противостоять увлечению новыми теориями, которые мой разум и моя совесть отвергали постоянно как несостоятельные”. Меттерних устоял и против “дурного примера” двух своих учителей-якобинцев – Виктора Симона и профессора

канонического права при Страсбургском университете, у которого он брал частные уроки по священной истории.

Как надменный аристократ, человек с манерами, проникнутый требованиями светского этикета, Меттерних чувствовал органическое отвращение к “санкюлотам”, гордившимся своими лохмотьями и своим свободным духом. В его уме ярко рисуется контраст между стариной и революцией, между порядком и разрушением. Вот, например, как он сравнивает впечатления, которые произвели на него события в Страсбурге, с одной стороны, и торжества при коронации Леопольда II – с другой. “Окруженный невежественной толпой, называющей себя народом, я присутствовал при разграблении страсбургской ратуши – акте вандализма, совершаемом буйной чернью. Во Франкфурте же я, наоборот, считался одним из стражей общественного порядка в ратуше, где происходило столько величественных церемоний, всего в нескольких шагах от Франции, объятой пламенем... Этот контраст, повторяю, не оставлял меня в покое”.

Революционные идеи проникли и в саму Германию. В Майнце, куда, как нам известно, поехал Меттерних продолжать свои юридические занятия, было сильное движение среди профессоров и учащейся молодежи. Студенты помечали свои записки числами республиканского календаря. Профессора, как, например, Гоффман, вставляли в свои юридические лекции фразы об освобождении человечества. Вне университета существовали тоже кружки литераторов, врачей и адвокатов. Во главе одного из таких кружков находился драматический писатель Коцебу – будущая жертва Занда, а во главе другого – Георг Форстер, известный естествоиспытатель и товарищ по путешествиям знаменитого мореплавателя Джеймса Кука. В “клубе” Георга Форстера бывал и Меттерних, но, конечно, и здесь он, несмотря на все то, что ему приходилось выслушивать, не поддавался “заблуждениям”.

Ко времени пребывания Меттерниха в Майнце относятся и его первые печатные произведения против революционных идей. После казни Марии Антуанетты в 1793 году он пишет воззвание к “императорской и королевской армии”, в котором призывает ее к мщению. “Смерть нечестивым злодеям, смерть убийцам своего короля и отечества! Кровь вашей бессмертной *Терезы, кровь австрийская* потекла на эшафоте – прислушайтесь к ее голосу, она призывает вас к мщению! Небо и земля взывают к вам: Отмщение!”

Через год Меттерних печатает анонимную брошюру, в которой, ввиду неудач австрийских войск, предлагает всеобщее

народное вооружение. Под словом “народ” Меттерних понимает только собственников. “Конечно, не найдется такого безумного человека, который бы советовал вооружить чернь, – пишет он. – Никогда настоящий народ не отличается так резко от черни, как в тот момент, когда ему приходится защищать свою собственность от нападений пролетариата. Повсюду народ – враг новых доктрин, и наоборот, повсюду чернь им сочувствует”. Однако “чернь” санкюлотов проявила такие военные качества, каких были лишены армии древних монархий.

Как мы уже заметили, Меттерних вместе со своим отцом поехал на Раштадтский конгресс делегатом со стороны Австрии. Здесь в первый раз он столкнулся с официальными представителями Французской республикии был неприятно поражен их проектами, нравами и одеждами, так как привык к придворному этикету и расшитым мишурою мундирам. Его письма к жене полны насмешек над французскими делегатами. “Лакеи их, – пишет он, – похожи на носильщиков, а сами господа одеты в штатское платье: во фрак и белые брюки, как мы не решаемся показываться, даже вставая с постели”. “Они очень любезны, – говорит он в другом месте, – но, тем не менее, я не могу привыкнуть к ним; я в них вижу только сентябристов и палачей, против которых возмущается вся моя внутренность”[2]. “Они даже не подозревают, что теперь Рождество, – пишет он в письме от 14 декабря 1797 года. – Они признают только 5 нивоза”. В другом письме Меттерних не может примириться с фактом, что его угощали печеньем, украшенным тремя цветами французского национального знамени. Что он должен был испытывать позже, когда французское трехцветное знамя дважды подымалось на крыше Шенбруннского дворца в Вене!

Переговоры в Раштадте не привели к окончательному миру: французы требовали, кроме Бельгии, которую они получили по Кампоформийскому договору, весь левый берег Рейна; Австрия же, в надежде на свое военное счастье, отказывала. Разгоревшаяся снова война повела к сражению при Маренго в Италии, где Бонапарт во второй раз побил австрийцев. Мир был заключен в Люневилле в 1801 году. Требования французов были удовлетворены. В следующем году был заключен и Амьенский договор с Англией, на котором она в первый раз официально признала Францию республикой.

Но мир не мог быть продолжительным.

Франция быстрыми шагами превращалась в военно-деспотическое государство. Бонапарт совершил государственный переворот, заставив выбрать себя первым консулом сначала на десять лет, а в 1802 году – пожизненно. В 1804 году он был

провозглашен императором Франции. Выдвинутый войнами, Наполеон I мог только ими и жить.

Сдругой стороны, европейские государства точно так же считали мир положением только временным. Желание отомстить за понесенные поражения, возвратить потерянные провинции и, наконец, сокрушить гегемонию Франции и революции, частью продолжавшей свое разрушительное дело и при Наполеоне, побуждало европейских монархов к возобновлению войны.

Предварительным условием к успешному исходу ее являлось заключение союзов. Этим и занялись дипломаты.

В 1801 году Меттерних был отправлен австрийским посланником в Дрезден, который представлял, по его мнению, хороший пункт для наблюдения, ибо лежал на дороге, соединявшей Вену с Берлином и Петербургом. Года через два – Меттерниху было тогда тридцать лет – он получает новое и важное назначение – посланника в Берлине. Целью его миссии было склонить Пруссию присоединиться к союзу, заключенному между Австрией и Россией 6 ноября 1804 года. В это время Англия уже начала на море военные действия против Франции. Наполеон со своей стороны тоже готовился к войне. Он устроил возле Булони громадный военный лагерь, где шла деятельная мобилизация армии, готовившейся, по-видимому, к высадке на берега Англии. В сущности, Наполеон сам считал это невозможным и если распускал слух, что хочет напасть на Англию, то исключительно для того, чтобы отвлечь внимание европейских государств от своих настоящих намерений. Европейские государства, впрочем, опередили его, объявив ему войну.

Непосредственным поводом к этому послужила казнь герцога Энгиенского. Как известно, герцог Энгиенский, один из членов бурбонской фамилии, был схвачен ночью на немецкой территории, привезен в Париж и расстрелян в Венсенских траншеях за участие “в заговоре против целости французской территории” (1804 г.). Когда Александр I упрекнул Наполеона в этой кровавой расправе, при которой были нарушены постановления международных законов, так как герцог Энгиенский был взят на чужой и нейтральной территории, Наполеон ответил сердито, делая при этом прозрачные намеки на трагическую участь Павла I. Это обстоятельство увлекло Россию в новую, третью коалицию, которая стараниями англичан и австрийцев создавалась против Франции.

Таким образом сам Наполеон, оскорбляя самолюбие и сыновнее чувство Александра I, уничтожал опасения Меттерниха, боявшегося до этого события, что “непостоянство и обидчивый

характер русского императора сделает крайне трудной серьезную и продолжительную дружбу с Россией".

Гораздо больше трудностей представлял союз с Пруссией. Там боролись две партии: партия военных, высказывавшаяся за войну с Францией, и партия дипломатов с министром иностранных дел Гаугвицем во главе, стоявшая за сохранение нейтралитета. Сам король Фридрих Вильгельм III отличался слабым характером. При затруднениях он плакал вместо того, чтобы думать и действовать.

Старания Меттерниха, нашедшего поддержку у русского посланника Аллопеуса, не приводили ни к каким результатам. Прусский государственный канцлер Гарденберг, хотя и соглашался с доводами Меттерниха, но заявлял, что король не хочет и слышать о "коалиции". Переговоры затягивались, пока, наконец, прусский король не согласился обменяться тайными письмами с австрийским и русским императорами; в этих письмах они обещали друг другу помогать в деле "сохранения европейского равновесия".

Однако, когда зашла речь об определении смысла этого выражения, обнаружилось, что Пруссия не хочет принимать на себя никаких обязательств относительно сохранения прежнего порядка вещей в итальянских провинциях, находящихся под властью или влиянием Австрии. После новых переговоров Меттерниху удалось, наконец, внести и это условие в письмо короля. Тем не менее, последнее оставалось простым актом изъявления чувства солидарности, ни к чему фактически не обязывающим Пруссию. Меттерних и Аллопеус стремились к официальному заключению союза, но от него Пруссия энергично отказывалась.

В феврале 1805 года в Берлин приехал Винценгероде со специальной миссией от Александра I. Меттерних уже считался ловким дипломатом, и поэтому Винценгероде было велено сноситься главным образом с ним. Винценгероде рассказывал Меттерниху, что царь находит Аллопеуса недостаточно энергичным. Меттерних взял на себя труд руководить Винценгероде, но предварительно условился с ним, что они не должны показывать вида, что действуют по взаимному соглашению. Для этого их разговоры должны оставаться неизвестными Аллопеусу и свидания между ними должны происходить в австрийском посольстве, так как из частных источников Меттерних узнал, что за гостиницей, где остановился Винценгероде, следит прусская полиция.

Однако и на этот раз Австрия и Россия могли добиться лишь *обещания,* что Пруссия придет им на помощь.

Вскоре после отъезда Винценгероде Меттерних был извещен своими агентами, что в назначенный день должен приехать в Берлин новый русский курьер с очень важным сообщением, а именно, что Александр I решил, не дожидаясь согласия Пруссии, перейти через ее территорию со своими войсками.

Здесь мы предоставляем самому Меттерниху продолжать рассказ, в котором хорошо вырисовывается его обыкновение прибегать ко всяким хитростям. “Русский курьер должен был приехать к Аллопеусу вечером. В 9 часов я отправился к последнему и оставался у него до поздней ночи под различными пустыми предлогами. Как раз в полночь шум остановившегося перед воротами экипажа подтвердил мои предположения. Прислуга сообщила о прибытии курьера из русского главного штаба. Несмотря на свои преклонные лета, г-н Аллопеус сохранил большую подвижность; он с такой поспешностью положил пакет с депешами на стол, что из него вывалились на пол несколько писем – мы их тотчас подобрали. Среди подобранных бумаг большого формата я очень хорошо заметил маленький конверт. И действительно, в одной депеше говорилось о собственноручном письме Александра I к прусскому королю, которое должно было находиться между другими бумагами. В этом письме царь сообщал прусскому королю, что он приказал своим войскам перейти границу. Содержание депеш, которые мы прочли, крайне смутило г-на Аллопеуса; то же самое было и со мною, если бы все это не было мне заранее известно... Однако письмо исчезло. Г-н Аллопеус высказал предположение, что оно забыто. Но я хорошо заметил маленький конверт с печатью, который мы напрасно искали в продолжение получаса”. Оказалось, что письмо случайно попало за обшлаг Аллопеуса. Мы привели этот анекдот для того, чтобы показать Меттерниха как дипломата. Он является к своему коллеге, зная, что приедет курьер и что он привезет бумаги с известным ему содержанием, о чем, конечно, Аллопеусу он не говорит; дальше Меттерних выдумывает различные “пустые предлоги”, чтобы оставаться до полночи, потом следит за впечатлением, которое чтение бумаг производит на Аллопеуса, а когда их подбирали, его зоркий глаз уже успел заметить “маленький конверт”.

Однако Александр I переменил свой первоначальный план и стал добиваться свидания с Фридрихом Вильгельмом III. Переговоры находились в этой фазе, когда в Берлин приехал князь Долгорукий с новым письмом, в котором, вместе с приглашением на свидание, Александр I опять повторял угрозу – в случае несогласия короля на свидание перейти прусскую границу. Оскорбленный в своем самолюбии Фридрих Вильгельм

отказался не только принять приглашение, но и заявил, что переход прусской границы он будет считать за объявление войны. После этого Долгорукий и Аллопеус уехали из Потсдама. Едва они прибыли в Берлин, как пришла депеша, гласившая, что король дает разрешение русским перейти через его территорию. Внезапная перемена в прусской политике была вызвана полученным известием, что Наполеон I, не спрашивая позволения прусского короля, перешел со своими войсками прусскую границу при Анспахе. Верный своему обыкновенному приему действовать быстро и разбивать врагов поодиночке, он направлял все свои силы против Австрии, пока к ней еще не успели присоединиться Россия и Пруссия. “В этом случае Бонапарт больше способствовал союзу, чем все наши переговоры, – замечает Меттерних. – Он заставил короля принять сторону союзников, задев его самолюбие”.

В первом гневе король хотел удалить из Берлина французских послов Дюрока и Лафоре, но потом, находя эту меру слишком резкой, ограничился согласием на свободный переход русских через Пруссию.

Скоро в Потсдам прибыл и сам Александр I. Его приезд положил конец последним колебаниям короля; оба государя поклялись на гробе Фридриха Великого “в вечной дружбе”, а 3 ноября 1805 года в Потсдаме был заключен союз между Пруссией, Россией и Австрией, представителем которой был Меттерних. Пруссия настаивала на сохранении этого договора в тайне, так как она и теперь надеялась избежать войны, и предлагала выступить официально в качестве посредника между Францией, с одной стороны, и Россией и Австрией – с другой.

Обстоятельства слагались неблагоприятно для союзников. Еще 22 октября, за одиннадцать дней до заключения Потсдамского договора, весь австрийский гарнизон в Ульме, с генералом Маком во главе, был взят в плен. Французам открывалась дорога к Вене, которую они вскоре и взяли. Месяц спустя после подписания договора, 2 декабря 1805 года, произошло знаменитое сражение при Аустерлице, в котором австрийские и русские войска были разбиты Наполеоном, Последний отверг “дружеское посредничество” Пруссии, а когда прусский министр Гаугвиц явился в Вену и начал уверять французского императора в дружеских чувствах прусского короля, тот спросил его с сарказмом: “Говорили ли бы вы так, если бы меня победили?” Тем не менее, желая вызвать раздор среди европейских государств, Наполеон предложил Пруссии союз и Ганноверскую область. Она согласилась, и 16 декабря 1805 года в Вене был подписан договор между Францией и Пруссией. К

этому времени относится эпизод, характеризующий европейскую дипломатию вообще. Наполеон вскоре узнал о тайном потсдамском договоре. Существовало мнение, что он был выдан ему Меттернихом; Меттерних же, со своей стороны, обвиняет в этом Гаугвица.

По Пресбургскому договору, который был заключен вскоре после Аустерлицкого сражения, Австрия потеряла все свои итальянские провинции и фактически вышла из тройственного союза, заключенного в Потсдаме. Пруссия, мало полагавшаяся на дружбу Наполеона, заключила 1 июня 1806 года новый тайный союз с Россией против Франции. Таким образом, она находилась одновременно в союзе с Францией против России и с Россией против Франции. Под прикрытием этих двух союзов Пруссия деятельно готовилась к войне. Наполеон, чтобы предупредить новую, четвертую коалицию, которой уже грозили ему Англия и Россия, продолжавшие находиться во враждебных отношениях с Францией, напал в 1806 году на Пруссию, разбил прусские войска при Иене и Ауэрштедте, и потом, со всеми своими силами, двинулся на восток против русских. Зима 1806/1807 года ознаменовалась победами над Россией при Эйлау и Фридланде.

В продолжение двух лет Наполеон уничтожил силы всех континентальных государств. Неуязвима оказалась только Англия, которая, после гибели французского флота при Трафальгаре, где нашел свою смерть знаменитый английский адмирал Нельсон, сделалась поистине “царицей морей”.

Чтобы сокрушить английское могущество, Наполеон придумал известную “континентальную систему”, которую он как иго наложил на все государства, включая и Россию. Наполеон стал хозяином всей Центральной и Западной Европы. Пруссия была уменьшена наполовину. На месте старых государств возникали новые, во главе которых находились родственники Наполеона. Луи получил Голландию, Жозеф – Неаполь, Жером – отнятую у Пруссии Вестфалию, а Мюрат, муж Каролины, – Бергское герцогство. Из прирейнских немецких государств Наполеон создал Рейнскую конфедерацию.

Опасность для европейских монархов заключалась не только в новом политическом распределении, но еще и в духе, вносимом Наполеоном в среду народов, с которыми он воевал.

Во Франции Наполеон настойчиво преследовал идеи революции, но он сеял их по всей Европе. Он наводнял Германию, Австрию, Италию своими бюллетенями, в которых подвергался строжайшей критике образ правления и злоупотребления властей и раскрывались, без всякого стеснения, слабости королей, министров, чиновничества и духовенства. “Глава французского

правительства, – писал по поводу этих бюллетеней Меттерних, – громко выражает свои намерения возмутить народы, которые Австрия и Пруссия в согласии с Россией должны были подчинить своей власти, чтобы предохранить их от бедствий и преступлений, вызванных Французской революцией”.

Наполеон угрожал, кроме того, разделить Австрийскую империю на несколько королевств: Богемию, Венгрию, Тироль и другие, во главе которых находились бы преданные ему люди.

Следить за проектами Наполеона и по возможности расстраивать их – вот какая задача была возложена на Меттерниха, когда он был назначен австрийским посланником в Париж в конце 1806 года.

Глава III. Наполеон и Меттерних

Трехлетнее пребывание Меттерниха в Париже останется одним из самых интересных периодов его деятельности. Здесь он должен был проявить весь свой дипломатический талант, чтобы преодолеть трудности, с которыми была сопряжена роль австрийского посланника. Историческое прошлое Австрии и ее многочисленные интересы в Европе требовали от ее посланника политики смелой и достойной, тогда как ее тогдашнее печальное внутреннее и внешнее положение допускало только политику крайней осторожности. Примирение этих двух крайностей составляло задачу весьма трудную; но еще более трудною она становилась вследствие особенных условий, при которых Меттерниху приходилось действовать. В Париже он должен был бороться не только с таким ловким и хитрым дипломатом, как Талейран, но и с самим императором Наполеоном.

О своих отношениях с Наполеоном Меттерних любил вспоминать до конца жизни и нередко с обычным своим самомнением проводил параллель между собой и французским императором. Он изображает свои отношения к Наполеону в виде партии в шахматы, "...во время которой мы зорко следили друг за другом: я – чтобы обыграть его, он – чтобы уничтожить меня вместе со всеми шахматными фигурами". Однако вряд ли Наполеон, игравший в то время в шахматы – выражаясь словами Меттерниха – со всем миром, уделял такое исключительное внимание австрийскому посланнику и позже австрийскому министру. Более близкими к истине кажутся следующие слова госпожи де Ремюза, писавшей в своем дневнике: "В течение нынешнего лета (1806) в Париж приехал господин де Меттерних, посланник Австрии, сыгравший уже довольно значительную роль в Европе и сделавший быструю карьеру, хотя его дарований хватает только на интриги. Он молод и приятной наружности, пользуется успехом у дам и, как видно, очень привязался к госпоже Мюрат".

Нельзя также без улыбки читать рассказ Меттерниха о том, как он в частных разговорах с Наполеоном принимал на себя роль моралиста. "Наполеон не отрицал добродетели и чести, – пишет Меттерних, – но постоянно твердил, что руководиться ими в жизни могут только мечтатели, за которыми он не признавал никакой способности заниматься общественными делами. Я проводил целые часы в разговорах с ним, оспаривая это положение, идущее вразрез с моими взглядами, и старался доказать, насколько оно ложно... Однако мне ни разу не удалось

поколебать его убеждения”.

Положение Австрии после Пресбургского мира в 1805 году было из самых тяжелых. Потеря богатейших итальянских областей и военные контрибуции подорвали ее внутреннее благосостояние, сократили торговлю, а вместе с тем и государственные доходы. Австрийский государственный долг, равнявшийся 377 млн. гульденов, возрос до 630 млн., а стоимость поземельных владений, оцениваемых после Люневильского мира в 3640 миллионов гульденов, сразу упала в конце 1805 года на 320 миллионов. Не менее печальным было международное положение Австрии. Из ее прежних союзников не оставалось ни одного, на кого она могла бы рассчитывать в борьбе с Францией, исключая Англию; да и та ограничивалась тем, что выдавала ей незначительную субсидию во время войны. Пруссия, наполовину уменьшенная после Тильзитского договора, могла считать себя счастливой, что продолжает существовать, пусть даже как третьестепенное государство. О войне с Наполеоном она пока не могла и думать. Россия, сделавшаяся после Тильзита союзницей Франции, этим самым становилась во враждебные отношения к Австрии, которой, кроме того, угрожала своей наступательной политикой в Турции.

Таково было положение Австрии, когда Меттерних поехал посланником в Париж, В первые же дни своего пребывания там он должен был убедиться в бессилии и изолированности представляемого им государства. Как только он приехал в Париж, французское правительство вступило с ним в переговоры относительно точного проведения границ между Австрией и Итальянскими областями. Французский министр иностранных дел, Шампаньи, предложил ему заранее приготовленный проект, прося подписать его без обсуждений. Когда Меттерних, не желая согласиться с этим невыгодным для Австрии проектом, попробовал затянуть переговоры до получения инструкций из Вены, Шампаньи заметил: “Вы будете требовать инструкции, но события идут вперед, а вместе с событиями идем и мы”. Другими словами, неуступчивость Австрии может ей стоить дорого.

Наполеон, имея дело с несговорчивыми противниками, после каждой попытки сопротивления обыкновенно предъявлял новые, более жестокие условия. И, действительно, со всех сторон до Меттерниха начали доходить слухи, – вероятно, распускаемые самим Наполеоном, – будто он намерен потребовать у Австрии новой территориальной уступки – Триеста. Тогда Меттерних поторопился подписать первое предложение, оправдывая перед австрийским правительством свою поспешность “наглыми и бесстыдными угрозами французской дипломатии”.

Меттерних должен был внимательно наблюдать за различными изменениями французской политики и, главным образом, за новыми франко-русскими отношениями. Меттерниху, как и всему миру, было известно, что между Наполеоном и Александром I заключено в Тильзите секретное соглашение, касающееся Турции. Проникнуть в тайну этого соглашения, узнать, в какой степени оно обязывает Францию и Россию и угрожает интересам Австрии, – вот цель, которою задался молодой австрийский посланник.

Спустя год после его прибытия в Париж туда приехал новый русский посланник, генерал Толстой. По словам Меттерниха, Толстой имел поручение подобное тому, которое Александр I давал ехавшему в Берлин Винценгероде, – советоваться с Меттернихом во всех важных вопросах.

– Я не знаю, чего хотят от меня эти господа, – говорил ему Толстой, имея в виду Наполеона и его министров, – но они безумны, если воображают, что я сделаюсь их орудием.

– Старайтесь казаться таковым, а на деле пусть будет иное. Хорошо было бы нам условиться давать друг другу полезные указания, – отвечал Меттерних.

Желая в то же время узнать русские намерения относительно Турции, Меттерних, между прочим, дал понять Толстому, что ему из верного источника известно, что скоро решится судьба Оттоманской империи. В ответ на эту инсинуацию Толстой начал расточать уверения, что Россия не имеет никаких завоевательных намерений касательно Турции, – слова, крайне поразившие, по выражению Толстого, даже самих французов. Однако Меттерних отнесся скептически к заявлению русского посланника. “Я не позволяю себе, – пишет он Стадиону, – судить о русской политике по внешним признакам”. Тем не менее, из своего свидания с Толстым он заключил, что дружба между Францией и Россией не так уж тесна и что опасность для Австрии от франко-русского соглашения невелика; поэтому некоторое сближение между Австрией и Россией кажется Меттерниху и возможным, и желательным.

Через два месяца после приезда Толстого в Париж, в начале января 1808 года, совсем неожиданно для Меттерниха заговорил с ним о разделе Турции Талейран. По его словам, Наполеон занят двумя проектами: первый из них – завоевание Индии – относится к области фантазий и не заслуживает внимания Австрии, второй же вполне реальный – раздел Турции.

“Примите и вы участие в этом деле, – говорил Талейран Меттерниху, – французы, русские и австрийцы должны в один и тот же день войти в Константинополь”. Через несколько дней, 22

января, сам Наполеон пригласил Меттерниха к себе и повторил ему предложение Талейрана. “Я не нуждаюсь, – говорит Наполеон, – ни в каких новых территориальных уступках со стороны Турции. Египет и несколько колоний меня вполне удовлетворят, но это далеко не уравновесит громадного расширения России”.

Другими словами, для сохранения равновесия на востоке Австрия тоже должна принять участие в разделе турецких провинций.

Внимание, оказанное Наполеоном Австрии, привело Меттерниха в восторг. Он спешит донести об этом своему правительству, хотя признает, что сохранение Турции составляет один из догматов австрийской внешней политики; но если Турция будет уничтожена помимо воли Австрии, то эта последняя также должна получить свою долю.

С другой стороны, он старается проверить, серьезно ли предложение Наполеона, и узнать, в каком фазисе находятся переговоры с Россией по восточному вопросу. Меттерних устраивает свидание с Толстым и, скрывая свой разговор с Талейраном и Наполеоном, начинает исподволь его допрашивать. Он рассказывает Толстому о встревожившем его слове “Константинополь”, которое нечаянно сорвалось у Наполеона, и о сне, в котором он видел совершившийся раздел Турции; поэтому, для своего успокоения, он желает знать, какой политики придерживалась бы Россия, если бы речь коснулась этого вопроса. Однако и на этот раз Меттерниху ничего не удалось узнать от русского посланника. Толстой уверял, что Россия не желает никаких территориальных увеличений.

Тем не менее, в это же время между Францией и Россией шли оживленные переговоры о разделе Турции. Но об этом Толстой ничего не знал. Наполеон видел в нем приверженца английской партии и, помимо того, “болтуна”, не умеющего ничего скрывать; поэтому все переговоры происходили в Петербурге между Александром I и канцлером Румянцевым, с одной стороны, и французским посланником Коленкуром – с другой, причем оба правительства обязались сохранять строжайшую тайну.

Как мы уже заметили, раздел Турции был решен на Тильзитской встрече. Однако, по заключенному там тайному соглашению, разделу подлежала только часть турецких провинций. Константинополь же вместе с Румелией должны были остаться за Турцией. Таким образом, устранялся щекотливый вопрос о том, кому владеть важной в стратегическом отношении турецкой столицей. В течение семи месяцев, прошедших со времени встречи в Тильзите (конец июля 1807 года) до первых

переговоров, начавшихся в феврале 1808 года, Наполеон, в связи с этими событиями, менял несколько раз свои намерения. Так, например, к великому огорчению Александра, французские войска продолжали оставаться в Силезии, которую следовало возвратить Пруссии. Когда Александр жаловался, что Наполеон не исполняет своего обещания, этот последний отвечал, что Россия точно так же продолжает занимать Валахию и Молдавию.

В то время, когда происходили эти далеко не дружеские пререкания, в Португалии и Испании обнаружилось движение против Наполеона, и последний, желая нанести окончательный удар Англии, разжигавшей антифранцузские страсти на Пиренейском полуострове, снова подымает вопрос о разделе Турции и о завоевании Индии. Второго февраля 1808 года, то есть несколько дней после вышеприведенной беседы с Меттернихом, Наполеон пишет русскому царю, советуя ему завоевать Швецию и готовиться к войне с Турцией. Письмо Наполеона ободрило начинавшего уже разочаровываться во франко-русском союзе Александра I. "Оно написано тильзитским стилем", – говорил царь в восторге Коленкуру. Война против Швеции, "географического врага России", как ее называл Наполеон, была объявлена. Сам Наполеон послал русским на помощь корпус в 30 тыс. человек под начальством Бернадота. Несколько месяцев спустя, после завоевания Финляндии, Александр I говорит с радостью Коленкуру: "Как видите, я воспользовался советами императора и избавился от своего *географического врага"*. Это событие подняло популярность франко-русского союза среди русской аристократии и офицерства, относившихся весьма отрицательно к Тильзитскому соглашению. "Будете ли вы еще жалеть о союзе с Францией? – спрашивал теперь Александр I Новосильцева. – И скажите: что нам принесли соглашения с Англией?"

Однако далеко не столь благополучный исход имели переговоры о разделе Турции.

Здесь прежде всего возникает вопрос, по каким побуждениям Наполеон предложил Австрии участвовать в разделе, что он повторил в письме к Александру и к чему этот последний отнесся вполне одобрительно?

Как во всех своих поступках, Наполеон принимал в соображение и худые и хорошие последствия известного события. Если отношения между Россией и Францией останутся всегда хорошими, присутствие между их территориями третьего, центрального государства, могло только укрепить их союз. На Тильзитском свидании Наполеон говорил Александру, что если бы их империи соприкасались, то между ними могли бы

появиться недоразумения, “между двумя соседями ничтожные булавочные уколы легко превращаются в жестокие столкновения”. Поэтому он и высказывался за сохранение Пруссии как своего рода государства-буфера между Россией и Францией.

Аналогичную роль должна была играть Австрия между русскими и французскими владениями на востоке.

Наполеон руководился еще одним, более реальным соображением: создать силу, уравновешивающую русское влияние на Балканском полуострове.

Еще до Тильзитского соглашения, когда к нему в начале января 1807 года в Варшаве явился австрийский уполномоченный, генерал Венсан, Наполеон говорил: “Будет время, когда я приду со стотысячной армией в Вену, *чтобы защитить эту столицу от нашествия русских”.* Тогда же в письме к императору Францу Наполеон писал: “Русское могущество, основанное не на сильной армии, а на ее влиянии на греков, должно укрепить связь Австрии с Францией”. Мысль возбудить Австрию против России и уничтожить возможность союза в будущем между этими двумя государствами не покидала Наполеона и во время его дружественных отношений к России. Сам он позже, в минуту задорной откровенности, какую он часто позволял себе, когда уже незачем было скрывать свои намерения от противника, говорил русскому уполномоченному – генералу Чернышеву, что если он согласится в Эрфурте, чтобы Россия присоединила к своим владениям дунайские провинции, то сделает это с целью рассорить ее навеки с Австрией.

Как мы заметили, Александр I (потому ли, что также желает избежать соседства сильного друга, или потому, что считал существование Австрии необходимым для уравновешивания влияния Франции), отнесся благосклонно к ее участию в предстоящем разделе Турции. Он даже согласился уступить австрийцам Сербию, которая, по первым проектам Александра I, должна была сделаться независимым государством. Кроме того, Австрия получала еще Македонию, так что ее владения протянулись до Архипелага. Далмация, Албания, Греция вместе с островами, Египет и Сирия делались французскими владениями, а Валахия, Молдавия, Болгария и вся прибрежная полоса в Малой Азии от русской границы до Константинополя должны были принадлежать России. Камнем преткновения на пути к благополучному исходу новых переговоров оставался “кошачий язык”, как канцлер Румянцев называл пролив.

Сначала французский посланник Коленкур предложил русским Босфор вместе с Константинополем, а Дарданеллы

должны были остаться за Францией. И Румянцев, и Александр I отвергли это предложение, как и следующее, согласно которому Константинополь превращался в независимый город. Они считали проливы “ключом от своих ворот”, которые должны были находиться в исключительном владении России. Все старания Коленкура в продолжительных беседах с царем и канцлером привести к какому-нибудь среднему решению остались тщетными. Румянцев и Александр I продолжали настаивать на том, чтобы Константинополь вместе с проливами сделался русским. Упорство русского двора сильно беспокоило Коленкура. “Мне не дано предвидеть будущее, – пишет он Наполеону, – но кто в состоянии остановить этого колосса, если он будет локтем опираться на Константинополь, а пальцем на Торнео?”

Наполеон ответил, что его посланник и так зашел слишком далеко на пути уступок. “Император находит, – писал Шампаньи Коленкуру, – что вы не проявили достаточно энергии в ваших ответах на предложения графа Румянцева”. Это было писано еще до получения протоколов петербургских переговоров. Протоколы пришли в Париж 1 апреля; Наполеон передал их Шампаньи с приказанием представить по этому делу докладную записку; в то же самое время он велел сообщить Коленкуру, что за отсутствием времени не мог принять никакого решения и что хотя он и воодушевлен прежним желанием содействовать видам Александра I, но не может, однако, жертвовать ради него интересами Франции.

Одновременно с этим Талейран сообщил Меттерниху, что вопрос о разделе Турции теперь откладывается на долгий срок.

Все это доказывает, что возникли новые вопросы, требовавшие безотлагательного решения и заставившие Наполеона изменить свои взгляды на Турцию.

Желая распространить французское владычество на Пиренейском полуострове, где влияние Англии сказывалось сильнее, чем на всем остальном континенте, Наполеон под предлогом предупреждения революции, угрожавшей Испании вследствие возникших между королем Карлом IV и его сыном Фердинандом недоразумений, отправляет в Испанию французские войска. Первого апреля он сам уезжает из Парижа в Байонну, чтобы быть ближе к театру военных действий. Ему удается вызвать туда испанского короля с сыном; угрозами он заставляет их обоих отказаться от своих прав в пользу его, Наполеона, а сам назначает своего брата, Жозефа, испанским королем. Однако этот переворот встретил сильный и неожиданный отпор со стороны испанского народа, действовавшего отчасти под влиянием обиженного

национального самолюбия, отчасти по наущению англичан и католического духовенства, видевшего в новом порядке опасность для своего государства.

Первые столкновения с испанскими повстанцами кончились победой французских войск; но восстание быстро разрасталось, и мятежники успели укрепить город Севилью, сделавшийся центром верховной революционной хунты. Скоро повстанцы окружили французского генерала Дюпона и заставили его капитулировать при Байлене.

Известие о поражении французской армии застигло Наполеона на пути в Париж, куда он возвращался. Оно привело его в одно из тех яростных состояний, которых боялись даже самые близкие ему люди. “У меня здесь пятно!” – говорил он, показывая пальцем на мундир и лихорадочно шагая по комнате. Но поражение при Байлене не только оскорбляло его самолюбие как победителя, оно угрожало ему новой войной, которая вынудила бы его отсрочить осуществление главного его намерения, а именно: завоевать Восток и сокрушить английское влияние на Босфоре и Дарданеллах. Будучи еще в Байонне, Наполеон узнал от своих агентов в Италии, Австрии и Германии, что австрийское правительство при первых сообщениях о вступлении французских войск на Пиренейский полуостров начало готовиться к войне. Наполеон предвидел, что известие о Байленском поражении еще более ободрит австрийцев и что столкновение с Австрией неминуемо, – а этого он не желал, так как всякая война на континенте только усилила бы влияние Англии.

Мечтой Наполеона был союз всех континентальных держав против Англии, война же с Австрией угрожала создать новую коалицию – всех держав, с Англией включительно, против одного Наполеона. Поэтому он теперь спешит в Париж и оттуда в Эрфурт на встречу с Александром I, дружба которого в данный момент была ему чрезвычайно нужна. Еще с дороги он делает распоряжение об отзыве французских войск из Силезии. Эта мера была продиктована Наполеону чисто военными соображениями, ему необходимо было пополнить войска в Испании, – но он представил ее в письме к Александру I как уступку, сделанную ему, Александру, как заступнику Пруссии.

Наполеон прибыл в Париж ко дню своего рождения 15 августа. Здесь, именно во дворце Сен-Клу, принимая посланников, он устроил бурную сцену Меттерниху по поводу австрийских военных приготовлений: “Очевидно, вы желаете кому-нибудь мстить или же боитесь кого-нибудь? Слыхано ли, действовать с такою поспешностью? Если бы вы употребили год

или полтора, никто ничего не возразил бы; но требовать, чтобы все было готово к 10 июля, как будто бы в этот день на вас кто-нибудь нападет! Этим вы даете толчок общественному мнению, последствия которого трудно будет остановить... Я войны не желаю и ничего не хочу, император Франц, граф Стадион, граф Меттерних тоже ее не желают, как и все благоразумные люди. Но я, зная хорошо ход человеческих дел, предсказываю вам, что война будет помимо воли добрых людей. Здесь действует одна невидимая рука – рука Англии". В таком тоне продолжал Наполеон говорить или, вернее, кричать на Меттерниха в продолжение часа. Меттерних не растерялся. Своими ловкими ответами ему почти удалось смягчить впечатление, которое произвели на присутствующих посланников речи Наполеона. "Я не только того же мнения, Ваше Величество, – говорил он, – но мне даже кажется, как будто я рассуждаю о наших интересах с австрийским министром иностранных дел – настолько то, что Ваше Величество говорит, справедливо и настолько наше недоразумение мало похоже на ссору между двумя государствами".

Никто не желал войны, а тем не менее она была неизбежна, как верно пророчил Наполеон. Война фатально проистекала из тогдашних отношений. В судьбе Голландии, Италии, Пруссии и, наконец, Испании Австрия видела ожидавшую ее участь. Ей нужно было принять меры для самозащиты, что уже одно должно было повести к войне.

Неминуемой представлял войну Меттерних в своих донесениях австрийскому правительству: "По-моему, – писал он, – Наполеон думает возместить свои убытки, и его свидание с Александром I именно и подготовлено с этою целью". В то же самое время он старается представить, что стечение обстоятельств очень неблагоприятно для Наполеона как с внешней, так и с внутренней стороны; что среди французских генералов и министров с Талейраном и Фуше во главе образовалась сильная оппозиция, имеющая целью бороться с завоевательной политикой императора. "На ваши интересы я смотрю, как на свои", – сказал однажды Талейран Меттерниху, и тот спешит сообщить слова французского министра своему правительству. Меттерних одновременно старался влиять и на русского посланника, генерала Толстого, который в своих донесениях Александру стоит за Австрию. "На уничтожение Австрии нужно смотреть как на предварительный шаг, который поведет к нашему собственному уничтожению". Однако в этот момент ни Франция, ни Австрия не были еще готовы к войне, и поэтому обе стороны, чтобы выиграть время, уверяют одна

другую во взаимной дружбе. После сцены, сделанной Меттерниху 15 августа, Наполеон посылает к австрийскому министру Шампаньи с уверениями своего личного к нему расположения. Меттерних отвечает также проникнутыми дружелюбием словами и даже, в доказательство хороших отношений между обоими государствами, предлагает сопровождать Наполеона в Эрфурт, где должно было произойти свидание с Александром I. Скрытой мыслью Меттерниха, о чем он и пишет Стадиону, было следить и даже противодействовать переговорам Наполеона с русским царем. Когда Наполеон, отлично понявший намерения Меттерниха, отклонил его предложение, тот отправился во время Эрфуртской встречи в Вену, чтобы лично снестись со своим правительством.

Главною целью Наполеона при встрече с Александром, происходившей в Эрфурте в конце сентября 1808 года, было заручиться поддержкой России на случай войны с Австрией.

Хотя Александр I продолжал выказывать Наполеону дружеские чувства и на словах одобрял его политику в Испании, он в глубине души был недоволен, а главное, испытывал серьезные опасения. Частые и неожиданные перемены в политике Наполеона, его испанский поход, о котором Александр I узнал, как и вся Европа, только из частных источников, тогда как он, в качестве союзника, мог ожидать, что Наполеон посвятит его в тайны своей политики, – охлаждение Наполеона к важному для России вопросу о разделе Турции, наконец, его распоряжение о возвращении французских войск, отправленных под начальством Бернадота на помощь русским против Швеции, – все это оскорбляло самолюбие Александра и вселяло в него недоверие к личности союзника. Различные влияния, под которыми находился Александр, еще более усиливали это чувство. Тотчас по заключении соглашения в Тильзите в Петербург прибыл английский агент Вильсон, открыто действовавший против союза с Францией. Агитация Вильсона встречала большое сочувствие среди русского общества, на холодность которого постоянно жаловались французские посланники в Петербурге. Русский же посланник в Париже, генерал Толстой, как мы видели из его разговоров с Меттернихом и из его донесений Александру I, также был врагом Наполеона и сторонником союза с Австрией.

В Эрфурте Александр I встретил еще одного неожиданного советника, тоже проповедовавшего борьбу с Наполеоном, в лице собственного министра этого последнего, Талейрана. На этой любопытной личности, игравшей крупную роль в занимающую нас эпоху, мы остановимся, когда будем говорить о Венском конгрессе, а теперь достаточно отметить, что Талейран, отчасти

по политическим, отчасти по корыстным соображениям, вел подпольную интригу против своего государя. В первый же день своего приезда в Эрфурт, куда он сопровождал Наполеона, ему удалось видеть Александра и сказать ему следующее: “Государь, что вы хотите делать здесь? Вам предстоит спасти Европу и вы добьетесь этого только сопротивляясь Наполеону. Французский народ воспитан и просвещен, а его государь – нет. Русский государь воспитан и просвещен, а русский народ – нет; поэтому русскому государю следует быть союзником французского народа. Альпы, Рейн и Пиренеи завоеваны Францией, все остальное завоевано императором, а его завоеваниями Франция не дорожит”. Весь этот разговор передавал Меттерниху несколько недель спустя сам Талейран.

Неудивительно, что, окруженный подобными влияниями, Александр начал охладевать к своему союзнику. Будучи с виду друзьями, русский и французский императоры в дипломатических переговорах, происходивших между ними, держались уже как противники, зорко следящие один за другим. Когда однажды при разговоре Наполеон, потеряв терпение, начал топтать свою шляпу, Александр направился к двери со словами: “Вы буйны, а я упрям, и гневом со мной сделать ничего нельзя. Я согласен разговаривать и рассуждать, а иначе я уйду”. Как мы далеки от “тильзитского стиля”, когда Александр, встретившись с Наполеоном в палатке, устроенной на берегу Немана, любезно говорил: “Государь, я ненавижу англичан”, – или, как передают другие: “Ваше Величество, я буду вашим помощником в войне с Англией”.

На все предложения Наполеона Александр отвечал теперь уклончиво. Правда, он согласился дать дружеский совет Австрии приостановить вооружения, но наотрез отказался прибегнуть к угрозам или каким бы то ни было другим мерам, нарушающим самостоятельность действий австрийского императора. “Ваш царь упрям, comme une mule”[3], – говорил Наполеон Коленкуру.

В это время Австрия деятельно готовилась к войне. Во главе военной партии находился министр Стадион; император Франц проявлял меньше решительности, часто вспоминая данное лично Наполеону после Аустерлица обещание никогда больше не воевать с Францией; он сердился, когда, подходя к окнам дворца, видел на площади двести пушек, готовых к походу, и кричал, что это все сделано против его воли; но затем чувство страха уступало место ненависти к Наполеону и он машинально повторял: “Этот человек доставляет мне много хлопот; он непременно хочет уничтожить мою монархию”.

Меттерних уверяет в своей автобиографии, что во время

своего пребывания в Вене он советовал австрийскому правительству более благоразумную политику, но подлинные документы, исходившие из его же рук и напечатанные Онкеном, доказывают обратное. С другой стороны, мы видели, что в своих донесениях из Парижа он представляет войну неминуемой и внутреннее положение Франции крайне неблагоприятным для Наполеона, – обстоятельство, которое могло только утвердить австрийское правительство в мысли о войне.

В конце 1808 года австрийский уполномоченный князь Шварценберг поехал в Петербург с тайной миссией осведомиться о намерениях русского правительства. Александр I советовал Австрии не воевать только потому, что "час мщения еще не наступил". Из этих слов Александра Шварценберг мог вынести убеждение, вполне оправдавшееся впоследствии, что Россия не намерена оказывать своему союзнику Наполеону серьезной поддержки в войне с Австрией.

Из Эрфурта Наполеон отправляется в Испанию, лично руководит военными действиями, уничтожает силы повстанцев и затем возвращается в Париж.

Пять дней после своего приезда, именно 28 января, Наполеон со скандалом отрешает Талейрана от должности обер-камергера двора. Немилость, обрушившаяся на хитрого дипломата, была вполне заслужена. В отсутствие Наполеона он продолжал быть советником его врагов. "Не давайте себя предупредить", – говорил он Меттерниху, что значило: объявите войну Наполеону, пока он занят в Испании. Хотя ни эти слова, ни вероломное поведение Талейрана в Эрфурте не были известны Наполеону, но по интригам, на которые он наталкивался на каждом шагу, он догадывался, что здесь действует лукавый и ловкий придворный: Меттерних и после возвращения Наполеона из Испании продолжал уверять его в миролюбивых чувствах Австрии. Однако, когда Шампаньи еще до приезда императора обратился к нему с категорическим требованием, чтобы Австрия официально признала Жозефа Бонапарта испанским королем, Меттерних уклонился. "Он начинает говорить, чтобы ничего не сказать, – писал французский министр Наполеону. – После целого ряда фраз, не имеющих никакого смысла, Меттерних сказал, наконец: "Но ... однако... генерал Андреосси заявил, *что вы не согласитесь на нашу формулу признания".* Я понял, что он хочет извиниться за отказ своего правительства. Должен сказать Вашему Величеству, что я никогда не замечал у г-на Меттерниха, отличавшегося обыкновенно свободным и положительным способом выражения, столько замешательства и нерешительности в речи, как теперь".

В это время в Париж приехал русский канцлер Румянцев.

Меттерних, которому нужно было выиграть время, чтобы Австрия хорошо подготовилась, старался воспользоваться влиянием русского канцлера, чтобы отсрочить объявление войны. Он “задушил его своими ласками”, как выражался Шампаньи в письме к Наполеону.

Предупрежденный обо всем этом Наполеон не хотел медлить: он опять обратился к России с требованием совместного предъявления Австрии ультиматума и снова натолкнулся на уклончивый ответ Александра. Когда же война стала неизбежной, последний согласился отправить на помощь Наполеону корпус войск под начальством князя Голицына, но только для соблюдения формальности, как он сам заявил Австрии. И действительно, русские войска ни разу не имели дела с австрийскими.

Как известно, война кончилась для австрийцев весьма быстро и печально. В течение одной недели – от 4 до 11 июля – они потеряли 51626 солдат и 864 офицера, в том числе 17 генералов.

Немало стоила война и французам: в сражениях 5 и 6 июля они потеряли 20 тысяч человек и 28 генералов, в одних только венских больницах находилось 43 тыс. больных и раненых французских солдат. Это обстоятельство заставило Наполеона поспешить с предложением мира.

Здесь на сцену снова выступает Меттерних, уже в качестве австрийского министра иностранных дел.

Непосредственные обстоятельства, вызвавшие назначение его на важный министерский пост, до сих пор остаются не вполне выясненными.

Друзья бывшего министра Стадиона обвиняли Меттерниха в интригах – мнение настолько установившееся, что даже третья жена его, графиня Мелания Зичи, двадцать пять лет спустя спрашивала у своего мужа объяснения по этому поводу. Сам же Меттерних представлял свое назначение как совершившееся помимо его воли. Еще 8 июля, после Ваграмского поражения, граф Стадион, считавший себя ответственным за войну, подал в отставку и предложил своим преемником назначить Меттерниха. Меттерних сначала отказывался принять такой ответственный пост и согласился только после долгих настояний императора Франца. Однако и после формального принятия министерского портфеля он из осторожности оградил себя условиями, о которых упоминает в письмах к матери, прося ее сохранить это в тайне, дабы его слова не дошли как-нибудь до родственников Стадиона. Эти условия, за которыми скрывается желание Меттерниха возложить всю ответственность за войну и ее печальные последствия на Стадиона, заключались в том, что до *окончания*

переговоров Стадион формально остается министром иностранных дел, сам же Меттерних должен участвовать в переговорах только в качестве советника императора Франца.

Мы не будем описывать переговоров, которые тянулись почти два месяца и в которых выступают уже знакомые нам дипломатические приемы Меттерниха и Наполеона. Отметим только следующее: Наполеон, увидев, что конференция о мире, заседавшая в Альтенбурге, где Меттерних и Шампаньи старались обманывать друг друга, не приводит к желанным результатам, вызвал к себе князя Лихтенштейна и в одни сутки заставил его принять продиктованные ему условия.

Так был заключен Венский мир, лишивший Австрию третьей части ее владений, из которых прилегающая к Адриатическому морю полоса с Триестом и Фиуме отошла к итальянским владениям Франции, Галиция же частью перешла к России, частью вошла в состав созданного Наполеоном в 1807 году Варшавского герцогства. Кроме уплаты военной контрибуции в 85 млн. франков, Наполеон еще обязал Австрию держать не более 150 тыс. войска.

Венский мир создал для Австрии положение, схожее с тем, которое Тильзитский создал для Пруссии. Со всех сторон Австрия была окружена французскими владениями или государствами, которые, подобно Варшавскому герцогству, находились под покровительством Франции. Австрия не могла больше думать о новой войне, тем более что ее торговля и финансы были окончательно расстроены, а ее войско доведено до безопасного для Наполеона минимума. Единственной политикой, которую Меттерних считал теперь возможной и выгодной, была дружба с Наполеоном, пока какая-нибудь счастливая случайность, как, например, смерть французского императора, не избавит Европу от его страшного ига.

Одно непредвиденное обстоятельство, вскоре после заключения Венского мира, помогло Меттерниху выполнить первый пункт его программы, – сближение с Францией.

Еще в Эрфурте Наполеон попросил у Александра руки его младшей сестры, Анны Павловны; то же предложение он повторил и в конце 1809 года. Александр медлил с ответом, требуя каждый раз нового срока, чтобы убедить свою мать. Наполеон истолковал эти колебания в неблагоприятном для себя смысле и, не дождавшись окончательного ответа от петербургского двора, обратился к австрийскому посланнику, князю Шварценбергу, прося руки австрийской эрцгерцогини Марии Луизы. Шварценберг дал благоприятный ответ и в тот же день, от имени австрийского императора, подписал брачный

договор. Он это сделал, не заручившись формальным согласием своего правительства, предполагая, что оно встретит совершившийся факт с большой радостью. Действительно, так и случилось: император Франц охотно выдал свою дочь за Наполеона, “желая обеспечить своему государству, – по его словам, – несколько лет мира, чтобы оно могло залечить свои раны”. Радовалось и венское общество, а больше всех – Меттерних. “Если бы я был спасителем человечества, – писал он своей жене, находившейся в Париже, – я не получил бы стольких приветствий и выражений уважения, как за содействие, которое оказал в этом деле. Я получу орден Золотого Руна... но нельзя не признаться, что нужны были необыкновенные обстоятельства, чтобы дать мне больше того, чего мое честолюбие могло желать, хотя, в сущности, я никогда не имел честолюбивых замыслов”.

С этической точки зрения, этот брак был безнравственной политической сделкой. Наполеон женился на принцессе, которую никогда не видел, а Мария Луиза выходила замуж не по своей воле, а по требованию отца. Правда, Меттерних рассказывает, что по просьбе императора Франца он спросил о ее мнении, но этот шаг, после того, как договор был подписан, делался только из приличия. Мария Луиза ответила, что она подчинится решению своего отца, после чего Метгерних пишет Шварценбергу следующие, проникнутые жестокой иронией слова по адресу австрийских принцесс: “Наши принцессы мало привыкли выбирать себе супругов по влечению сердца”.

Так был заключен знаменитый брак между старинным габсбургским домом и вчера еще неизвестной корсиканской фамилией Буонапарте. Австрия и в этом случае, следуя своему девизу: *“Felix Austria nube”,* – старалась политикой браков добиться того, чего не могли ей дать нескончаемые войны. Вместе с будущей императрицей Франции в Париж поехал и Меттерних, который сам просил у императора Франца позволения сопровождать его дочь. Австрийский дипломат хотел на месте убедиться, куда поведет Францию новое направление политики Наполеона. Думает ли император, основав династию, заняться внутренним устройством государства – или же стремится браком с австрийской принцессой привязать к себе Австрию для того, чтобы с ее помощью продолжать свою завоевательную политику?

Метгерних оставался в Париже около шести месяцев. Ловкому царедворцу и хитрому дипломату удалось скоро приобрести симпатии и узнать тайные желания французского общества и, главным образом, французского императора. Метгерних хорошо понимал значение лести. Вот, например, характерный факт. На другой день после приезда Марии Луизы в

Париж он показался в одном из окон Тюльерийского дворца, сад и двор которого были полны народом, и, подняв бокал, крикнул, обращаясь к толпе: “Да здравствует король Рима!” Чтобы понять смысл этого приветствия, вызвавшего шумные аплодисменты толпы, следует сказать, что этот титул должен был носить будущий наследник Наполеона. Толпа была тем более польщена, что титул “король Рима” принадлежал до Пресбургского мира австрийской короне, и теперь Меттерних еще раз торжественно признавал за французским императором то, что было отнято у Австрии силой оружия.

Главный интерес пребывания Меттерниха в Париже заключается в его частых беседах с Наполеоном. Докладные записки к австрийскому императору, писанные Меттернихом в это время под впечатлением каждого разговора и напечатанные во втором томе его мемуаров, представляют важный психологический и исторический материал для характеристики личности и взглядов как Наполеона, так и самого Меттерниха. Обыкновенно словоохотливый Наполеон теперь, когда он находился на вершине своего могущества, когда после военного счастья ему улыбнулось и счастье семейное и он мог уже надеяться создать прочную династию, ощущал еще больший душевный подъем и проявлял еще большую общительность. Расхаживая по комнате, он проводил целые ночи, развивая перед Меттернихом свои взгляды на будущее, поражая его неожиданными и меткими замечаниями, касающимися всех областей австрийской внутренней жизни и кончая анекдотами и сплетнями. Его мощный ум, охватывавший все стороны человеческого духа, великое и смешное, возвышенное и банальное, проявлялся теперь во всей своей широте. Однако Меттерних не поддавался чарам великого человека. Если он не обладал ни умом, ни талантами, ни энергией Наполеона, то у него был здравый смысл, умевший отличать истину от вымысла. Со вниманием вслушиваясь в каждое слово Наполеона, проливавшее свет на его будущую политику, он вставлял иногда меткое замечание или делал намек, направлявший разговор на интересующую его тему. Вскоре ему удалось с помощью Наполеона сделать большой заем, столь необходимый в то время для Австрии.

Продолжительная оккупация русскими Валахии и Молдавии сильно беспокоила Меттерниха. Несколько раз заводил он разговор на эту тему, указывая на опасность, угрожавшую Европе и в частности Австрии, от завоевательной политики России на Востоке. Однако Наполеон, еще желавший сохранить дружеские отношения с Россией, постоянно отклонял предложение

потребовать от нее эвакуации дунайских провинций, тем более что он сам в Эрфурте согласился считать их принадлежащими России. Тогда Меттерних переходил к другой теме: он доказывал, что отношения между Францией и Россией в силу сложившейся ситуации будут ухудшаться и приведут рано или поздно к войне. “Россия действует под влиянием чувства страха, – говорил Меттерних. – Она боится Франции; она будет бояться нашего сближения, и это беспокойство заставит ее зашевелиться”. Наполеон сам отлично сознавал эту истину, но он также понимал, что под влиянием страха находится не только Россия, но и Австрия и что, несмотря на различие их интересов, они легко могут соединиться против него. Теперь, как и раньше, целью Наполеона было поссорить Австрию с Россией; причиной ссоры могла быть завоевательная политика России на востоке. “Именно увеличение России, – говорил он Меттерниху, – послужит основой соединения Франции с Австрией”.

С этой целью он советует Австрии занять Сербию – факт, который вызвал бы протест России. В другой раз Наполеон заговорил о восстановлении Польши, предложив Австрии обменяться территориями: он возвратит ей иллирийские провинции – побережье Адриатического моря, – взамен находившейся под ее владычеством части Галиции, которая отойдет к будущему польскому королевству.

Из всех этих разговоров Меттерних, вполне основательно, мог вынести убеждение, что цель и тактика Наполеона остаются прежними. “Я не ожидаю, – пишет он с грустью императору Францу, – что брак с австрийской эрцгерцогиней в состоянии остановить завоевательные стремления Наполеона”.

С таким убеждением возвратился он в Вену в средине октября 1810 года, чтобы занять свой пост во главе министерства иностранных дел.

Между тем события, следовавшие с необычайной быстротой одно за другим, должны были привести к войне Франции с Россией. Наполеон не желал войны с Россией и не мог ее желать, как не желал войны с Австрией, как не желал войны с Пруссией. Все это отнимало у него людей и средства, которые он хотел бы употребить на создание сильного флота для борьбы с Англией, единственным европейским государством, не признававшим созданного Наполеоном режима. Так что, когда Наполеон уверял русского посланника Куракина и русского уполномоченного генерала Чернышева в дружбе к Александру, когда он расточал миролюбивые фразы в своих письмах к этому последнему, – он выражал свои искренние чувства. Однако его политика неминуемо должна была привести к войне.

То же самое можно сказать и об Александре I. Он слишком хорошо знал, какими громадными ресурсами располагают Франция и Наполеон, чтобы с легким сердцем искать столкновения. Однако России, как и всем европейским государствам, предстояла альтернатива: или подчиниться политике Наполеона и сделаться его орудием, или же воевать с ним для защиты своей самостоятельности.

Исход войны Наполеона с Россией известен. Однако и после страшного поражения, которое Наполеон потерпел в России, он не растерялся. Последние остатки *Великой армии* еще бродили по русским снежным равнинам и тонули при злополучном переходе через Березину, а Наполеон уже был в Париже, чтобы создать новую армию и, поспешно возвратившись на поле сражения, доказать, что там, где ему приходится воевать не со стихиями, а с людьми, он одерживает верх. 2 и 29 мая русские и прусские войска были разбиты при Люцене и Бауцене.

В лагере союзников снова наступило уныние. Особенно пал духом Фридрих Вильгельм III, повторявший Александру I во время отступления: “Вместо того, чтобы двигаться к западу, мы идем все на восток”. Тем не менее, союзники не согласились на сделанное Наполеоном предложение начать переговоры о мире. Поражение, которое он потерпел в России, сильно поколебало его военный престиж и, с другой стороны, вызвало в Германии широкое национальное движение за независимость, вовлекшее в свой неудержимый поток даже слабохарактерного и трусливого Фридриха Вильгельма III.

Прусские и русские войска после сражения при Бауцене отступили за Эльбу, в северную Силезию. Военачальники стали приготовляться к новой борьбе; дипломатия же употребила все свои усилия, чтобы заставить Австрию примкнуть к коалиции против Наполеона.

Уже в конце 1810 года в Вену приезжал специальный русский уполномоченный, граф Шувалов, с предложением военного союза против Наполеона. Но воспоминания о Ваграме были еще слишком свежи, последовавшая за Венским миром франко-австрийская дружба только начинала давать плоды и, наконец, австрийские военные силы и финансовые средства были слишком ничтожны, а перспектива победить Наполеона слишком невероятна, чтобы Австрия могла принять предложение русских. Поэтому оно и было отвергнуто, – главным образом, по настоянию только что вернувшегося из Парижа Меттерниха. Самой выгодной политикой для Австрии он считал политику выжидательную. Несколько месяцев спустя подобное же предложение о союзе было сделано и со стороны Наполеона; ему

уже Австрия не могла отказать. Все шансы на победу были на стороне Наполеона, и, таким образом, союз с ним представлялся для Австрии более выгодным, ибо она могла получить что-нибудь и на свою долю из завоеванных территорий. Наоборот, если бы она не согласилась на союз с Наполеоном, то рисковала бы потерять и остальную часть Галиции, которую он отнял бы у нее для будущего польского королевства, не дав ей ничего взамен. Эти соображения и заставили Меттерниха согласиться на военную конвенцию с Францией. Однако согласие Австрии он обставил такими условиями, которые позволили бы ей легко переменить фронт в случае неудачного исхода войны. Австрийский корпус под командой князя Шварценберга, посылаемый на помощь французам, должен был действовать самостоятельно, что давало ему возможность и совсем не действовать. Австрия так же фиктивно воевала против России, как русские войска под начальством князя Голицына воевали в 1809 году против Австрии. Петербургское правительство отлично понимало, что Австрия вступает в союз с Наполеоном только под влиянием страха и что она изменит ему, как только “бог побед” окажется на стороне его врагов. Но и эту перемену фронта Австрия совершала с величайшею осторожностью, что давало ей возможность принять ту или другую сторону, смотря по ходу событий.

Мы знаем, с каким негодованием отзывался Меттерних о поведении Пруссии в 1805 году до сражения при Аустерлице, когда она на настоятельные предложения Австрии и России войти с ними в союз отвечала уклончиво, предлагая сначала сделаться посредницей между воюющими сторонами и только в случае отказа Наполеона примкнуть к коалиции. Точно так же поступала теперь и Австрия. После сражения при Бауцене Меттерних при тайной встрече с Александром на богемской границе развивает аналогичный проект о вооруженном посредничестве Австрии. Но решимость Александра продолжать войну во что бы то ни стало, его настояния, чтобы Австрия приняла окончательное решение, видимо, подействовали на Меттерниха и вырвали у него обещание принять сторону союзников. Теперь политика посредничества являлась для него средством выиграть время, необходимое Австрии для полной мобилизации своих войск.

Слух о встрече на богемской границе, несмотря на тайну, которою она была окружена, дошел до Наполеона, находившегося в то время в Дрездене, и он выразил желание войти в переговоры с Меттернихом. Наполеон, со своей обыкновенной проницательностью, предвидел новую перемену австрийской политики и, будь у него больше сил, он, несомненно, не терял бы

времени и уничтожил бы поодиночке своих противников, как он это всегда делал. Но времена смелых проектов миновали. Наполеон должен был теперь довольствоваться армией, состоявшей из наскоро обученных шестнадцатилетних мальчишек, и войсками мелких немецких владетелей, из которых целые полки переходили к его врагам.

26 июня Меттерних приехал в Дрезден и в тот же день был принят Наполеоном, с которым имел знаменитую беседу, длившуюся девять часов. “Значит, вы желаете войны, ну, хорошо. Вы будете ее иметь! – этими словами Наполеон встретил австрийского министра. – :Я уничтожил прусскую армию при Люцене, русскую при Бауцене, теперь будет и ваша очередь. Я назначаю вам свидание в Вене. Люди неисправимы, для них жизненный урок ничего не значит. Три раза я вновь возводил на трон императора Франца; я обещал жить с ним в мире до конца; я женился на его дочери. Еще тогда я себе говорил: ты делаешь глупость. Теперь я раскаиваюсь, но что сделано, того не вернешь... Что вы хотите от меня? – продолжал, немного погодя, Наполеон. – Чтобы я себя опозорил? Никогда! Я умру, но не уступлю ни одной пяди территории. Ваши государи, получившие свою власть по наследству, могут двадцать раз терпеть поражения и опять возвращаться в свои столицы; я же этого не могу”.

При этом Наполеон, следуя своему обычаю ошеломлять противника большими цифрами, старался запугать Меттерниха громадностью своей военной силы, указывая в то же время на слабости и недостатки своих врагов. Хотя Меттерниху были хорошо известны приемы Наполеона, слова последнего, однако, поколебали его убеждение в счастливом исходе кампании, и он усердно стал добиваться более продолжительного срока для переговоров, а в сущности – для лучшей организации австрийской армии. Того же самого желал, очевидно, и Наполеон, так как он согласился продолжить уже заключенное перемирие с Пруссией и Россией до 10 августа и прислал делегатов в Прагу на посредническую конференцию, созванную Австрией.

Переговоры в Праге не привели ни к каким результатам. Они, в сущности, даже не состоялись – и, главным образом, по вине Наполеона, нарочно медлившего с присылкой официальных полномочий своим делегатам. Меттерних уверяет в своей автобиографии, что он тогда считал войну неминуемой, но в его письмах, относящихся к тому времени, наоборот, видны большие колебания.

“Будет война или нет? – писал он своему отцу. – Никто не в состоянии ответить на этот вопрос. Повторяю: никто, даже сам Наполеон”. С другой стороны, в Вене существовала влиятельная

партия, высказавшаяся в пользу мира. Ближайший сотрудник Меттерниха, Генц, писал ему, что Австрия должна считать себя счастливой, если заставит Наполеона без войны возвратить Пруссии и Австрии часть их провинций... Даже если Наполеон ограничится одним только обещанием не восстанавливать Польши, – то и этим нужно будет довольствоваться.

Нежелание Наполеона вести серьезные переговоры и нетерпение Александра, желавшего как можно скорее начать военные действия, заставили Австрию открыто перейти на сторону союзников. “Все говорит, что час уже наступил, – пишет Меттерних своей дочери Марии 1 октября, – и что на меня возложена Провидением миссия положить конец всем бедствиям. Наполеон – я в этом не сомневаюсь – думает обо мне каждую минуту. Я должен казаться ему олицетворением совести”.

Меттерних, очевидно, старается придать драматический характер своей роли, но тоже несомненно, что Австрия, примкнув к союзникам со своей полуторастотысячной армией, значительно содействовала благоприятному исходу войны.

Мы не будем касаться кампании 1813 года. Достаточно сказать, что у союзников было гораздо больше войска, чем у Наполеона. Несмотря на это, один момент казалось, что бог побед снова возьмет сторону Франции. “Земля еще вертится для нас!” – радостно воскликнул Наполеон после Дрезденской победы над союзниками 16 октября и приказал звонить во всех церквах Дрездена. Но через два дня союзники, хотя и с громадными потерями (полегло 50 тыс. человек), нанесли Наполеону при Лейпциге то страшное поражение, которое уничтожило его владычество. Рассказывают, что повелители России, Австрии и Пруссии, следившие за ходом сражения с одного холма, упали на колени, когда им сообщили радостную весть о победе. А Наполеон, между тем, опять спешит во Францию для того, чтобы собрать новые военные силы.

Впрочем, и сами союзники еще не были уверены в окончательном успехе. Они победили Наполеона, но оставался еще французский народ. Поэтому, вступив во Францию, они объявили себя врагами только Наполеона и обещали сохранить естественные пределы страны: Альпы, Рейн и Пиренеи. Когда министр полиции Савари показал Наполеону воззвание союзников, тот воскликнул: “Только Меттерних в состоянии это написать, нужно быть мастером обмана, чтобы говорить о Рейне”. Наполеон и не подозревал, что Меттерних играл только скромную роль ученика, повторявшего слова, сказанные Талейра-ном Александру I в Эрфурте. Талейран и теперь оставался советником врагов Наполеона. До вступления союзных войск в Париж он

вошел в отношения с иностранными дипломатами, чтобы подготовить временное правительство, долженствовавшее заменить Наполеона. Он продиктовал Нессельроде слова, которые Александр I поместил в своей прокламации к парижанам: “Я являюсь среди вас не как враг – я вам приношу мир и торговлю”.

Однако мира и согласия не было даже между самими союзниками. С первой же минуты совместных действий среди них обнаружились два течения: во главе одного стоял Александр I, а во главе другого – Меттерних. Еще до начала военных действий начался спор о главнокомандующем. Александр предлагал назначить французского эмигранта, генерала Моро, одного из лучших полководцев Наполеона, бежавшего из Франции после одного из заговоров против императора. Меттерних же предлагал князя Шварценберга, и, так как он угрожал выйти из коалиции, если последний не будет назначен, то Александру пришлось уступить. Меттерних прибавляет, что после Дрезденского сражения, в котором Моро был убит, Александр обратился к нему со словами: “Бог рассудит нас. Его мнение было сходно с вашим”. Но то, чего Александр никогда не мог простить Меттерниху – это нарушение нейтралитета Швейцарии. Сохранение последнего было торжественно обещано Александром. Несмотря на это, Меттерних распорядился, чтобы австрийские войска заняли Швейцарию, и французская ее граница была превращена в поле действий австрийцев против Франции. “Вы причинили мне неисправимое зло”, – говорил с гневом Александр Меттерниху, узнав о его распоряжении. Еще сильнее выражался он по адресу австрийского министра в письме к Лагарпу, называя его образ действий “гнусным”. В противоположность Меттерниху царь старался казаться либеральным. Он желал возвести на французский престол шведского наследника, бывшего французского генерала Бернадота, или же предоставить французской нации выбрать себе какую-нибудь другую династию. Меттерних, наоборот, твердо стоял за династию Бурбонов. Когда последняя была восстановлена, Меттерних же хотел восстановления старого порядка вещей. Точно так же он энергично восставал против принятого в его отсутствие по желанию Александра решения отдать во владение Наполеону остров Эльбу. Меттерних уверял тогда же, что Наполеон, находясь так близко от Франции, не замедлит вернуться. Если австрийский министр, любивший часто записывать задним числом мысли, которые приходили ему в голову при составлении его автобиографии, действительно высказывал вышеупомянутое соображение, то нужно признать, что он был проницательнее Александра.

Но самое сильное столкновение между русским царем и австрийским министром произошло на знаменитом Венском конгрессе.

Глава IV. Венский конгресс

Фабула, задуманная драматургом, редко бывает так сложна и запутана, так богата ошеломляющими неожиданностями, блестящими сценическими эпизодами и неподражаемым комизмом, как история Венского конгресса. Тут все было: и интриги, и подкупы, и женщины, и громкие слова, за которыми скрывались низменные, эгоистичные интересы, и торжественные празднества в честь "Согласия и мира", на которых подготовлялись измена и вероломство. Достаточно припомнить заключение тайного союза между Австрией, Англией и Францией против официальных союзников первых двух государств – России и Пруссии, чтобы судить о духе, господствовавшем на конгрессе.

Верную характеристику Венского конгресса дает ближайший сотрудник Меттерниха – Генц, не стеснявшийся в своих частных письмах и называвший вещи их собственными именами. *"Громкие фразы о преобразовании общественного строя, об обновлении политической системы Европы, о прочном мире, основанном на справедливом распределении сил,* и прочее, и прочее, пускались в ход, чтобы обманывать народ и чтобы придать этому собранию характер достоинства и величия. Между тем, главной его целью был раздел добычи между победителями", причем добыча была обильная, а аппетиты победителей развиты до крайней степени. Пруссия, кроме своих старых провинций, хотела присоединить к себе и все саксонское королевство, владетель которого был в союзе с Наполеоном; Александр хотел присоединить к России Варшавское герцогство, Австрия – свои бывшие владения в Германии, Италии и Галиции. Целая вереница больших и мелких владетелей Рейнской конфедерации стремилась сохранить положение, созданное в их пользу Наполеоном; лишенные трона итальянские короли и князья желали вступить обратно на свои потерянные престолы. После территориальных вопросов шли вопросы политические, как, например, будущее устройство Германии.

Единственными государствами, не требовавшими никаких территориальных увеличений, были Англия и Франция. Интересы первой заключались в уничтожении власти Наполеона, в безграничном владычестве на морях и в экономическом господстве на континенте. Положение Франции было исключительное. Хотя она уже была Францией Бурбонов, предполагаемых союзников монархической Европы, однако по тайному Шомонскому договору, заключенному в 1813 году между Австрией, Россией, Англией и Пруссией, она была поставлена под

контроль последних и низведена до степени неблагонадежной державы, которую следует всячески устранять от общих дел Европы. Поэтому в первое время роль Франции на Венском конгрессе была совсем ничтожна. Делегаты четырех союзных государств не допускали на свои предварительные заседания французских уполномоченных и старались в то же время изолировать их от делегатов других стран. Так, например, Меттерних негодовал на испанского посланника Лабрадора за его отношения с Талейраном. “Видели ли вы г-на Талейрана? – спросил баварский король того же самого посланника и, после утвердительного ответа последнего, прибавил, – Я тоже хотел бы видеться с ним, но не решаюсь”. Однако Франция скоро вышла из-под этого своего рода духовного запрещения, благодаря возникшим между союзными государствами раздорам.

Главная причина разногласия заключалась в саксонском и польском вопросах. Австрия смотрела с большим опасением на увеличение Пруссии – своей вчерашней и завтрашней соперницы, боясь ее влияния на немецкие государства. Этим объясняется, почему Меттерних и в Париже противодействовал Пруссии, желавшей получить часть французской территории на левом берегу Рейна. Благодаря оппозиции Меттерниха, действовавшего в этом случае заодно с Англией, Пруссия не могла получить с этой стороны никаких увеличений. Но с тем большим упорством обиженные прусские дипломаты требовали на Венском конгрессе присоединения всего саксонского королевства к прусским владениям. Желания Пруссии встречали полное сочувствие Александра I, получившего взамен поддержки, которую он оказывал Пруссии, ее обещание содействовать ему в деле присоединения к России Варшавского герцогства. Но если Австрия боялась усиления Пруссии, она точно так же не могла смотреть без страха на распространение русского владычества и влияния на Центральную Европу. Не меньше опасалась этого и Англия, не забывавшая своего исконного соперничества с Россией на востоке. Эта несовместимость интересов союзников открывала широкую арену для подпольных интриг, которыми занялись Меттерних и Талейран.

Мы уже несколько раз имели случай говорить о бывшем аббате Талейране, служившем с одинаковым усердием и одинаковым вероломством всем режимам; но здесь, на Венском конгрессе, он впервые показал себя во весь рост как остроумный, смелый и ловкий интриган. Какой-то подпольный юмористический листок, выходивший в 1814 году в Вене, изображал французского уполномоченного с шестью головами: под одной написано “Да здравствует Революция!”; под другой –

“Да здравствует Республика!”; под третьей – “Да здравствует первый консул!”; под четвертой – “Да здравствует император!”; под пятой – “Да здравствует король!”; под шестой – “Да здравствует... (неизвестно что)!”. Карикатурист верно угадал: через пятнадцать лет Талейран кричал: “Да здравствует Луи-Филипп!” Он начал свою общественную карьеру аббатом – звание, которое скоро бросил, увлеченный распутной светской жизнью; но под старость он захотел еще раз обмануть и людей, и Бога, примирившись с церковью. Остроумные слова Талейрана обходили не только парижские, но и столичные салоны всей Европы. “Глупее Маре есть только один человек в мире, – говорил он, – это герцог Бассано”[4]. “Штыками можно воевать, но на них сидеть нельзя”, – сказал Талейран при другом случае. “Как жаль, что вас здесь нет, – писал он из Парижа Меттерниху в 1811 году. – Вы не преминули бы утешить герцога Бассано в его дипломатических неудачах и госпожу Жюно после отъезда ее мужа, у каждого свое горе, а у вас лекарство против всего”. Но в то же самое время Талейран говорил: “Остроумием можно сделать все и не добиться ничего”. Он принадлежал к распространенной в свое время категории безнравственных, ни во что не верующих вельмож старого режима, относившихся к своим убеждениям как к мелкой монете, которую можно разменять на власть, почести и удовольствия. Однако и в этом занятии бывают люди неопытные, легко попадающиеся при первой проделке, – но бывают и артисты, которые могут до конца жизни безнаказанно упражняться в своем искусстве. К таковым именно и принадлежал Талейран. Его проницательность, осторожность, спокойствие духа, находчивость и остроумие помогали ему лавировать среди самых опасных рифов политической жизни, о которые разбивал свою будущность не один менее ловкий дипломат.

Мы уже видели, как Талейран, будучи министром и обер-канцлером Наполеона, вел подозрительные сношения с Меттернихом и позже с Александром I. Нам известно также, что Наполеон, возвратившись из Испании, лишил его упомянутых должностей после бурной сцены, во время которой он его обозвал государственным преступником. Однако это ничуть не смутило Талейрана. Он продолжал являться первым на всех церемониях и своим невозмутимым спокойствием вызвал удивление всех и в особенности находившегося в это время в Париже канцлера Румянцева. Русскому сановнику в своей жизни приходилось видеть не раз, как воздвигались и рушились положения многих знаменитых людей, “...но никогда, – писал он Александру, – я не видел человека, встречающего немилость с такой гордостью, как Талейран”.

И после своего падения Талейран продолжал тайные отношения с Александром через секретаря русского посольства в Париже – Нессельроде, или непосредственно сносясь с русским государем письмами, в которых он давал ему полезные указания относительно внутреннего состояния Франции, политики Наполеона и прочего. По каким побуждениям действовал Талейран? С одной стороны, он, вероятно, предвидел близкое падение Наполеона и хотел подготовить себе будущую карьеру, с другой же, эти сообщения приносили ему непосредственные выгоды, о чем свидетельствуют письменные просьбы о деньгах, которыми он осаждал своего царственного корреспондента[5] Благодаря покровительству Александра Талейран сделался главою временного правительства до возвращения Бурбонов, а потом министром последних.

Новый пост Талейрана налагал на него и новые обязанности; он принял их так же легко, как легко забыл свои старые обязательства. Теперь, по крайней мере, временно, его личные интересы были солидарны с интересами Бурбонов. Поэтому все его действия на Венском конгрессе были направлены к тому, чтобы приобрести для них то почетное место, которое они должны были занимать как владетели великой державы.

Отлично зная людей и события, Талейран быстро ориентировался в пестрой космополитической толпе государей и дипломатов, собравшихся в Вене. Уже в первый момент своего появления он принял гордый, полный достоинства тон и стал разыгрывать “министра Людовика XIV”, как выражался Александр. Это ему было тем легче, что Франция, не имея возможности требовать каких-либо территориальных вознаграждений, смело могла выступить в роли защитника международного права и сделаться, таким образом, своего рода третейским судьею между борющимися государствами.

Очень характерна как для личности Александра, так и для личности Талейрана, беседа, описываемая самим Талейраном и произошедшая между ним и царем вскоре после приезда первого. “Теперь, – сказал царь, – пора поговорить и о наших делах. Нужно, чтобы мы их здесь покончили”. – “Это будет зависеть от Вашего Величества. Они кончатся легко и скоро, если Ваше Величество выкажет то же благородство и величие характера, какое оно показало в делах Франции”. – “Но нужно, чтобы все получили удовлетворение своих интересов”. – “А также и всех своих прав. Ваше Величество должно желать сохранить только то, что приходится ему по праву”. – “Я действую в согласии с великими державами”. – “Не знаю, считает ли Ваше Величество среди них тоже и Францию?” – “Да, несомненно. Если вы не

желаете, чтобы каждый обеспечил свои интересы, то чего же вы можете желать?" – "Я ставлю прежде всего права, а потом интересы". – "Интересы Европы – это ее права". – "Это не ваши, государь, слова. Они вам чужды, ваше сердце их порицает". – "Нет, я повторяю: интересы Европы – это и ее права". Тогда я, – продолжает Талейран, – повернулся к столику, возле которого сидел, оперся головой на руку, ударил по столу кулаком и произнес: "Европа, Европа, несчастная Европа!" Затем, обращаясь к императору, я спросил: "Разве вы согласитесь быть причиной ее гибели?" – "Скорее буду воевать, но не уступлю того, что занимаю". Я молча развел руками, приняв выражение очень огорченного человека, готового сказать: "Что же, если война будет, то не по нашей вине". Царь несколько минут оставался в раздумье, потом начал повторять: "Да, скорее война!" Я продолжал молчать. Тогда он стал размахивать руками – таким я его никогда не видел – и этим живо напомнил мне конец речи о Марке Аврелии. "Уже время спектакля, – сказал император. – Я должен идти, так как обещал это императору Францу, который дожидается меня". Он ушел. Через несколько минут дверь снова отворилась, он вошел, обнял меня и, прижав к груди, сказал изменившимся голосом: "Прощайте, прощайте, мы еще увидимся".

При другом случае Талейран заговорил с Александром о польском вопросе, предлагая поддерживать его, если он серьезно желает восстановления *независимой Польши.* "Быть может, – отвечал царь, – наступит время, когда окажется возможным восстановить Польшу, но теперь об этом нельзя и думать". Когда при третьем разговоре Александр сказал, что следует наказать саксонского короля, присоединить его территорию к Пруссии за то, что он изменил интересам Европы, Талейран ответил с иронией: "Государь, это только вопрос времени". Такой же отпор встречала политика Александра и со стороны Англии.

"Мы хотим сделать хорошее и благородное дело, – говорил Александр английскому уполномоченному лорду Стюарту. – Мы восстановим независимость Польши и дадим ей в государи либо одного из моих братьев, либо мужа моей сестры" (Ольденбургской герцогини). – "Я в этом не вижу независимости Польши", – ответил Стюарт.

При таком настроении дипломатов заседания конгресса легко принимали очень бурный характер. Когда в первый раз Талейрану удалось попасть на одно из предварительных собраний, 6 октября, он заметил, что против принятого регламента возле немецкого министра Гарденберга сидит еще какой-то прусский чиновник, – как оказалось потом, это был Гумбольдт. Талейран

сердито спросил: “А этот господин что делает здесь?” – “Гарденберг глух, – объяснил кто-то, – и Гумбольдт приставлен к нему в помощники”.

Талейран, хромой от рождения, топнул своей больной ногой и сказал: “Если недуг дает право на это, так я тоже требую себе помощника”. На этом заседании должен был быть определен окончательный порядок занятий конгресса. Талейран в пику Пруссии потребовал, чтобы внесли в протокол как предварительное замечание, что конгресс будет руководствоваться постановлениями международного права. Это предложение вызвало бурную трагикомическую сцену: “Г-н де Гарденберг, – пишет Талейран, – встал и, опираясь кулаками на стол, начал кричать громко, как все люди, страдающие глухотою: “Нет, милостивый государь... международное право... это бесполезно. К чему говорить, что мы будем руководствоваться международным правом? Это само собою понятно!” Я ему ответил: “Если это понятно на словах, то будет понятнее на письме”. Г-н де Гумбольдт вмешался: “Какое дело до нас международному праву?” Я же ответил: “Оно дает вам возможность быть здесь”.

Талейран добился своего, а Генц, постоянный секретарь конгресса, вставая, сказал: “Господа, это заседание будет записано на страницах истории, но, конечно, не я стану его записывать...”

Вернемся теперь к Меттерниху.

Мы видели, что его первые действия были направлены против Талейрана. Он отлично знал его силу и боялся, что Талейран составит себе партию из мелких властителей Германии и Италии, с которыми у Австрии было немало спорных вопросов. Суждения Талейрана о Меттернихе в эти первые дни его пребывания в Вене тоже были проникнуты враждебным чувством. Он его называет в своих письмах “недорослем”, “человеком изворотливым, меняющим свои убеждения еженедельно”. Но скоро события их сблизили.

Главным желанием Меттерниха было поссорить Пруссию с Россией. С этой целью он выразил Александру намерение поддержать его в польском вопросе, но с условием, что тот, со своей стороны, потребует от Пруссии, чтобы она отказалась от своих завоевательных видов на Саксонию. Неизвестно, поддался ли Александр интриге Меттерниха, но достоверно то, что Меттерних сделал одновременно аналогичное предложение и Пруссии: он обещал помочь ей овладеть Саксонией, если она будет сопротивляться русским претензиям на Варшавское герцогство. Дабы еще больше запутать свою интригу, Меттерних

дал понять Гарденбергу, что Александр не прочь разойтись с Пруссией, если Австрия согласится уступить ему Варшавское герцогство. Прусский министр увидел в этом факте измену со стороны Александра, давшего ему слово поддержать Пруссию, и при первой встрече вступил с ним в объяснение. Здесь и обнаружилась вся интрига, подстроенная Меттернихом. Результатом этого инцидента была бурная сцена между царем и австрийским министром, закончившаяся полной ссорой. Меттерних старался взвалить все на глухоту Гарденберга, не понявшего будто бы его слов, но Александр, отлично знавший приемы хитрого дипломата, не хотел верить его объяснениям. “Меттерних – единственный человек в Австрии, – говорил он, – который позволяет себе столь мятежный язык”. Александр не ограничился этими словесными порицаниями; он послал Меттерниху вызов. По тем или другим причинам дуэль не состоялась, но Александр и Меттерних перестали раскланиваться и, насколько это было возможно, избегали встреч.

Известие о ссоре между царем и Меттернихом обошло венское общество, вызывая шумные толки, о которых Талейран доносил и Людовику XVIII. Об этой ссоре говорил и Генц в вышеупомянутом письме к валахскому владетелю Караджа, но он ее объясняет, кроме политических причин, еще и мотивами частного характера.

Столкновение Меттерниха с Александром и Гарденбергом заставило его сблизиться с Талейраном. Результатом их совместных бесед, на которых присутствовал и английский уполномоченный, лорд Кастельри, было заключение 28 декабря 1814 года тайного договора между Австрией, Францией и Англией против России и Пруссии. Союзники обязались выставить каждый по 150 тыс. войска и назначить одного общего главнокомандующего. Война должна быть объявлена в случае, если Россия и Пруссия не согласятся на уступки. Особенно ликовал по этому поводу Талейран, которого всего два месяца тому назад не хотели даже допускать на предварительное заседание конгресса. “После Бога, – пишет он Людовику XVIII, – причины, вызвавшие эту перемену, заключаются в моих письмах к Меттерниху”. Этот секретный договор несколько месяцев спустя послужил поводом к новой сцене между Меттернихом и Александром. Когда Наполеон вернулся с острова Эльбы в Париж, он нашел текст договора в бумагах министерства иностранных дел и сейчас же послал копию с него императору Александру в Вену. Рассказывают, что царь позвал к себе Меттерниха и в присутствии Штейна спросил его, показав ему бумагу: “Известен ли вам этот документ?” Меттерних, не изменившись в лице,

молчал, подыскивая ответ. Когда он хотел заговорить, Александр прервал его словами: “Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Теперь нам предстоят другие дела. Наполеон возвратился, и поэтому наш союз должен быть крепче, чем когда-либо”. Потом он бросил бумагу в огонь. Но очень правдоподобно и предположение Гервинуса, что о тайном договоре Александр узнал еще во время конгресса. Этим, может быть, следует объяснить уступчивость, которую он проявил, согласившись отдать часть Варшавского герцогства Австрии и Пруссии. Последняя, со своей стороны, оставила саксонскому королю часть его территории.

Такому концу переговоров много способствовали и горячие порицания, которые были вызваны в английском парламенте поведением союзников в Германии. Особенно негодовала палата общин на князя Репнина, который, не дожидаясь решения конгресса, хотел отдать занятую русскими войсками Саксонию Пруссии.

Венский конгресс тянулся почти шесть месяцев, но делам была посвящена только незначительная часть этого времени. Остальные часы делегаты проводили на охоте, концертах и балах, что заставило принца де Линя сказать: “Le congres danse, mais ne marche pas”[6].

По случаю конгресса в Вену приехало множество королей, королев, наследных принцев и великих княгинь. Здесь был и вюртембергский король, дородность которого вошла в пословицу, – в его столе была сделана вырезка, в которую он помещал свой живот, и словоохотливый король Баварии, и склонный к хлебным напиткам датский владетель, и вызывающий всеобщее отвращение своим изуродованным лицом гессенский курфюрст. В той же самой юмористической газете, в которой была помещена карикатура на Талейрана, находим следующие характеристики: датский король – trinkt fur alle (пьет за всех), вюртембергский – isst fur alle (ест за всех), прусский – denkt fur alle (думает за всех), баварский – spricht fur alle (говорит за всех), русский император – liebt fur alle (любит за всех) и, наконец, австрийский император – zahlt fur alle (расчитывается за всех).

О роскоши, которой отличались все эти празднества “в честь мира и любви”, можно судить по тому факту, что они обходились обедневшей австрийской казне ежедневно в 250 тыс. гульденов. Во время одного из этих празднеств пришла в Вену страшная весть о возвращении Наполеона с острова Эльба. Все разногласия были забыты. Меттерних и Александр I после трогательной сцены примирения принялись за составление плана общих действий.

Исход новой войны союзников с Наполеоном известен: он

был разбит при Ватерлоо, и на этот раз окончательно. Иностранные войска нахлынули в Париж и заняли дворцы, в которых еще недавно раздавались приказания Наполеона. “Вчера, – пишет Меттерних из Парижа своей дочери Марии, – я обедал у Блюхера, который остановился со своим штабом в Сен-Клу. Он живет в этом прекрасном дворце, как гусарский генерал, и курит вместе со своими адъютантами там, где мы видели двор императора в его полном блеске. Я обедал в зале, где так часто беседовал с Наполеоном. Немецкие военные портные расположились в зале спектаклей, а музыканты одного стрелкового полка удят золотые рыбки в бассейне замка. Когда мы гуляли по небольшой галерее, старый маршал начал говорить: “Нужно было быть сумасшедшим, чтобы бросить всю эту прелесть и отправиться воевать в Москву!” – Глядя с балкона на громадный город, сверкавший своими куполами при солнечном закате, я подумал: это солнце и этот город будут еще существовать, когда о Наполеоне, о Блюхере и, тем более, обо мне – останутся только одни воспоминания”.

Взятый в плен англичанами Наполеон в это время приближался к скалистым берегам острова Св. Елены. Но его образ продолжал владычествовать на нашем полушарии не только в свежих еще воспоминаниях людей, но и в событиях, разыгравшихся на почве созданных им перемен в политической и общественной жизни Европы. Как бы ни было проникнуто деспотическим духом правление Наполеона, он оставался до последней минуты в глазах европейских монархов “воплощением Революции”. После его падения нужно было еще уничтожить и надежды на политическое обновление, посеянные двадцатипятилетним соприкосновением Европы с революционной Францией.

Революции нужно было противопоставить контрреволюцию. Во главе последней и выступил Меттерних. В стремлении к своей цели он встречал только одно препятствие, которое следовало прежде всего уладить. Оно заключалось в личности, сильно выдвинувшейся в последней кампании против Наполеона и считавшейся отчасти оплотом европейских либералов. Мы имеем в виду императора Александра I. К счастью для австрийского канцлера, царь сам переживал в эту эпоху внутреннюю реакцию, сблизившую его с Меттернихом.

Глава V. Эпоха реакции

Редко о какой-нибудь исторической личности было высказано столько противоречивых мнений, как об Александре I. Одни восторгались его великодушием, честностью, откровенностью, в то время как другие не находили достаточно резких слов для его характеристики. В нашу задачу не входит изложение причин этих противоречащих одно другому мнений об Александре I. Заметим только, что главнейшая из них заключалась в непостоянстве его взглядов и симпатий. В начале войн 1813 – 1814 годов он был в полном смысле слова либералом, но под конец этих войн, на почве физической и душевной усталости, у него развилось то религиозно-мистическое настроение, под влиянием которого он находился до конца своей жизни. Увлекаясь теми же религиозными идеями, Александр I составил наделавший так много шуму проект “Священного союза”.

Это случилось после Ватерлоо, в начале сентября 1815 года, когда Александр I предложил своим союзникам подписать договор, начинающийся словами: “Во имя Святой и единосущной Троицы”, и главное значение которого заключалось в следующем параграфе: “Согласно заповедям Священного Писания, обязывающим всех людей смотреть друг на друга как на братьев, трое подписавшихся под договором монархов, считающих себя связанными узами истинного и нераздельного братства и членами одного и того же отечества, обещают поддерживать и помогать друг другу во всяком случае и месте”. Этот договор подписали Пруссия и Франция, Англия же отказалась. Ее уполномоченный, лорд Кастельри, заявил о невозможности “...советовать английскому регенту подписать этот договор, так как парламент, состоящий из людей положительных, может дать свое согласие лишь на какой-нибудь практический договор о субсидиях или союзе, но никогда не даст его на простую декларацию библейских истин, которая перенесла бы Англию в эпоху святого Кромвеля и круглых голов”. “К чему все это? – говорил какой-то современник. – Разве монархи до сих пор не считали своею обязанностью руководствоваться этими принципами? И не известно ли всему миру братское чувство, воодушевляющее этих прекрасных властителей? Польше, Венеции, Генуе, Ломбардии и Бельгии они хорошо знакомы. Лишняя роскошь выражать на куске пергамента чувства трех монархов, ибо никогда бумага не будет так внушительно говорить, как их собственные действия”[7].

Австрия тоже вошла в Священный союз, но лишь из желания

угодить Александру. Меттерних считал этот договор “пустым, бессодержательным, проникнутым религиозно-филантропическим духом и лишенным всякого практического смысла”. Австрийский канцлер не желал слушать моральные наставления, а хотел видеть факты и дела в духе его реакционной системы. Для этого нужно было уничтожить в Александре I последние остатки либерализма. И он с энергией берется вселить в его душу страх и недоверие к его приближенным. В Вене во время конгресса он следит через своих агентов за поведением и разговорами русских офицеров и доносит на них Александру. В Париже интригует против Чарторыйского и Штейна, в Лайбахе – против Каподистрии и Поцо-ди-Борго, и, наконец, ему удается привлечь Александра I на свою сторону. Но предварительно мы должны коснуться отношений европейского общества, на почве которых укреплялся союз двух прежних антагонистов.

Революции и войны, длившиеся двадцать пять лет, с 1789 до 1815 г., имели неисчислимые и самые противоположные по своему характеру последствия. Они послужили для Европы могучим толчком, вызвавшим к жизни все запасы духовной и физической энергии, скрывающиеся во всякой нации. Это была эпоха великой борьбы, интенсивной жизни, когда и народы, и интеллигенция, и короли должны были проявить максимум понимания и воли, на которые они были способны.

Войны против Наполеона сблизили различные страны, сплотили их политические силы во имя одного общего идеала. Хотя в наше время благодаря успехам просвещения и техники *международная жизнь* быстрее движется по пути прогресса, но можно сказать, что в сравнении с первой половиной девятнадцатого столетия мы живем более обособленной и замкнутой национальной жизнью. В наше время в международном праве господствует доктрина *невмешательства:* никакое государство не должно вмешиваться во внутренние дела другого государства. В описываемую же нами эпоху происходило совершенно обратное. На Венском конгрессе Англия, Франция и Россия могли обсуждать государственное устройство Германского союза точно так же, как потом на Ахенском обсуждались внутренние дела Франции, на Лайбахском – дела Неаполя, на Веронском – дела Испании и Португалии. Общность во взглядах и действиях проявляла и либеральная оппозиция. Революция в Испании вызывает революцию в Неаполе и Пьемонте; успехи тайных обществ и военных заговоров на западе и, в особенности, в Италии наводят на аналогичные проекты будущих декабристов; успехи июльской и февральской революций в Париже вызывают подобные же движения в Италии, Польше, Германии и Австрии.

Падение какого-нибудь министерства в одном государстве казалось в состоянии повлечь за собою падение министерства и в другом. Европа переживала одинаковые надежды и разочарования.

После поражения Австрии при Аустерлице в 1805 году и Пруссии при Иене в 1806 году сами правительства двух этих государств стараются сблизиться с обществом и ищут его поддержки в борьбе против Наполеона. Тогда, как известно, в Пруссии было образовано тайное общество “Союз добродетели”, занимавшееся патриотической пропагандой среди немецкого народа. Борьба с Наполеоном представлялась борьбой против тирании за политическую свободу. Либерально-патриотическим духом были проникнуты и прокламации австрийского императора во время войны с Францией в 1809 году. Особенно характерными в этом отношении были прокламации союзников во время кампании 1813 – 1815 годов. Будучи еще в Варшаве, Александр I в воззвании от 22 февраля 1813 года обращается к германским народам, приглашая их восстать. “Если даже ваши государи, – писал Александр, – продолжают из боязни переносить чужое иго, то нужно, чтобы подданные восстали и принудили их сражаться во имя славы и мщения”. Приготовленная уже пропагандой патриотического “Союза добродетели”, Германия встретила Александра как освободителя. Часть прусского войска, под начальством генерала Йорка, покинула своего союзника Наполеона и пристала к русским. Скоро то же самое сделал и прусский король. “Мы стоим за веру против безверия, за свободу – против властолюбия, за человечность – против зверства”, – говорилось в другой прокламации Александра, изданной 26 марта того же года. Воззвание, изданное в то же самое время Кутузовым в Калише 13 (25) марта от имени Александра I и прусского короля, говорило об освобождении народов, о чести и свободе. Все эти обещания нашли как бы подтверждение на Венском конгрессе, где даже Меттерних согласился внести в союзный акт Германской конфедерации статью (XIII), обещавшую немецким народам конституцию.

Однако это было исполнено только отчасти. Лишь владетели Южной Германии ввели в своих государствах конституционные учреждения; прусский же король под различными предлогами откладывал дарование конституции; австрийский император совсем отказался вводить какие бы ни было преобразования, так как всякие либеральные и национальные движения угрожали господству Габсбургского дома. Давно говорилось об Австрии, что она понятие только *географическое.* Австрия состояла из разных народностей, которые при политической свободе стали бы

стремиться к самостоятельности. Габсбургский дом имел веские причины опасаться либеральных движений не только в своем государстве, но даже и в соседних. Объединение Италии угрожало лишить его Ломбардии и Венеции; объединение Германии явилось бы для него таким же смертельным ударом, так как оно перенесло бы центр политического влияния в чисто немецкие страны; наконец, освобождение славян на Балканском полуострове отняло бы у Австрии тот оплот против России, который она находила в существовании Турции. Другими словами, господство Габсбургской династии было возможно только при сохранении полной неподвижности европейской политической системы. Охранительная политика вполне соответствовала, как мы видели, характеру Меттерниха, а еще больше характеру самого императора Франца.

Франц, без сомнения, обладал некоторыми хорошими качествами, но вместе с тем он был человеком косным, ленивым и равнодушным. Во время Дрезденского сражения, на котором решалась судьба Европы, он продолжал предаваться своему любимому занятию – музыке. Когда, за отсутствием другого помещения, попросили императора уступить одну из комнат занимаемого им дома для раненых офицеров, он ответил: “И прекрасно, мы можем продолжать нашу игру внизу”, – и совершенно довольный опять взялся за смычок уже в нижнем этаже.

Неудивительно, что о нем рассказывают разные, если не достоверные, то правдоподобные анекдоты, вроде, например, того, что во время конгресса, когда все были поглощены разрешением разных спорных вопросов, он искал развлечения в ловле мух. Политические взгляды Франца вполне гармонировали с его ленивым характером; он был консерватором до мозга костей.

В мемуарах Меттерниха напечатан любопытный автограф австрийского императора, представляющий рескрипт главнокомандующему князю Шварценбергу. Первоначальный проект этого рескрипта был составлен Меттернихом, но император собственноручно сделал в нем следующие характерные исправления: во всех местах, где упомянуты были слова: “mein Vaterland” (мое отечество), он исправил: “моя империя” или “мои народы”. Слово “отечество” приводило австрийского императора в такой же ужас, как слово “конституция”, которое он не мог слышать, даже когда оно употреблялось как медицинский термин. Понятно после этого негодование Франца, когда Александр I даровал Польше конституцию.

При этом, как все ограниченные и бездарные люди, император Франц был чрезвычайно мнителен. Он окружил своих братьев сыщиками, доносившими ему о каждом их слове и шаге. В своей частной жизни Франц проявлял нередко отеческое и сострадательное сердце. Княгиня Меттерних рассказывает о нем следующий, относящийся к началу тридцатых годов анекдот. Однажды император Франц, возвращаясь во дворец со своим адъютантом, генералом Аппелом, встретил похоронную процессию; за гробом, кроме священника, следовало только двое мужчин. “Бедный покойник, – сказал Франц, – за ним почти никто не идет!” – и пригласил своего адъютанта проводить гроб до могилы. Но в деле управления страною он держался неуклонно политики стеснительных и жестоких репрессалий и часто даже превосходил самого Меттерниха. Характерен в этом отношении следующий случай. Будучи в Теплице в 1819 году, Меттерних советовал прусскому королю вместо обещанной конституции дать своим подданным провинциальные сеймы с очень ограниченными правами. Император же Франц нашел опасным и это “нововведение”. “Лучше всего, – пишет он Меттерниху, – держаться тех советов, которые я вам давал, то есть не поступать легкомысленно и не рисковать употреблением средств и проведением мер, которые вызвали бы старое зло лишь под другой формой или, пожалуй, создали бы новое”.

Какими средствами думали бороться Франц и Меттерних со “злом”, можно судить по мероприятиям, которыми ознаменовалась история Австрии после Венского конгресса. 10 августа 1814 года был издан закон, строго запрещавший масонские общества; гражданский строй, введенный Наполеоном в имперских провинциях, которые возвращались Австрии, был уничтожен и заменен дореволюционными законами, обязывавшими граждан быть доносчиками. Суды снова стали выносить приговоры, где утаивались основания, на которых осуждались виновные.

Мы уже заметили, что кампания против Наполеона вызвала в Австрии такое же брожение в обществе, как и в остальной Европе. Руководители австрийской политики уже тогда смотрели на это обстоятельство со страхом. “Я чувствую, – писал Генц Меттерниху 10 июня 1813 года, – что гораздо больше следует руководить общественным мнением, чем подчиняться ему. *Оно* не должно оставаться таким, каким мы находим его теперь, если не желаем, освободившись от французского гнета, попасть под другой, более ужасный. Нужно, чтобы люди снова приучились *верить* и *повиноваться;* нужно, чтобы они рассуждали в тысячу раз меньше, чем теперь, а то иначе невозможно будет *управлять.* Зло приняло

чудовищные размеры и угрожает разрушить все. Мы слишком много смеялись над этим злом и слишком надменно относились к нему; мы слишком долго оставались равнодушными к крикам агитаторов; мы потешались их безумием... теперь же, когда их происки становятся опасными, то мы ничего большего не умеем сделать, как только возмущаться и сердиться; между тем их нападки обессиливают, подрывают, дискредитируют авторитет власти".

С наступлением мира настало время для пресечения зла, о котором говорит Генц. Правительство действовало одновременно на общество и на молодежь. По отношению к первому были усилены постановления о цензуре, которой удалось уменьшить число венских газет до двух. Не полагаясь на усердие цензоров, Меттерних возложил на тайную полицию обязанности следить за ними; она тоже следила за словами и действиями граждан и чиновников не только в обществе, но и на дому. Для достижения последней цели на помощь полиции были привлечены швейцары и прислуга. Не полагаясь вполне на тайную полицию, Меттерних создал полицию над полицией. Из школ были изъяты учебники, которые могли бы наводить юношей на либеральный образ мыслей; они были заменены катехизисом, подобным тому, какой ввел Наполеон в школах французских; в них говорилось об обязанностях подданных к императору и установленным властям. Во время каких-то ученических беспорядков в Праге император Франц велел, в виде кары, отдать всех совершеннолетних юношей в солдаты. Но Австрия не довольствовалась тем, что проводила эти меры у себя дома, она хотела распространить их и на другие государства, выступив в роли всеевропейского жандарма или "камеры лордов Европы", как выражался Талейран. Этой целью и задался Меттерних. С одной стороны, он старался действовать на монархов и правителей Европы путем циркуляров, с другой – на общественное мнение Европы, посредством газетной пропаганды. Его органом была венская газета "Австрийский Наблюдатель", но он старался проводить свои взгляды и в зарубежной печати. "Кто возьмет в руки "Journal de Debats", – писал Меттерних, – тот будет читать меня, не зная этого: не проходит недели, чтобы я не послал какой-нибудь статьи в эту газету". Но самый лучший способ воздействия на европейские правительства представляли конгрессы, на которых Меттерних мог вступать в личные беседы с королями и министрами.

Первый конгресс был созван в Ахене, в ноябре 1818 года. На нем, кроме дипломатов пяти великих государств, присутствовали императоры Австрии, России и король Пруссии. Поводом к собранию конгресса была статья Парижского договора 1815 года,

обязывавшая союзные державы вывести из Франции остававшиеся еще там войска, если за это время внутреннее спокойствие ее не будет нарушено. Франция требовала исполнения этого обещания. Союзники согласились, сохраняя в то же самое время право вмешательства в случае новых смут.

Франция и теперь, при Бурбонах, при господстве “белого террора”, представлялась союзникам опасной страной. “Нельзя закрывать глаза перед действительностью, – писал Генц в мемуаре, представленном Меттерниху, – нельзя не согласиться, что даже при теперешнем положении вещей, несмотря на все, Франция является страной, менее всего способной соблюдать всеобщий мир; наоборот, по своему строю и организации она более кого-либо другого склонна нарушить общественное спокойствие”.

Того же взгляда придерживался и Александр I. В составленном им проекте – программе о работах Ахенского конгресса – он спрашивал себя: “Не налагает ли болезненное состояние Франции на европейские державы обязанности принять меры, которые могли бы предохранить их от заразы, могущей явиться оттуда?”

Эти меры, как мы видели, заключались во взаимном соглашении занять опять Францию союзными войсками при первом взрыве революции. Таким образом, “Священный союз”, или “моральная пентархия”, как его еще называли, уже выходил из области религиозно-сентиментальных мечтаний и делался орудием всеевропейской реакции.

После Ахейского конгресса все усилия Меттерниха сосредоточились на Германии. Мы уже упомянули, что некоторые германские владетели, руководимые не столько, может быть, либеральными убеждениями, сколько желанием найти в своих народах опору против гегемонии Австрии и Пруссии, даровали своим подданным обещанные на Венском конгрессе конституции. Между ними на первом месте стоял известный покровитель наук и искусств и друг Гете – веймарский герцог Карл Август. Его примеру последовали короли Баварии и Вюртемберга и великий герцог Бадена. Но эти уступки могли удовлетворять либеральное немецкое общество только отчасти. Оно ожидало от войны с Наполеоном чего-то большего, его идеалом было политическое объединение Германии. Отсюда недовольство, усилившееся еще больше при явных попытках Австрии и находившейся под ее влиянием Пруссии уничтожить и те незначительные реформы, которые были введены в Германии.

Это новое разочарование выразилось, с одной стороны, в религиозно-мистическом движении, а с другой – в целом ряде

политических протестов и волнений, закончившихся убийством Коцебу в 1820 году. О мистическом движении этой эпохи интересные факты мы находим в письме Адама Миллера, одного из негласных агентов Меттерниха в Германии. Между прочим, он сообщал, что в Галле студенты разных факультетов постоянно переходят на теологический и что старый и набожный профессор Кнаппе не знает, как ему быть при таком необыкновенном наплыве слушателей на его лекциях. Там же появился новый мистик Шуберт, пользовавшийся точно таким же успехом. В Бонне врач Виндишман начал свой курс лекций в зале, переполненной профессорами и студентами, и закончил, среди всеобщего одобрения, свою первую лекцию словами: "...только в откровении Иисуса Христа можно найти успокоение своей совести и путь к примирению с наукой". Казалось бы, что консерваторы должны встретить это движение с радостью, так как оно отвлекало молодежь от общественно-политической жизни; на деле вышло наоборот. Защитники старины понимали, что в *мистиках* живет тот же беспокойный и алчущий свободы дух, который, смотря по обстоятельствам, проявляется в той или иной форме. "Очень замечательное явление, – писал Генц Меттерниху, – происходит на наших глазах, а именно: эволюция многих людей, особенно молодых, переходящих от политического фанатизма к религиозному мистицизму. *В этом я ничего хорошего не вижу.* Очевидно, что болезнь только меняет форму, и поэтому с нею нужно бороться другими средствами... Если нам не удастся повлиять на умы и уничтожить зло в его самых глубоких корнях, то мы должны будем признать себя побежденными".

Мистическое движение шло параллельно и часто совместно с политическим. Центром последнего были литературные кружки и студенческие общества – *буршеншафты,* которые заняли место старого Союза добродетели. Борьба велась путем словесной пропаганды, полемики в печати и публичных демонстраций. Из последних особенную известность получило Вартбургское празднество 18 октября 1817 года[8]. В этот день по приглашению студенческого общества Иенского университета сошлась молодежь со всех концов Германии отпраздновать третью годовщину Лейпцигского боя. Вечером, после шествий по городу, после речей ораторов, был разведен костер, на котором, при пении патриотических гимнов, были сожжены брошюры и газеты Галлера, Коцебу и других реакционных авторов, большею частью бывших либералов и свободомыслящих, перешедших потом на сторону реакции.

Известие о вартбургских событиях были встречены с сочувствием в либеральной части немецкого общества и с

негодованием – в консервативной. Эти события послужили сигналом решительной битвы между двумя лагерями. Год спустя, во время Ахейского конгресса, Меттерних предлагает прусскому королю общий план действия, главные пункты которого намечены в секретном письме к прусскому министру, князю Витгенштейну. Прежде всего он требует, чтобы король окончательно отказался от своего обещания ввести конституцию в Пруссии. “Подобное нововведение, – пишет Меттерних, – не может быть сделано в большом государстве без того, чтобы оно не повело к революции”.

После этого Меттерних предлагает целый ряд репрессивных мероприятий, касающихся не одной только Пруссии, но и всего Германского союза. С одной стороны, эти мероприятия были направлены против общественного мнения, с другой – против молодежи. Для подавления первого он советует уничтожить свободу печати. Меттерних еще мирится с мыслью допускать свободное печатание “серьезных и научных сочинений”, но не памфлетов и периодических изданий. Он требует, чтобы против последних были изданы специальные “предохранительные или репрессивные законы”.

Воспитание юношества тоже беспокоит Меттерниха. “Новаторы поняли бесплодность своих затей, – пишет Меттерних, – и поэтому переменили образ действия: они устремили свой взор на грядущее поколение. Чтобы подготовить последнее к предназначаемой ему миссии, нужно было овладеть молодыми людьми с раннего детства и приучить их ум к революционной дисциплине”. В этом и заключалась, по мнению Меттерниха, роль гимнастических обществ, “этих подготовительных школ к университетским беспорядкам”, и студенческих ассоциаций – *буршеншафтов*. Так как и гимнастические общества, и буршеншафты больше всего распространены в Пруссии, то король, уничтожив как те, так и другие, дал бы назидательный пример остальной Германии.

Пока прусское правительство обдумывало план Меттерниха, последний возвращается в Вену и оттуда отправляется в Италию вместе с императором Францем. Помимо удовольствия, целью этой поездки было познакомиться на месте с ходом дел на Апеннинском полуострове. Здесь и застало Меттерниха известие об убийстве Коцебу студентом Зандом в Мангейме 23 марта 1819 года.

Еще во время Ахейского конгресса вышла одновременно на немецком и французском языках брошюра русского дипломата Стурдзы, в которой горячо осуждалось не только либеральное немецкое движение, но и устройство Германского союза. Появление ее вызвало страстную полемику в немецкой печати.

Арндт, Геррес, Ян и другие вожди либерального движения напали на автора брошюры, а одна студенческая корпорация даже послала ему вызов. Писатели же противоположного лагеря взяли под свою защиту как идеи, высказанные в брошюре, так и личность самого Стурдзы. Между ними наибольшей горячностью отличался Коцебу. Молва обвиняла его в том, что вследствие его интриг император Александр переменил свое отношение к немецким либералам, которым раньше сочувствовал, и в том, что брошюра Стурдзы, написанная под диктовку царя, являлась, в сущности, плодом подпольной деятельности Коцебу. “Известно, насколько вся эта партия, – пишет Генц Меттерниху, – рассчитывала раньше на русского царя. Теперь она доказала, что перемена, совершившаяся с последним, является для нее страшным ударом... Возбуждаемые страхом эти люди дошли до исступления и готовы совершить самые чудовищные поступки. Эти безумцы убили Коцебу потому, что приписывали его происками перемену отношений к ним покровителя, на которого они возлагали наибольшие надежды”.

Со всех сторон Германии посылались к Меттерниху сообщения, описывавшие происшедшее событие. Фарнгаген фон Энзе рассказывал драматические подробности как убийства Коцебу, так и неудачной попытки Занда покончить с собой. “Когда Занд вышел на улицу, – пишет Фарнгаген, – он упал на колени и начал с воодушевлением благодарить Бога за то, что его попытка увенчалась успехом. Потом он наносит себе два удара кинжалом и падает без сознания”. Из других источников Меттерних узнает, что Занд был студентом теологии сначала в Эрлангенском университете, где отличался мягкостью характера и чистотою нравов, и что в 1817 году он перешел в Иену. Тут он принимал горячее участие в вартбургских демонстрациях, а в 1818 году опять возвратился в Эрланген и вел деятельную агитацию в пользу всеобщего немецкого студенческого союза.

По поводу самоубийства Занда Генц высказывает великодушное пожелание, чтобы он умер от своих ран, потому что суд над ним и казнь его могут произвести еще большее ожесточение. “Вот последствия усилий *невинной и добродетельной молодежи* и ее *благородных учителей,* о которых нам столь много говорили, когда мы после вартбургских буйств осмелились указать на зло!”

Теперь Генц советует принять серьезные меры. Таковыми он считает только те, которые действовали бы на мировоззрение молодежи. Усиление университетской дисциплины, изгнание виновных профессоров и студентов, уничтожение университетского суда – все это паллиативы. “Революционные

принципы (как, например, отрицание всякой власти, независимость личного суждения, борьба мнений и другие прекрасные вещи в том же роде) останутся нетронутыми. Они примут другую форму, опять гордо поднимут голову и больше чем когда-либо будут насмехаться над всякими законами. Дух, которым проникнут теперь университет, не только не будет изгнан, но даже не будет ограничен; наоборот, раздражаемый бессильным противодействием правительства, он сделается только еще более опасным".

Другой сотрудник Меттерниха – Адам Мюллер – видит зло еще глубже. "Университетские беспорядки, – пишет он, – ведут свое начало от реформации; вот откуда проистекает зло; его нельзя искоренить, не уничтожив самой реформации".

Сам Меттерних встретил событие 23 марта с величайшим удовольствием. Что же могло быть радостным в этой кровавой истории, где одна жертва уже пала, а другая готовилась к эшафоту?

Приятное для Меттерниха заключалось в том обстоятельстве, что убийство Коцебу создавало для него прекрасный повод энергичного и быстрого вмешательства во внутренние дела Германии. "Благодаря одной из тех счастливых случайностей, – пишет он Генцу, – которые доставляли вам так часто случай приветствовать меня, я в состоянии буду поднять свое дело, обогатив его примером, который дал мне этот превосходный Занд в отношении бедного Коцебу".

Более практичный чем Мюллер и Коцебу, он не доходит до неосуществимых проектов искоренить реформацию и свободомыслие, а требует прежде всего изменения университетской дисциплины. "Иначе мы ничего не добьемся", – пишет Меттерних. Он даже иронизирует над Мюллером, предложение которого напомнило ему случай с русским дипломатом Головкиным, предлагавшим искоренить "первые причины французской революции".

В то же самое время Меттерних входит в отношения с различными немецкими дворами, чтобы подготовить известную Карлсбадскую конференцию. В средине июля того же 1819 года он приезжает в Германию и имеет свидание с прусским королем в Теплице. Чтобы склонить короля на свою сторону, Меттерних возбуждает в нем недоверие к окружающим его лицам, которых он подозревал в сочувствии либеральным взглядам. Таким он считал, между прочим, самого прусского канцлера, князя Гарденберга. "Я могу с Вашим Величеством говорить откровенно, – начал Меттерних, – как и прежде, тем более, что вы сами требуете от меня этого... Очаг заговора находится в

Пруссии: теперь всем известны мелкие заговорщики, но их вожаки еще не открыты. Между тем они, несомненно, принадлежат к высшим сферам, они находятся среди ваших собственных сотрудников. Вашему Величеству известно мое мнение о князе канцлере; он оказал вам большие услуги, но теперь он стар, слаб телом и духом и часто, желая добра, делает только зло". С другой стороны, Меттерних, чтобы оказать давление на князя Гарденберга, угрожает открыть королю какие-то его тайны интимного характера. Такими способами ему удается заставить короля и Гарденберга отказаться от конституционных проектов и дать обещание, что они будут поддерживать его и на Германском сейме.

Как известно, вопросы, касающиеся общих интересов Германии, рассматривались на сейме, заседающем во Франкфурте. Гласность заседаний сейма могла бы вызвать сильную критику со стороны общественного мнения и повредить планам Меттерниха. Вот почему он старается, чтобы министры всех германских государств предварительно сговорились относительно нужных мероприятий, – так, чтобы сейм очутился перед совершившимся уже фактом и ему не оставалось бы ничего иного, как только признать его. Самым важным для Меттерниха было согласие Пруссии, которым он и заручился. Что касается мелких владетелей Германии, таких, как великий веймарский герцог, прозванный в насмешку "Великим Студентом" за его симпатии к учащейся молодежи, на них Меттерних действовал угрозой или же пользовался чувством страха, которое вызвало среди них убийство Коцебу. Имея в виду этих владетелей, император Франц писал Меттерниху: "Мы имеем дело со слабыми государями и слабыми правительствами и поэтому должны воспользоваться овладевшим ими чувством страха, чтобы заставить их принять строгие, но справедливые меры".

Программа Меттерниха состояла из двух частей: первая охватывала непосредственные практические мероприятия, которые следовало принять против либерального движения; вторая – в изменении XIII статьи органического закона германской конфедерации, обязывающей отдельные правительства дать своим подданным конституционные учреждения. Ввиду оппозиции, которую могла вызвать такая коренная ломка основных законов Германского союза, Меттерних решил действовать осторожно и методически.

На Карлсбадской конференции он ограничивается только проведением первой части своей программы. Здесь было решено уничтожить свободу печати и усилить университетскую дисциплину, с исключением из университетов и лишением прав

преподавания неблагонадежных профессоров. По третьей резолюции создавалась особая комиссия с широкой следственной властью, заседающая в Майнце, на которую была возложена задача выявить и наказать участников заговора. После того, как союзный сейм принял 20 сентября 1819 года резолюцию министров, последние снова собрались на конференцию, на этот раз в Вене. Там была принята 4 марта 1820 года резолюция, известная в истории под названием “Заключительный венский акт”.

Суть этой резолюции заключалась в следующем: основной закон Германской конфедерации хотя и обязывает отдельных владетелей Германии дать своим народам конституционные учреждения, но он в то же время признает за ними право верховного суверенитета.

В силу последнего им предоставляется полное право определять размер и характер реформ, которые они могут дать своим подданным. Однако оказывается, что этот суверенитет отдельных владетелей действителен лишь по отношению к их подданным и является фикцией по отношению ко всей конфедерации. Дело в том, что никакой германский владетель не имеет права предпринимать в своем государстве что-нибудь такое, что угрожало бы *внутренней безопасности* его соседа. Наконец, по третьему пункту, эти решения входят в силу, не требуя для этого согласия сейма, так как здесь дело идет не о каком-либо новом законе, а только о правильном толковании XIII статьи федеральной конституции.

Таким образом, Меттерних устранял возможную оппозицию со стороны сейма и ставил всех немецких владетелей под фактическое господство Австрии. Последняя получила право вмешиваться во внутренние дела каждого немецкого государства и запрещать всякие нововведения под предлогом, что они угрожают ее собственной внутренней безопасности.

На этот раз дело не обошлось без протестов. Конференция, которая должна была закончить свою работу в несколько дней, заседала несколько месяцев. Протестовала Бавария, протестовал и Вюртемберг, обвинявший Австрию и Пруссию в том, что они хотят под другой формой восстановить наполеоновский гнет. Тем не менее, Меттерних путем интриг и угроз, а также пользуясь убийством герцога Беррийского, которое пришлось весьма кстати, как и убийство Коцебу, наконец 4 марта заставляет всех принять резолюцию.

Но в то самое время, когда он уже праздновал победу, одержанную им над слабыми немецкими владетелями и над неорганизованной немецкой либеральной партией, громом

пронеслась весть о восстаниях в Испании и Неаполе.

Борьба против Наполеона вызвала в Испании такое же политическое брожение, как и в германских государствах. Кортесы пошли навстречу новым требованиям, провозгласив в 1812 году либеральную конституцию. Но этому порядку вещей не суждено было долго существовать. Фердинанд VII, восстановленный на испанском престоле в 1814 году, уничтожил конституцию и ввел старый притеснительный режим. К этой причине неудовольствия прибавилась тяжелая и бесплодная война с южноамериканскими колониями. Так, до 1819 года было послано за океан 42 тыс. человек решительно без всякой пользы.

Особенно сильное неудовольствие проявлялось среди военных, которые главным образом на себе выносили всю тягость войны. Этим объясняются и те частые бунты, которые происходили среди отправлявшихся в Америку солдат. Одновременно с этими единичными вспышками офицерами, участвовавшими в масонских ложах, готовилось настоящее восстание. Первый сигнал был дан австрийским батальоном, находившимся под командой Рафаэля Риего.

В день Нового 1820 года Риего провозглашает восстановление конституции 1812 года и выступает со своими войсками для соединения с заговорщиками других гарнизонов. Восстание постепенно распространилось по всей стране, охватило большие города и нашло отголосок в самой столице. Седьмого марта 1820 года, ровно через три дня после того, как в Вене был подписан “заключительный акт” Меттерниха, испанский король должен был присягнуть новой конституции.

Испанская революция была первым громким протестом народов против принципов Священного союза. Но, тем не менее, Испания, вследствие своей отдаленности, не представляла для политики Меттерниха непосредственной опасности. Не то было с революцией в Неаполе, происходившей в ближайшем соседстве с Австрией.

Реакция, наступившая в Италии после уничтожения французского владычества, отличалась такой же свирепостью, как и в Австрии. Восстановленные в своих привилегиях короли и князья спешили воспользоваться предоставленной им неограниченной властью и вознаградить себя за лишения, перенесенные в изгнании. Между тем в итальянской жизни за этот период произойти важные перемены. Как известно, вся Италия подпала под владычество Наполеона. На неаполитанском престоле был его зять Мюрат, а в Риме – принц Эжен, сын Жозефины. Если в чисто политических вопросах представители Наполеона проявляли такую же нетерпимость и деспотизм, какие

господствовали во Франции, то в гражданский строй они ввели радикальные реформы. На Италию был распространен Наполеоновский кодекс, который изменял старый режим, обеспечивая неприкосновенность собственности и личности и уничтожая существовавшие раньше сословные различия. Этим открывалась дорога к службе и к общественной деятельности средним классам населения. С другой стороны, была уничтожена инквизиция, изгнан ненавистный орден иезуитов и вообще ограничена власть духовенства. Наконец Наполеон пробудил у итальянцев надежду на создание особого королевства, которое охватило бы все итальянские провинции и во главе которого он собирался поставить принца Эжена, уже носившего титул вице-короля Италии. Эти нововведения и надежды были разрушены реставрацией. В Неаполе был восстановлен Фердинанд III, который поспешил отменить дарованную Мюратом конституцию, а лорд Бентик отменил конституцию в Сицилии; Ломбардия вместе с Венецией отошла к Австрии, в Римской же области была восстановлена власть папы. На месте единой Италии на Апеннинском полуострове снова оказалось восемь различных государств. Введенный Наполеоном гражданский строй был уничтожен; феодализм был восстановлен, аристократия опять приобрела господствующее положение в администрации и войске; иезуиты были возвращены, инквизиция восстановлена, и духовенство сделалось таким же влиятельным, как и раньше. Утверждению этого нового порядка вещей немало способствовала Австрия, как примером, который она подавала в Ломбардии, так и непосредственным воздействием на итальянских владетелей. В Ломбардии были введены все притеснительные законы, существовавшие в самой Австрии, но к политическому гнету здесь прибавился еще гнет национальный: все итальянцы были лишены должностей, и их места отданы австрийцам.

В то же самое время Меттерних налаживает постоянные связи с итальянскими владетелями. Нередко итальянские чиновники были вместе с тем агентами Австрии. “Нам удалось, – пишет Меттерних императору Францу, – завязать тайные сношения с монсиньором Пакка, директором полиции в Риме, и мы пользуемся этим случаем, чтобы заставить его следовать во всех политических делах той же самой политике, которой следуем мы”. Не вполне полагаясь на усердие местных чиновников, Меттерних наводняет Италию своими агентами; не доверяясь, наконец, и этим последним, он посылает туда в 1817 году с тайной миссией бывшего министра Мюрата, продажного Тито Манци, которому поручает разведать о планах тайных обществ и о намерениях различных итальянских правительств. Итальянские

правительства шли навстречу желаниям Меттерниха. Их *сбиры* действовали совместно с его агентами. Вся Италия была опутана сетью тайной полицейской организации, – что оправдывало слова Огюста Барбье из его поэмы:

Из двух друзей, беседующих вместе,
Всегда один безнравственный доносчик.

Австрийское владычество на Апеннинском полуострове не пользовалось симпатиями не только среди народа, но и в правительственных сферах. Народ ненавидел Австрию за ее реакционную политику, короли и князья опасались за свою политическую самостоятельность. Были и такие владетели, как пьемонтский король, который мечтал выгнать Австрию с Апеннинского полуострова и увеличить свою собственную территорию за счет ее провинций. Меттерних подозревал, что такое желание встречает или может встретить поддержку Франции и России. С другой стороны, восстановление папской власти в Риме пробудило надежды гвельфов, мечтавших об ее распространении на всю Италию. Тито Манци доносил Меттерниху, что сам папа поддерживает тайные гвельфские организации.

В 1817 году Меттерних предпринимает путешествие по итальянским дворам. Личные свидания, как известно, были одним из его любимых приемов воздействия на королей. С глазу на глаз он мог сказать много такого, чего не решился бы доверить бумаге.

Хотя в это время в Италии еще все было спокойно, однако Меттерниха охватывает дурное предчувствие, когда он видит, что в Ливорно агенты Бостонского библейского общества раздают итальянцам даровые экземпляры Библии. “Библейская болезнь охватила два полушария”, – пишет он своей жене. Мы знаем уже, как Меттерних приходил в ужас от малейшего проявления самостоятельной мысли. Еще до приезда в Ливорно он посылает из Флоренции австрийскому посланнику в Петербурге Лебцельтерну записку о сектах в Центральной Европе, прося его узнать, какого мнения держится русское правительство по данному вопросу. В этой записке, между прочим, он обрушивается и на госпожу Крюденер. “Стремления этой женщины опаснее стремлении всех других сектантов, потому что цель всех ее проповедей – возбуждать неимущие классы против собственников”. Но его послание не успело еще прибыть в Петербург, как пришло письмо от графа Нессельроде с протестом, хотя и составленном в дружелюбном тоне, против закрытия

библейского общества в Вене. Меттерних ответил, что он сам тоже большой поклонник Библии, но что это – книга, которую не следует распространять в народе. Он согласен с католической церковью, которая “не дозволяет чтения мистических книг, наполненных непристойными описаниями, каким изобилует, например, Библия”. Пересылая императору Францу письмо Нессельроде и копию со своего ответа, Меттерних пишет: “С 1815 года император Александр оставил якобинские идеи и ударился в мистицизм. Но так как его стремления остаются по существу революционными, то этим самым духом проникнуты и его религиозные идеи. После моего письма... император Александр потеряет всякую охоту входить в религиозные беседы с такими узкими христианами, как Ваше Величество и его министр”.

Через два года Меттерних снова посещает Италию. На этот раз, хотя он уверяет Генца, “что неаполитанский народ положительно доволен своим королем”, но его другие письма проникнуты большими опасениями. Он постоянно жалуется на “русских агентов”, которые будто бы вдохновляют вожаков тайных карбонарских обществ. Он приводил позже в доказательство этого, между прочим, тот факт, что во время путешествия великого князя Михаила Павловича, которого сопровождал Лагарп, карбонарии встречали последнего с распростертыми объятиями.

Действительно, в Италии в это время тайные общества развивали лихорадочную деятельность. Как известно, первое место среди них занимала организация карбонариев, развившаяся из бывших масонских обществ, принявших еще при французском владычестве политическую окраску. Во главе готовившегося военного восстания находился энергичный калабрийский офицер Пепе. У него был план захвата в плен австрийского императора и Меттерниха, бывших тогда в Италии. Мы находим следующий отголосок этого неудавшегося заговора в письме Меттерниха к Генцу от 7 мая. “Со всех сторон меня спрашивают о подробностях заговора, составленного в Италии против императора. Если такой слух дойдет до вас, то заявите прямо, что это преступные выдумки революционной партии”.

Неаполитанская революция вспыхнула 1 июля 1820 года. Король был вынужден присягнуть новой конституции и составить либеральный кабинет, в который вошел, между прочим, и Пепе.

Известие о неаполитанских событиях пришло в Вену только 15 июля. Оно вызвало у Меттерниха большую тревогу, тем более, что он был огорчен семейным несчастием: его вторая дочь Мария в это время находилась при смерти. “Революция в Неаполе, – писал он, – событие, последствия которого неисчислимы. Два

эскадрона кавалерии низвергают королевский престол и угрожают вызвать во всей Европе колоссальные несчастья". Меттерних хотел бы действовать быстро и энергично, но он ждет известий из Петербурга. Хотя на Ахенском конгрессе между царем и Меттернихом господствовало единодушие, но позднейшие действия австрийского канцлера в Германии вызвали некоторое охлаждение между Петербургом и Веной. Русский царь не мог оставаться равнодушным к бесцеремонному вмешательству Меттерниха во внутреннюю жизнь германских государств. Тем более, что под предлогом защиты принципов Священного союза Меттерних, в сущности, постепенно утверждал гегемонию Австрии над всей Европой. Этим и объясняется вызвавший сильное раздражение Меттерниха циркуляр русского министра Каподистрии в январе 1820 года, в котором он приглашает немецких владетелей сопротивляться поползновениям Меттерниха. Мы видели, что другая причина охлаждения заключалась в различном отношении русского и австрийского кабинетов к итальянским делам. Во всем этом Меттерних считал виновным не столько самого царя, сколько Каподистрию, против которого он и тратил весь запас своего желчного остроумия, называя его "лже-Иоанном", а его циркуляры "апокалиптическими". Наконец курьер из Петербурга прибыл, и с вполне благоприятными для Меттерниха известиями. "Каподистрия окончательно побит! – восклицает он с радостью. – А мы двое – император Александр и я – сделаем вместе очень многое".

Через несколько дней в другом письме он приводит слова, сказанные будто бы императором Александром: "Я наделал много зла, но теперь постараюсь его загладить". И Меттерних опять радостно восклицает: "Как видно, Каподистрия отходит на задний план, которого, собственно, он не должен был и покидать".

Неаполитанская революция сделалась предметом обсуждения на конгрессе в Троппау, куда прибыли император Александр и Каподистрия. Из первого же свидания с Каподистрией и царем Меттерних выходит торжествующим. Непомерное самодовольство австрийского министра редко достигало таких размеров, как в письме, писанном под свежим впечатлением его предполагаемой победы. "Я провел сегодняшнее утро, – пишет он, – перелистывая, так сказать, шефа русского кабинета. Представьте себе, каково было мое удивление: он не сделал ни одной апокалиптической декларации! Это не натурально, а тем не менее – справедливо; впрочем, истинное может часто казаться неправдоподобным. Что же такое произошло на седьмом небе Каподистрии? Он просто спустился на землю нагим, с открытыми глазами, как сама

истина. Я начал нашу беседу, встав твердо на свою почву, то есть на почву здравого рассудка. Представьте себе, я его нашел стоящим на той же почве. Чтобы его испытать, я отступил, но он не последовал за мною. Я снова вернулся и нашел его на том же месте. Он сидит на своей солидной основе так же крепко, как Атлас. Я набросился на его апокалипсис, но он же сам предложил принести дрова, чтоб сжечь произведение лже-Иоанна. Я пошел на его прошлое, он мне вторил. Я начал описывать будущее, как я его понимаю, он выразил мне полное согласие. Наконец, яначал смеяться – он тоже. Я думаю, что, если бы я заплакал, из его глаз тоже покатились бы слезы. В этот момент я подумал: мы теперь можем идти вместе, и, о чудо! он встал и пошел за мною... Император Александр, – пишет дальше Меттерних, – точно так же вполне послушен. Он извиняется и даже обвиняет самого себя... “Вы понимаете, почему я уже не тот? – говорил он. – С 1813 до 1820 года прошло семь лет, которые мне кажутся целым столетием. В 1820 году я ни за что не сделаю того, что сделал бы в 1813 году. Переменились не вы, а я. Вам не в чем каяться, но про себя я не могу сказать того же”.

На Меттерниха нельзя полагаться относительно точной передачи слов царя, но смысл разговора, несомненно, был таким. В этом можно убедиться из писем самого императора Александра. “Мы собрались, – пишет он из Троппау, – дабы принять серьезные и действительные меры против пожара, охватившего весь юг Европы, огонь от которого уже разбросан во всех землях... Согласие и союз были совершенные. Работали откровенно и хорошо. Поэтому я надеюсь, что благодаря помощи Божественного Провидения наша работа хороша, насколько это возможно, несмотря на великие трудности и препятствия, которыми она была обставлена. Благоразумные меры уже приняты; решено, что я буду служить, в некотором роде, посредником для передачи сообщений из Неаполя. Мы имеем некоторую надежду вырвать короля из рук карбонариев и тогда действовать его властью с поддержкой всей австрийской армии”.

На Лайбахский конгресс, который открыл свои заседания в начале 1821 года, действительно приехал и неаполитанский король. Как только Фердинанд III очутился среди монархов и дипломатов Священного союза, он поспешил отречься от своей присяги новой конституции. На Австрию была возложена обязанность усмирить восстание и восстановить неограниченную королевскую власть. Пока дипломаты заседали, вспыхнула революция и в Пьемонте, но рецепт для усмирения мятежей уже был составлен и оставалось только применить его и к Пьемонту. В следующем году, на Веронском конгрессе, было решено поступить

точно так же с Испанией. На этот раз роль усмирительницы взяла на себя Франция.

Из документов, относящихся к той эпохе, большой исторический интерес представляет пространная докладная записка, написанная Меттернихом еще в Троппау для Александра I. Этот документ носит громкое заглавие: “Политическое credo князя Меттерниха”. Оно начинается описанием последствий, которые вызвали в европейской жизни открытие Америки, изобретение пороха и типографского станка. Но, конечно, дело не в самих открытиях и изобретениях, а в том, что они развили в современных поколениях необыкновенную *“самонадеянность”*. “Самонадеянность, – пишет Меттерних, – делает то, что множество людей сбиваются с истинного пути. Религия, мораль, политическая экономия, образ правления – все это сделалось теперь как бы общим достоянием... Для самонадеянного человека опыт не имеет никакого значения; вера для него тоже ничто; он ее заменяет воображаемым личным убеждением. *Законы* для него точно так же лишены всякого авторитета, потому что он не принимал участия в их составлении... *Власть* заключается в нем самом; зачем же ему подчиняться тому, что создано для невежд...”. Ответственность за такое настроение общества Меттерних возлагает на Англию, на Францию, на Наполеона, на немецких новаторов, на итальянских карбонариев, на ученых, мистиков и на политиков. Наконец он кончает свое credo следующей тирадой, написанной не без некоторых инсинуаций по адресу его царственного корреспондента.

“Пусть каждое правительство заставит замолчать доктринеров в своей стране и выразит презрение к доктринам других стран. *Пусть оно остерегается всяких действий, которые могли бы дать повод думать, что оно относится сочувственно или равнодушно к заблуждениям;* пусть оно старается быть ясным и определенным в каждом своем слове и пусть не стремится путем уступок привлечь на свою сторону партии, единственным желанием которых является разрушение всякой власти, не исходящей от них самих. Этого тем более не следует допускать, что уступки такого рода не только не примиряют партии с правительством, но, наоборот, усиливают их стремление захватить власть”. Оказало ли политическое *credo* князя Меттерниха какое-нибудь действие на воззрение императора Александра, трудно сказать с уверенностью. Но очень вероятно, что оно могло ускорить в нем тот поворот к охранительным началам, который был заметен у царя после Отечественной войны.

Могущество Меттерниха достигает своего полного развития в

период 1815 – 1823 годов, охватывающий так называемую эпоху конгрессов. Он фактически распоряжался судьбами Германии и Италии. Его влияние распространяется на Россию, Францию и даже на Англию, первый министр которой, лорд Кестельри, известный впоследствии под именем лорда Лондондери, был его другом. Все стараются снискать его расположение. Короли и министры обращаются к нему за советами; его одобрениями и порицаниями руководятся они в своей политике. Что скажет князь Меттерних? что думает князь Меттерних? – вот вопросы, которые приходили в голову европейским государственным людям прежде всего, когда они желали предпринять что-нибудь или когда случалось какое-либо выходящее из ряда событие. Меттерних усмиряет революции, задает тон общей политике держав, принимает ближайшее участие в их внутренней жизни. Здесь он интригует против Гарденберга, там против Каподистрии и Каннинга. России он советует закрытие библейских обществ, Франции – упразднение закона о печати и установление предварительной цензуры. Он думает и действует за всех, выступая здесь в роли строгого обличителя, там – в роли снисходительного друга и советника. О том, какое значение придавалось тоща влиянию и словам Меттерниха, можно судить по следующему факту. Известно, что между Людовиком XVIII и его братом, графом д'Артуа, будущим Карлом X, существовала взаимная вражда. От этого, конечно, страдали интересы роялистской партии. К кому же решили обратиться французские роялисты, чтобы примирить двух враждующих братьев? Конечно, к князю Меттерниху.

Меттерних пожинал плоды своих побед в виде орденов, титулов, аренд и денежных наград, которые сыпались на него от всех европейских владетелей. После Венского конгресса он был возведен в княжеское достоинство, а после Лайбахского – был назначен государственным канцлером. Министры германских дворов посылали ему благодарственные адреса вроде того, который был написан после Венского заключительного акта, а придворные поэты сочиняли в честь него оды и кантаты. “Привет тебе, о великий принц, тебе, честную руку которого направляет само Провидение, чтобы повести к освобождению нас и всех наших братьев!” Так начиналась кантата, составленная поэтом Вейтом в 1813 году, когда, по случаю возвращения Меттерниха в Вену, ему была устроена серенада. Триумфальными арками и серенадами встречали повсюду Меттерниха и потом, когда он путешествовал по Италии и Германии.

Сам Меттерних не упускал случая распустить свои павлиньи перья и хвастаться на все лады, давая самому себе самые лестные

эпитеты. Каким самомнением и чувством тщеславия проникнуты письма, которые он пишет во время своих путешествий. “Меня здесь ожидают, как *Мессию,* который должен спасти грешников, – пишет он из Италии. – Королю объединенной Италии не устроили бы такой встречи, какую устраивают мне”. Немного позже, в том же году, он пишет из Франкфурта: “Трудно себе представить, какой громадный эффект произвело мое появление на сейме!” “Как тяжело путешествовать человеку в моем положении! – пишет он из Германии в 1822 году. – Я чувствую пресыщение, подобно тому, как это чувствуют короли, от всех празднеств, устраиваемых по случаю моего приезда. На меня напали как на настоящего оракула. С тех пор, как мне посчастливилось уничтожить карбонариев, все воображают, что стоит мне только показаться где-нибудь, чтобы исчезли все препятствия, мешающие тому или другому... Люди смотрят на меня как на своего рода фонарь, который должен освещать им дорогу в настоящую темную пору”.

И вот, когда Меттерних находился на вершине своего могущества, когда он думал, что покончены счеты с революцией, что карбонарии уничтожены, – разразилась греческая буря, которая потушила благодетельный фонарь австрийского канцлера.

Глава VI. Греческое восстание. Меттерних и Каннинг

Греческое восстание было точно так же одним из дальнейших последствий французской революции. Еще во время своего похода в Египет Наполеон призывал греков к борьбе с турками. Но у них отсутствовало тогда национальное сознание, а главное – материальные средства. Греция была страной бедной по своей природе и без значительной торговли; она была отделена от остальной Европы вековым рабством, невежеством и естественными препятствиями: горами и морем. Из этой изолированности вывел Грецию опять-таки Наполеон. Ее экономический подъем явился одним из неожиданных последствий Наполеоновской континентальной системы. Когда коммерческие флоты европейских государств спустили свои паруса и гавани закрылись для английских товаров, – тогда наступило царство маленьких греческих шхун, которые, ловко избегая таможенного надзора, брали английские товары с острова Мальта и распространяли их по берегам Австрии, Италии, Испании, Португалии и даже Франции. И это продолжалось так семь лет, то есть все время господства континентальной системы. Тот же Наполеон, который дал Греции возможность обогатиться, подготовил и первых вожаков греческого восстания. Как известно, Ипсиланти и другие греческие деятели служили в русской армии и прониклись тем же патриотическим духом, который возбудила борьба Наполеона среди всего русского офицерства. Это были раскаты того же грома, который потрясал Францию в 1789 году. Пока Меттерних подавлял революции в Испании, Неаполе и Пьемонте, семиглавая гидра показалась в скалистых пещерах Эгейского моря.

Первые известия о восстании были получены на Западе в марте 1821 года, когда Меттерних и император Александр находились еще в Лайбахе. Нетрудно понять, как должен был отнестись Меттерних к греческому восстанию. С одной стороны, оно угрожало владычеству Турции, существование которой, как нам известно, составляло один из догматов австрийской политики на Востоке. С другой стороны, греческие повстанцы были теми же карбонариями, как выражался Меттерних, которые восстали против своего законного государя и угрожали своим примером раздуть революционный пожар и во всей остальной Европе. В этом отношении политика Австрии была точно и ясно определена заранее. Она по своей непреложности действительно

принимала характер настоящей *религии,* как выражался Меттерних в письме к Эстергази, австрийскому посланнику в Лондоне.

Для России же это дело представлялось немного иначе. С теоретической точки зрения император Александр, конечно, не мог не соглашаться с тем, что один общий дух “неповиновения и мятежа” пронизывал как неаполитанскую, так и греческую революции. Но, с другой стороны, русские интересы на Востоке были противоположны австрийским. Еще со времен Петра Великого завоевание Константинополя сделалось целью русской внешней политики, и поэтому Россия должна бы приветствовать всякое событие, которое ускорило бы падение Турецкой империи.

Кроме того, Россия исстари являлась как бы покровительницею христиан Турецкой империи, и не прийти на помощь грекам теперь, когда свирепствовали турецкие янычары и башибузуки, значило бы подорвать свой собственный авторитет и потерять ту поддержку, которую русская политика находила среди христианских подданных Турции.

Таким образом, русская дипломатия была поставлена перед трудной дилеммой: поддерживать греков – или предоставить их собственной судьбе, что было равносильно оказанию поддержки Турции. В первом случае император Александр впал бы в противоречие с охранительными началами; во втором – он нанес бы тяжелый удар русскому влиянию на востоке. Как увидим ниже, царь не примкнул ни к одному из этих двух решений; отсюда и та неопределенность, которой отличалась его политика во время греческого движения.

Мы упомянули, что, когда известие о восстании было получено в Лайбахе, царь тотчас же позвал к себе Меттерниха и вместе с ним решил “предоставить греческое движение своей собственной судьбе”.

Так же поступил царь Александр и с сербами за восемь лет до греческого восстания. Во время его пребывания во Франкфурте в 1813 году к нему явилась сербская делегация с просьбой помочь им против турок. Царь отказался. Как тогда, так и теперь, во время греческого восстания, он жертвовал традиционными русскими интересами на востоке во имя охранительных начал.

Император Александр предполагал, что греческое восстание будет подавлено раньше, чем общественное мнение в России и на Западе успеет высказаться за греков. Эти расчеты оказались ошибочными. Восставшие успешно боролись с турками, все усилия которых кончались обычными жестокостями, вызывавшими всеобщее негодование. Борьба против греков пробудила фанатизм в мусульманском населении, которое начало

мстить другим христианам за военные неудачи в Греции. Само турецкое правительство, желая предупредить всякое революционное движение со стороны других христианских народов, приняло ряд предохранительных крутых мер. Оно бросило в тюрьму находившихся с 1820 года в Константинополе сербских депутатов и объявило их заложниками. В 1821 году турецкое войско заняло Молдавию и Валахию, откуда был дан первый сигнал к восстанию. Оккупация дунайских провинций и арест сербских депутатов были нарушением международного права и, в частности, постановлений Бухарестского русско-турецкого договора. Кроме того, турецкое правительство закрыло проход через пролив торговым судам, отправляющимся к берегам России. Эти обстоятельства должны были вывести из пассивности русское правительство и заставили его вмешаться в греческие дела. Русское правительство отправило ультиматум Турции, требуя от нее восстановления прежнего порядка вещей в дунайских провинциях и обеспечения свободы торговли в Черном море. Что касается греков, то русское правительство не признавало за ними никаких прав, считая их *революционерами,* но требовало в то же самое время от Турции, чтобы она отличала мятежников от остального греческого населения и не распространяла бы на последнее тех строгостей, которых заслуживали первые. Нежелание Турции удовлетворить требования русских привело к разрыву дипломатических отношений. Конфликт с Турцией поставил русского императора перед трудной дилеммой. Самым естественным исходом из этого положения являлась война: нужно было силою оружия заставить Турцию принять условия России. К этой развязке побуждали царя и его советники, главным образом Каподистрия, который, кроме общих соображений, руководился в данном случае и своим патриотическим чувством. Но это решение не встретило полного сочувствия императора Александра, который не желал восстанавливать против себя своих союзников, а в частности Австрию. Тут на помощь колеблющемуся Александру явился Меттерних.

Австрийский канцлер был в курсе всего, что происходило в Петербурге. Бывали дни, когда он отправлял в Петербург подряд по несколько курьеров с разными поручениями. Из его обширной, частной и официальной, переписки видно, как у Меттерниха сменялись радость и беспокойство, смотря по содержанию полученных известий. Он был убежден в том, что император, зная слабость его характера, боялся влияния окружающих. Самым опасным для Меттерниха казался Каподистрия, которого он подозревал в желании сделаться королем Греции. Поэтому он

направляет все свои усилия на то, чтобы изолировать царя от его советников, и был один момент, когда он думал, что это ему удалось. Еще с Лайбахского конгресса Меттерних написал Стадиону следующее хвастливое письмо: “Не Россия нами руководит, а наоборот, мы руководим императором Александром, и по очень простым причинам. Он потерял всех своих советников, а между тем нуждается в них. На Каподистрию он смотрит как на вожака карбонариев. Точно так же он не доверяет своей армии, своим министрам, своему дворянству и своему народу”.

Такие же интриги Меттерних ведет против Строганова, Поццо-ди-Борго и других русских дипломатов. Временами ему кажется, что царь в его руках, затем он чувствует, как влияние других берет верх над его влиянием, и начинает горько жалеть, что до Петербурга так далеко от Вены. Тогда все его дело представляется ему тонкой паутиной, которую противники легко могут разорвать. “Мне кажется, – пишет Меттерних, – что я нахожусь в центре тонкой паутинной сети, сотканной мною, по примеру моих друзей пауков, которых я так люблю и которыми нередко восхищаюсь! Император Александр вполне сходился со мною во взглядах на текущие события. Но с тех пор он переменил резиденцию, так что нельзя сказать, останется ли он верным принятой точке зрения... Пока он держится хорошо, но он один среди всех своих... чтобы царь не сбился с пути, нужно его изолировать от его окружающих...”

Вот в каком виде представляет сам Меттерних свою роль, и, нужно признаться, ему удалось выдержать ее до конца царствования Александра I. Вся программа Меттерниха сводится к двум пунктам: предупредить войну между Россией и Турцией и заставить Россию обратиться за разрешением греческого вопроса к вмешательству Священного союза. Сколько выгодных для Австрии последствий повлекло бы за собою осуществление этих двух пунктов программы Меттерниха!

Он выиграл бы время, нужное Турции для усмирения греческого восстания; кроме того, он нанес бы русскому влиянию на востоке страшный удар: сама Россия отказывается от руководящей роли, которую она играла до сих пор на востоке, передавая Священному союзу принадлежащее исключительно ей право покровительствовать христианам; наконец во всем том, что теряла Россия, выигрывала Австрия и Меттерних, который был фактическим хозяином Священного союза. Осуществление этой программы составляет предмет официальной переписки Меттерниха. Он находит такое среднее и невинное решение, которое могло бы удовлетворить обиженное Турцией самолюбие Александра I, не давая в то же время грекам никакой надежды.

Это решение он и излагает в письмах к царю от 22 января 1822 года.

Прежде всего, Меттерних восстает всеми силами против войны, говоря, что последняя послужит сигналом для всеобщей европейской революции. “В тот день, – пишет Меттерних, – когда Россия и Австрия сделают один только намек на то, что они готовы прибегнуть к оружию, чтобы оказать давление на Турцию, – Италия, Германия и Франция – страны погибшие. Этого именно и ожидает все время партия революционеров; война была бы для нее моментом торжества, и вот этого-то мы должны прежде всего избежать”.

Но каким путем выйти из того неопределенного положения, в которое поставила себя русская дипломатия, прервав отношения с Турцией? Именно здесь и проявляются находчивость и лукавство Меттерниха. Он предлагает разделить спорные вопросы между Россией и Турцией на две категории: к первой относятся все вопросы, касающиеся исключительно России, а ко второй – греческий вопрос. Разрешение первых вопросов должно быть предоставлено непосредственному соглашению России с Турцией, разрешение же второго – всем державам Священного союза. Формула Меттерниха встретила одобрение Александра I. В начале марта в Вену приезжает русский уполномоченный Татищев со специальной миссией – составить вместе с Меттернихом подробный план примирения с Турцией, основанный на вышеприведенных началах. Насколько Меттерниху удалось вкрасться в доверие Александра I, можно судить по тому факту, что переговоры между ним и Татищевым происходили втайне от Головкина, русского посланника в Вене. Последний был устранен от них потому, что его считали орудием Каподистрии. После нескольких свиданий Меттерних и Татищев остановились на следующем проекте. Меттерних берется заставить Турцию очистить Молдавию и Валахию; Россия же воспользуется этим шагом Турции, чтобы возобновить прерванные дипломатические отношения. Что касается греческого вопроса, то все пять великих держав Священного союза должны предложить себя Турции в посредники между ею и восставшими. При этом посредники обещают не нарушать ни одного из прав Турции. Они только требуют от нее восстановления разрушенных церквей и амнистию всем, кто сложит оружие.

С этим документом Татищев возвращается в Петербург. Меттерних проводит два месяца в лихорадочном ожидании; он опять опасается, как бы Каподистрия не расстроил его планов. Наконец 31 мая приходит известие из Петербурга, которое

привело его в неописуемую радость. “Я получил… всего час тому назад, – пишет он императору Францу, – подробности о самой большой победе, которую когда-либо одно правительство одерживало над другим. Царь принял все наши предложения… Известие об отступлении турецких войск из Валахии и Молдавии так обрадовало царя, что он тотчас же попросил нашего посланника Лебцельтерна уведомить Порту, что Россия готова возобновить свои дипломатические отношения с Турцией. Каподистрия вполне побит, он теперь молчит”. В ответ на это радостное донесение император Франц пишет своему канцлеру: “Победа, которую вы одержали, является, может быть, самой лучшей и самой трудной за все время вашей министерской карьеры, и моей благодарности вам нет границ”.

Теперь во всех письмах Меттерних хвастается своей победой, и лучше всего он выясняет ее значение в письме к австрийскому посланнику в Константинополе, графу Лютцову: “Принятие моего предложения наносит удар не только греческому восстанию, но и тому влиянию, которое Россия, начиная с Петра Великого, оказывала на Порту вплоть до 1820 года. Достаточно было нескольких грубых ошибок русского кабинета и короткого времени, чтобы уничтожить все это влияние и открыть для Оттоманской империи новую эру…”

В том же году государи Австрии, России и Пруссии подписали на Веронском конгрессе циркуляр, составленный, очевидно, Меттернихом, в котором еще раз осуждалось греческое восстание и выражалась готовность подавлять всякое революционное движение, где бы оно ни появлялось и какие бы формы оно ни приняло.

Однако желания посредников не встретили сочувствия не только у греков, но даже и со стороны турок. Порта отказалась принять чье бы то ни было посредничество, потому что, приняв его, она бы признала за греками права воюющей страны. В то же самое время, хотя отношения между Турцией и Россией были восстановлены и в Константинополь поехал русский уполномоченный, турецкое правительство тем не менее оставило часть своего войска в Молдавии. Тогда Россия выступает с новым предложением о созыве международной конференции в Петербурге для принятия мер к прекращению греческого восстания.

Но Меттерних не забывает и дел западной Европы. На Веронском конгрессе он предлагает Александру I и Фридриху Вильгельму III учредить общую полицию, задачей которой было бы следить за действиями тайных обществ, с резиденцией в Вене. С другой стороны, Меттерних принимает меры для возобновления

Карлсбадских резолюций. Как известно, принятые там решения заключались в следующем: 1) университеты были поставлены под надзор назначаемых правительством попечителей, которым давалась неограниченная власть над университетом; 2) в Майнце была создана особая центральная следственная комиссия против тайных обществ; 3) все периодические издания подвергались предварительной цензуре. При этом первые два постановления были приняты на неопределенный срок, а третье – только на пять лет. Меттерних хотел продлить цензуру еще на пять лет, но, чтобы направить на других ненависть, которую эта мера должна была вызвать в обществе, он решил устроить так, чтобы инициатива к проведению ее исходила от Баварии. С этой целью Меттерних предпринимает специальное путешествие в Баварию, откуда пишет императору Францу: “Ваше Величество прочтет проект, который я внушил баварскому министру, который представит нам его как *свое* предложение… Я хотел серьезно скомпрометировать Баварию в этом деле, чтобы отрезать ей потом путь к отступлению”. Меттерних добился своего, но цинизм этого официального донесения, предназначаемого для императора, ясно показывает, с какой бесцеремонностью относился австрийский канцлер к немецким владетелям. Только изредка кто-нибудь из них решался поднять голос, как, например, вюртембергский король, который протестовал против вышеприведенного циркуляра трех монархов во время Веронского конгресса.

Вернемся опять к греческим делам. Созванные в 1824 году в Петербурге две конференции не привели ни к каким положительным результатам. Австрия соглашалась на посредничество, обязывалась даже оказать дружеское давление на Турцию; но она ни за что не соглашалась прибегнуть к оружию, если Турция будет, как и раньше, отказываться от всякого посредничества.

Меттерних рассчитывал исключительно на добрую волю Оттоманской империи. Таким образом, с самого начала переговоры великих держав были лишены всякого значения для Турции, а конференция должна была быть только продолжением дипломатической комедии, которую в течение четырех лет разыгрывал Меттерних с единственной целью – поставить препятствие на пути тех государств, которые желали бы вступиться за Грецию. Австрийская благосклонность к турецким башибузукам дошла до того, что Австрия, нарушая постановления международного права, посылала военные корабли на помощь Турции[9].

Петербургская конференция не привела ни к каким

результатам, а Англия отказалась даже принять в ней какое бы то ни было участие. Каннинг предвидел бесполезность всяких переговоров и поэтому объявил, что Англия будет добиваться одна, своими средствами, умиротворения востока.

Перемена английской политики наступила не внезапно. Она подготавливалась постепенно и проявилась даже во время Лайбахского конгресса. Причин, вызвавших эту перемену, было несколько. Привыкшее к свободному парламентарному режиму английское общественное мнение могло только с отвращением смотреть на проникнутые политическим иезуитством действия Меттерниха. Наоборот, всякое либеральное движение на континенте находило красноречивых защитников в английском парламенте. Либеральные стремления Европы не только соответствовали историческим традициям Англии, но вполне совпадали с ее насущными интересами. Ее торговля нуждалась в свободных рынках, которые она могла найти только в политически и экономически благоустроенных странах. Наконец Англия как великая держава, естественно, стремилась избавиться от унизительной диктатуры Священного союза. Этим и объясняется отказ Англии принять участие в Лайбахском конгрессе.

Однако и в английской политике до 1822 года чувствовалось до известной степени влияние Меттерниха. До тех пор во главе английского департамента иностранных дел находился лорд Лондондери, бывший лорд Кестельри, английский уполномоченный на Венском конгрессе и личный друг Меттерниха. Но после самоубийства Лондондери в августе 1822 года его место занял Каннинг, опаснейший из врагов австрийского канцлера.

Джордж Каннинг был не менее ловок и хитер, чем Меттерних, но, кроме этих свойств, он отличался широким полетом мысли, редким ораторским дарованием, а самое главное, той свободой в действиях, которой мог обладать только английский министр. Англия могла, как это доказала ее борьба с Наполеоном, бросаться в самые смелые предприятия и не рисковать своею самостоятельностью: географическое положение и могучий флот ограждали ее от всякого внешнего нашествия. Совсем иначе складывались обстоятельства для континентальных держав и, в особенности, для Австрии, которой со всех сторон угрожали националистические и либеральные движения. Из этого различия в положении государств вытекало и различие в их внешней политике: Англия могла держаться политики широкой и смелой, тогда как Австрия должна была опасаться всяких перемен. Свой независимый образ действий Каннинг проявил еще на Веронском

конгрессе. Как известно, там была возложена на Францию миссия восстановить абсолютную монархию в Испании, но английский делегат, герцог Веллингтон, согласно инструкциям Каннинга высказался против этого и не подписал протоколов конгресса. Точно так же Англия отказалась принять участие в 1824 году в парижской конференции, цель которой была возвратить Испании отделившиеся от нее колонии. Наоборот Каннинг поспешил признать официально независимость южноамериканских республик. Наконец в 1826 году Каннинг признает конституцию, которую даровал Португалии дон Педро перед своим вступлением на Бразильский престол. Во всех этих случаях Каннинг произносил свободолюбивые речи, которые встречали глубокое сочувствие у всех порабощенных народов и давали Меттерниху обильный материал для того, чтобы дискредитировать Каннинга в глазах европейских монархов. На стороне Каннинга было общественное мнение не только Англии, но и всей Европы.

Везде образовывались филэллинские комитеты, в состав которых входили люди всевозможных партий. Через один только французский комитет, во главе которого находился неутомимый Эйнар, было послано за период 1821 – 1826 годов 2,5 млн. франков на помощь грекам. Давали все: баварский король пожертвовал сразу 20 тыс. франков. Кроме того, с различных концов Европы в Грецию отправлялись волонтеры, чтобы сражаться за ее независимость. Европа трепетала от радости при известиях о греческих победах. Имена Боцариса, Канариса, Колокотрони были знакомы и популярны на Западе как имена собственных национальных героев.

Несчастья Греции, поражения восставших, в особенности падение Мисолонги после геройской защиты принимались как мировые бедствия. Филэллинское движение было сильно в особенности в Англии и Франции, но оно также распространилось и в Италии и во всех германских державах, за исключением одной Австрии: Меттерних строго запретил образование комитетов и собирание денег. Он потребовал того же и от Пруссии – таким тоном, что даже прусские министры, которые все время слушались Меттерниха, были возмущены его дерзостью. У министра Мальцана хватило мужества ответить, что Пруссия не желает контролировать действия венского кабинета, но так же мало расположена принимать и его предписания. Длинные руки Меттерниха, которые простирались раньше до Парижа и Лондона, теперь не достигали даже Берлина. Он волей-неволей должен был ограничиться тем, что изливал свою бессильную злобу в частных письмах, полных сарказма, по адресу видных членов

филэллинских комитетов, как-то: Эйнара, Ройе-Коллара, Шатобриана, Бенжамена Констана, лорда Гамильтона и др. Но больше всех Меттерних ненавидел Каннинга, которого он считал ответственным за филэллинскую агитацию. Меттерних старался подорвать его авторитет, прибегая к своему излюбленному средству – интригам.

Очень характерно в этом отношении письмо, которое Меттерних пишет князю Эстергази, австрийскому посланнику в Лондоне, с просьбой, чтобы он его прочел регенту и лорду Велингтону: “Новый человек вступил на корму английского правления, – пишет Меттерних, – он захотел основать свою власть на культе, которым проникнута его страна, а именно на культе народных предрассудков. До сих пор это ему удавалось, но оказал ли он этой политикой услугу своей родине и общему делу, которое есть одновременно и дело Англии? Для меня ответ один и тот же – вполне отрицательный, и я не сомневаюсь, что события оправдают мое мнение”.

Но интриги, которые так легко удавались Меттерниху по отношению к Каподистрии, оказались бессильными, чтобы поколебать авторитет английского министра. И не потому, что Каннинг пользовался доверием регента, – наоборот, регент его не любил, – но за Каннингом были: парламент, общественное мнение и его личная смелость и способности.

Письмо Меттерниха помечено 7 августа 1825 года; за несколько дней до того в Греции случилось важное событие, известие о котором достигло запада только в конце августа. 24 июня греческое временное правительство в Навилии провозгласило над Грецией английский протекторат. Ни у кого не было сомнения, что и этот шаг совершался под влиянием Каннинга, который получал таким образом полнейшее основание заступиться за Грецию.

Принятие греческого предложения восстановило бы против Англии все великие державы, а в особенности Россию и Францию, дружеские отношения которых нужны были Каннингу для его дальнейших планов. Поэтому он и отклонил предложение о протекторате, но принял на себя роль посредника, – ту роль, к которой так тщетно стремился Священный союз.

Теперь сами греки, отклонявшие вмешательство Священного союза, высказавшегося из принципа против их независимости, давали Англии полномочие действовать от их имени. Это обстоятельство увеличило престиж Каннинга, который сделался своего рода третейским судьею положения. “Члены светлейшего Священного союза, – писал Каннинг лорду Гранвилю 25 октября 1825 года, – сами объявляют, что только одна Англия в состоянии

избавить их от затруднений. Это говорил и русский посланник, князь Ливен, и австрийский, князь Эстергази, и французский – Полиньяк".

Одно неожиданное событие еще больше облегчило задачу Каннинга. В начале декабря 1825 года на запад пришло известие о смерти императора Александра I. "Или я ошибаюсь, – писал по этому поводу Меттерних, – или же история России начнется там, где кончается *роман*". В том же письме Меттерних говорит и о предполагаемом наследнике Константине: "У меня все причины думать, что он никоим образом не будет интересоваться судьбой греков. О них он постоянно выражался с презрением как о нации и с негодованием как о подданных, возмутившихся против своего законного государя".

Когда пришло известие об отречении Константина, о восшествии Николая и о неудачной попытке декабристов, Меттерних еще больше обрадовался. Петербургский бунт должен был, по предположению Меттерниха, убедить русского царя в том, что "Россия страдает той же болезнью, которой страдают все остальные страны", и что поэтому он должен всецело присоединиться к охранительной политике австрийского канцлера.

"Прислушивайся, – пишет он своему сыну, – к тому, о чем говорят русские карбонарии в Париже. Каждое их слово будет служить мне хорошим указателем". Это письмо писано 24 февраля 1826 года, но то же самое повторяет Меттерних и в другом письме, от 2 марта. Не лишены некоторого значения для характеристики его собственных взглядов рассуждения Меттерниха о причинах, вызвавших декабристское движение. Самая главная из них заключается, по его мнению, в радикализме Петра Великого. "Петр был прав, желая сделать Россию европейской страной, но он ошибся в том, *что уничтожил слишком много старинных учреждений* России, не заменив их как следует новыми". Наконец в письме к австрийскому посланнику в Петербург Лебцельтерну Меттерних выражает надежду, что новый император поступит с мятежниками по всем строгостям закона.

Первое время Меттерних имеет причины быть вполне довольным не только внутренней, но и внешней политикой молодого императора. Как известно, Николай I обратился к Турции с ультиматумом о немедленном удовлетворении русских требований, но важная подробность в этом ультиматуме состояла в том, что там ни единым словом не упоминалось о Греции: царь требовал от Турции только очищения дунайских провинций и обеспечения свободы торговли на Черном море. Вот почему Меттерних был очень доволен политикой царя и даже спешил

оказать свою поддержку России. Но в то же время в Петербурге подготавливался знаменитый документ, известный под названием протокола 4 апреля 1826 года, который как громом должен был поразить Меттерниха.

Император Николай I так же мало сочувствовал греческому движению, как и Александр I. “Я должен вам сказать, что ненавижу греков и отворачиваюсь от них, хотя они православные, – говорил царь Николай австрийскому посланнику графу Зичи. – Они себя вели возмутительно мерзко, даже преступно; я их считаю и теперь подданными, открыто возмутившимися против своего государя”.

Этот разговор происходил в 1828 году, но царь заявлял, что такими же чувствами к грекам он был проникнут и при восшествии на престол. Но, с другой стороны, зверства турок и египтян принимали ужасающие размеры, и немедленное вмешательство становилось неизбежно. Царь ненавидел греков как революционеров, но заступался за них как за православных.

Петербургский протокол 4 апреля 1826 года, к которому, кроме Англии и России, присоединилась позже и Франция, обязывал трех союзников прибегнуть даже к оружию, чтобы положить конец войне между Турцией и Грецией. Последняя должна была получить самостоятельное управление, оставаясь под сюзеренитетом султана. Соглашение трех держав уничтожало значение пресловутого Священного союза, а Меттерних, который до сих пор деспотически распоряжался судьбами Европы и хозяйничал во всех канцеляриях, теперь должен был играть только скромную роль пятого колеса в европейской дипломатии. Прежде ничего не делалось помимо его инициативы или его одобрения, и вдруг такой важный акт, как петербургский протокол, которым решалась, может быть, судьба Турецкой империи, был составлен без его участия! Это было жестоким ударом не только политической системе Меттерниха, но и его колоссальному самолюбию. В первый момент он старался утешить себя уверениями, что протокол 4 апреля *“недоносок,* от которого через несколько недель откажутся и создавшие его державы”.

Когда первое его неудовольствие прошло, Меттерних с возбужденной энергией обиженного властелина пускается на новые интриги, чтобы уничтожить всю силу протокола. Главная его задача теперь состояла в том, чтобы посеять раздор между Россией и Англией. Он пишет императору Николаю, что цель Каннинга – “ниспровержение всех основ общественного порядка”. В доказательство радикализма Каннинга Меттерних ссылается на знаменитую речь, которую английский министр произнес 12

декабря 1826 года в парламенте в защиту португальской конституции. В конце письма Меттерних выражает надежду, что эта речь должна произвести на царя такое же впечатление, какое она произвела на австрийского императора. “Она оскорбляет, – пишет Меттерних, – монархические чувства всех государей и национальную гордость всех народов”. В своей переписке с французским правительством Меттерних следует другой тактике. Он старается разжечь старое соперничество между Францией и Англией, уверяет, что Каннинг намеревается захватить Египет и другие турецкие провинции на Средиземном море. Наконец, он стремится действовать и на самого Каннинга. Ухватясь за то, что этот последний предложил Австрии примкнуть к петербургскому протоколу, Меттерних советует созвать новую конференцию в Лондоне. Цель Меттерниха состоит в том, чтобы выиграть время, которое нужно египетскому паше Ибрагиму для полного усмирения Греции. Но после некоторых переговоров Каннинг сухо отклонил австрийское предложение, основываясь на том, что Австрия не признает законной просьбы греческого правительства о посредничестве, тогда как для Англии это признание является условием sine qua non.

Неописуемая радость охватила Меттерниха, когда пришла весть о внезапной кончине Каннинга в августе 1827 года. “Англия освободилась от одного бича”, – пишет Меттерних по поводу этого события.

Соглашение между Россией, Англией и Францией осталось в силе и приводилось в исполнение и после смерти Каннинга. Общий флот трех держав показался в греческих водах в то время, когда их посланники представляли Высокой Порте ультиматум о немедленном прекращении военных действий и об открытии переговоров при их посредничестве. Таким образом, отношения с Турцией были фактически прерваны тремя державами. Этот момент и выбирает Меттерних, чтобы попытаться снова разрушить все дело друзей Греции. Через своего посланника в Константинополе он предлагает Порте следующий хитрый план. Порта как будто бы по своей собственной инициативе должна попросить Австрию сделаться посредницей между ею и тремя союзными державами. Это затянуло бы переговоры, и Турция выиграла бы время. Порта, конечно, с готовностью согласилась на австрийское предложение. Сам султан выразил свою благодарность “старому другу, австрийскому императору, и в частности князю Меттерниху, в высоких достоинствах которого он уже давно был убежден”. Это происходило 20 октября, но в этот же самый день весь турецко-египетский флот был уничтожен при Наварине.

Известие о блестящей победе союзного флота над турками вызвало всеобщий восторг в Европе. Одни видели в ней торжество христианской цивилизации над азиатским варварством; для других это было победой не только над Турцией, но и над Священным союзом.

Наварин мстил за Испанию, Неаполь и Пьемонт. “Битва при Наварине, – писал французский публицист Пьер Лебрэн, – выиграна народами! К победному клику, несущемуся от архипелага, впервые, после многих веков, могут присоединиться все народы. Наваринские пушки открыли новую эру и возвестили торжественное воцарение общественного мнения, которое в первый раз поднялось выше престолов и сделалось фактическим повелителем флота и войска. Оно отдает приказы адмиралам и увлекает за собой самих царственных властителей, заставляя их признавать его победы и пользоваться его лаврами”.

Даже спокойные и невозмутимые дипломаты – и те заразились всеобщим энтузиазмом. “Что скажет наш друг Меттерних, – писал Нессельроде Татищеву в Вене, – после этой колоссальной победы? Он опять будет пережевывать свои устаревшие и скучные принципы; он будет говорить о праве. Да здравствует сила! Она теперь управляет миром, и я вполне согласен, что мы все должны предоставить слово адмиралам. Они-то именно умеют легко разрешать вопросы”.

Меттерних был другого мнения: Наваринская победа для него была “страшной катастрофой”. Присылая императору Францу копию с вышеприведенного письма Нессельроде, он прибавляет со своей стороны: “Так думали и говорили Карно и Дантон, как и все их последователи. Это не помешало им всем быть побежденными *устаревшими и скучными принципами;* то же самое случится и с фанфаронадами графа Нессельроде”. В ответ на эту заметку император Франц пишет Меттерниху: “Я уверен, что если бы вы были на месте... вам удалось бы с Божией помощью разрешить злополучный восточный вопрос, не нарушая священных принципов и не попирая ничьих прав, как это делает слабохарактерный граф Нессельроде”. Наваринское событие совсем охладило отношения между Россией и Австрией. Но, кроме того, Меттерних узнал, что, независимо от политических разногласий, он *лично* ненавистен русскому царю. Последний считал Меттерниха ответственным за все неудачи внешней политики Александра I. Сам же император Франц отзывался о Николае I как о молодом и неопытном человеке, который, удачно справившись с декабристами, не желает слушать никаких советов.

Разочарования ждали Австрию со всех сторон. Во Франции подготавливался тоже своего рода Наварин, жертвой которого

должна была сделаться династия Бурбонов. Предвестником Июльской революции было торжество либералов на генеральных выборах в ноябре 1827 года. По поводу всех этих событий Меттерних пишет императору Францу: “Вообще настоящий момент представляет зрелище всеобщего потрясения; вот каковы последствия *либеральной политики”*. В действительности же, если когда-нибудь, в течение XIX столетия, Европа следовала политике неограниченного деспотизма, то это было в эпоху, о которой говорит Меттерних.

Известие о Наварине, о торжестве либералов во Франции, о неминуемой войне между союзными державами и Турцией наполняют меланхолией душу самого императора Франца. “Нужно молиться Богу, – пишет он Меттерниху, – чтобы эти воинственные проекты не были выдуманы либералами с целью отвлечь внимание союзников в другую сторону и воспользоваться этим моментом, чтобы вызвать внутренние перевороты в некоторых странах, например, во Франции”.

События не повиновались воле монарха и его канцлера. Они привели и к независимости Греции, и к пробуждению других христианских народностей в Турции, и к Июльской революции во Франции со всеми ее бесчисленными последствиями.

Глава VII. Падение Меттерниха

Несмотря на восстановление династии Бурбонов со всеми ее репрессивными и охранительными законами, Франция продолжала оставаться очагом революционного движения. Пятнадцать лет нового царствования Бурбонов не только не увеличили их популярности, но еще больше доказали, что революция открыла между ними и французским народом непроходимую бездну. Против Карла X поднимались протесты со всех сторон, начиная с фрондирующих роялистов, подобных Шатобриану, и кончая доктринерами, республиканцами и бонапартистами. С особой силой проявилась эта оппозиция во время законодательных выборов конца 1827 года. Карл X попробовал управлять некоторое время с либеральным министром Мартиньяком, а потом, повернув круто направо, поставил во главе правительства ультрароялиста князя Полиньяка со специальной миссией подавить либеральное движение.

Эта последняя перемена особенно пришлась по вкусу Меттерниху, который несколько раз заявляет в своих письмах о том, что возлагает большие надежды на *смелость* Полиньяка. А когда вышли знаменитые декреты, уничтожавшие свободу печати и Хартию, Меттерних назвал королевский манифест, приложенный к ним, документом, “который не потеряет никогда своей цены”.

Вызванная июльскими декретами революция распространилась по всей Европе. В октябре того же 1830 года восстала Бельгия против голландского владычества, в декабре – Польша, в феврале следующего года произошли революции в Ферраре, Парме, Модене и Папской области. Германия тоже не осталась вне вулканического кольца. В сентябре 1830 года произошли крупные беспорядки в Лейпциге и Дрездене, в мае 1832 года была устроена в Гамбахе (Бавария) большая демонстрация, на которой впервые был поднят флаг “объединенной Германии”, составленный из трех цветов: черного, красного и желтого. Через год в апреле вспыхнуло вооруженное восстание во Франкфурте. Все эти события не были *неожиданными* для Меттерниха, как говорил он сам. Не он ли постоянно предупреждал европейских монархов относительно революционной опасности? Что он сам своей политикой увеличивал эту опасность, ставя препятствия спокойному и мирному течению прогресса, – того Меттерних не был в состоянии понять. Его задача теперь, как и всегда, оставалась

неизменной: ее составляла борьба с революцией, под какими бы формами она ни являлась. Однако Меттерних не мог не заметить, что, несмотря на пятнадцатилетний режим притеснений и строгостей, зло не только не уничтожено, но, наоборот, как бы разрастается. Сознание, что почва ускользает из-под его ног и что все вокруг рушится, должно было вызвать некоторую горесть даже в душе самоуверенного и самодовольного канцлера. “Моя самая сокровенная мысль, – писал он 1 сентября 1830 года Нессельроде, – заключается в том, что наступило начало конца старой Европы. Я решился погибнуть вместе с ней, исполнив предварительно свой долг”. Слова “смерть” и “конец” встречаются не только в его письмах, но и в его разговорах. “Сегодняшний разговор с Генцем, – пишет г-жа Меттерних, – представлял большой интерес; *все* их беседы касаются почти только тяжелой агонии, в которой находится наш несчастный мир”.

Тем не менее Меттерних не теряет ни одного случая, чтобы продолжить эту агонию. В революционных событиях он находит прекрасный повод снова сблизиться с русским двором. Еще при первом известии об Июльской революции Меттерних устраивает свидание с находившимся в это время в Карлсбаде Нессельроде и вместе с ним подписывает соглашение, известное под именем “Карлсбадского лоскута”. Его содержание заключалось в следующем единственном пункте: “Не вмешиваться во внутренние дела Франции, но и не позволять французскому правительству нарушать материальные интересы Европы и внутреннее спокойствие составляющих ее государств”. Подписывая эту бумагу, Нессельроде выражал опасения, что император Николай может не одобрить его поведения, так как он решил не связываться никакими обязательствами с западными государствами. Оказалось как раз наоборот. Июльская революция произвела также и на царя сильное, потрясающее впечатление. Он возненавидел Луи Филиппа и распорядился, чтобы на имя лишенного престола Карла X были внесены деньги в один из Эдинбургских банков. Вот почему Николай I не только встретил с радостью шаг, сделанный Меттернихом, но выразил и готовность “употребить оружие, чтобы остановить распространение разрушительных доктрин”. Польское восстание еще больше сблизило Австрию с Россией. Интересно отметить из одного письма Меттерниха слова, которые последний приписывает Николаю I. Меттерних сообщает австрийскому посланнику в Петербурге Финкельмонту, что император Николай, получив известие о польском восстании, сказал: “Вот плоды *взаимного обучения”*.

Для закрепления русско-австрийской дружбы в октябре 1830 года в Вену приезжал генерал Орлов, а три года спустя в Мюнхенгреце состоялось первое свидание между двумя императорами. Там была принята резолюция, обязывающая трех монархов – России, Австрии и Пруссии – являться на помощь, если кому-либо из европейских государей будет угрожать внутренняя или внешняя опасность. Таким образом, вместо погребенного в нава-ринских водах Священного союза возник новый союз трех северных держав.

Запасясь поддержкой России и Пруссии, Меттерних считал себя достаточно вооруженным для борьбы с революцией. Прежде всего он обратил внимание на внутреннее состояние Германии, которое угрожало непосредственно Австрии. Еще в октябре 1830 года, после беспорядков в некоторых германских государствах, Меттерниху удалось провести резолюцию, в силу которой каждый германский владетельный князь имел право, не требуя для этого никакого разрешения со стороны сейма, обратиться за военной помощью к любому из других немецких государств. В 1832 году Меттерних в согласии с Пруссией выработал программу мероприятий для подавления либерального движения; она состояла из шести пунктов; самый характерный из них был тот, в котором говорится об учреждении особой комиссии из делегатов всех немецких государств; задачей комиссии было не допускать, чтобы сеймы южногерманских стран своими решениями или дебатами угрожали внутреннему спокойствию других немецких государств. Но этого Меттерниху было недостаточно. Полтора года спустя, в январе 1834 года, он созывает в Вене министерскую конференцию, где было принято шесть новых резолюций, направленных против свободы печати, против гласности дебатов в сеймах, против университетов и так далее. По поводу этой венской конференции французский посланник Сент-Олэр писал своему министру: “Нет никакого сомнения, что весь план занятий выработан Австрией и Пруссией; обе державы желают, чтобы инициатива в проведении этих мер исходила от маленьких государств, которые, таким образом, будут казаться независимыми”.

Гораздо меньшим успехом пользовалась внешняя политика Меттерниха, в которой и теперь главным его врагом была Англия, ревниво оберегавшая свой самостоятельный образ действий. Во главе английского министерства иностранных дел находился энергичный лорд Палмерстон, который в скором времени достиг популярности Каннинга. Палмерстон не только признал новый порядок вещей, созданный Июльской революцией во Франции, но вошел и в соглашение с Луи Филиппом для разрешения

бельгийского вопроса.

Мы уже упомянули, что Бельгия восстала и хотела отделиться от Голландии; голландский король обратился тогда за помощью к австрийскому императору, а тот ответил, что вследствие дальности расстояния может оказать лишь нравственную поддержку.

Франция и Англия придерживались сначала нейтральной политики. Но ввиду того, что восстание продолжалось, а голландский король открыто просил помощи Австрии, Пруссии и России против бельгийцев, Франция и Англия вмешались в пользу последних, и благодаря их усилиям Бельгия получила политическую независимость. Такой же самостоятельный образ действий проявил лорд Палмерстон и в итальянских делах. В 1834 году в Риме была созвана конференция делегатов великих держав для обсуждения вопроса о реформах, которые необходимо произвести в Папской области. Но по приказанию Палмерстона английский делегат Сеймур вышел из конференции, когда заметил, что все его советы разбиваются об упорство папского правительства и об интриги Меттерниха. Палмерстон протестовал и против реакционных мер, которые Меттерних проводил в Германии в 1832 – 1834 годах. Английский министр основывал свой протест на том факте, что Германский союз как создание Венского конгресса находится под покровительством и контролем всей Европы. Так как Австрия – самое влиятельное из государств германской конфедерации, Палмерстон просит, чтобы она “своим влиянием обуздала непомерное усердие сейма и помешала проведению мер, которые повлекут за собою смуты и войны”. Меттерних, конечно, сразу понял настоящий смысл депеши Палмерстона. Все, что последний говорил о “неумеренном усердии сейма”, относилось, в сущности, к Австрии. Он желал пригрозить ей, а немецких владетелей ободрить в их сопротивлении. Отправляя вышеприведенную секретную депешу Меттерниху, Палмерстон одновременно послал копии всем германским дворам, – обстоятельство, которое привело австрийского министра в еще большее негодование. Он посылает в ответ Палмерстону длинное объяснение, написанное сравнительно спокойно и любезно; но он изливает все свое негодование на английского министра в циркулярной депеше к немецким дворам, которым он советует отвергнуть решительно и энергично всякое чужое вмешательство во внутренние дела Германии. Известно, что Меттерниху все-таки удалось провести свою резолюцию; но во многих других вопросах, как например, в бельгийском, он должен был уступить энергичному Палмерстону. Как раньше Каннинг, так теперь Палмерстон стоял везде на

дороге Меттерниха, и немало радости почувствовал последний, когда в ноябре 1834 года почта привезла известие о падении либерального кабинета, в состав которого входил Палмерстон. Сам Палмерстон, соединяя иронию с полной откровенностью, писал английскому посланнику в Вене для передачи Меттерниху следующие слова: “Я убежден, что г-ну Меттерниху никогда не приходилось испытывать такой великой радости, как при известии о нашей отставке, и что никогда я ему не доставлял столько удовольствия, как своим извещением, что ухожу”.

Посмотрим теперь, каковы были отношения между Австрией и Францией. Луи Филипп был для Меттерниха и императора Франца узурпатором чужого престола. Если сам Меттерних нередко скрывал свое мнение по некоторым соображениям, то его близкие, наоборот, высказывались без стеснения. В особенности непримиримой была княгиня Меттерних, слова которой однажды чуть не привели к дипломатическому столкновению между Австрией и Францией. Это случилось так. На балу во французском посольстве, в январе 1834 года, французский посланник Сент-Олэр, увидев на княгине Меттерних великолепную диадему, сказал ей следующий комплимент: “Какие чудные у вас бриллианты, они как будто из царской короны”. – “Каковы бы они ни были, – отвечала гордая легитимистка княгиня Меттерних, – я их, по крайней мере, не украла!” Когда в начале 1835 года двое из сыновей Луи Филиппа предприняли путешествие по Европе, император Франц нарочно уехал из Вены, чтобы не встречаться с ними. Этим самым отвращением к узурпатору-королю, подобравшему свою корону на баррикадах Июльской революции, объясняется и отказ, на который наткнулся герцог Орлеанский – наследник Луи Филиппа, когда в 1836 году он просил руки одной австрийской эрцгерцогини.

Но это нерасположение к личности французского короля не распространялось на всю его политику. Как увидим, были вопросы, в которых Австрия и Франция приходили в столкновение, но были и такие случаи, когда Меттерних сходился с Луи Филиппом.

Последний сыграл во Франции двоякую роль: если, с одной стороны, он был узурпатором престола Карла X, то с другой – своим появлением он предупредил провозглашение республики. И вот за это Меттерних мог быть только благодарен Луи Филиппу. “Да, он поцелуем задушит Республику”, – говорил Меттерних французскому представителю, генералу Белльару, когда тот рассказывал подробности известной сцены на балконе Парижской ратуши, где Луи Филипп поцеловал Лафайета. Но

сейчас после этих слов Меттерних прибавил: “Однако думаете ли вы, что все ваши поцелуи будут увенчиваться таким же успехом?” Политика Луи Филиппа до конца отличалась двойственностью. Он должен был носить известную либеральную маску, так как своим престолом был обязан революции; с другой стороны, его положение как монарха, желавшего войти в семью европейских царствующих домов, естественным образом влекло его к реакции. Двоякого рода соображения постоянно сказываются во всех действиях Луи Филиппа. В то время, как он уверяет французов, что его управление “самая лучшая из республик”, его представитель в Вене вместе с Меттернихом восхищается его предательским поцелуем Лафайету. Таким же двойственным характером отличалась и внешняя политика Луи Филиппа. В первые годы своего царствования, когда ему нужно было поддерживать вызванные его восшествием иллюзии, Луи Филипп являлся в своей внешней политике защитником национальностей. Читателям уже известно, что он заступался за Бельгию; он взял на себя точно так же защиту итальянских государств и, когда австрийские войска заняли Парму, Модену и часть папских областей, Луи Филипп распорядился о занятии французскими войсками Анконы. Позже, в 1834 году, после Мюнхенгрецского соглашения между Россией, Пруссией и Австрией, министр иностранных дел де Бролльи категорически заявил, что Франция никаким образом не может допустить вмешательство тройственного союза во внутренние дела Бельгии, Швейцарии и Пьемонта. Когда же либеральная внешняя и внутренняя политика Франции уступила место реакционной, между Луи Филиппом и Меттернихом установились правильные дружеские отношения. Особенно доволен был Меттерних политикой Гизо. В своих похвалах по его адресу он дошел до того, что и сам Луи Филипп стал просить Меттерниха быть более умеренным, а то иначе Гизо возгордится и не захочет слушать советов короля.

Хотя консервативный дух проникнул все правительства Европы, Меттерних далеко не был спокоен относительно будущего. Он чувствовал, что в самом обществе протест был сильнее, чем когда-либо. Париж, Лондон, Швейцария были полны изгнанниками *Молодой Германии, Молодой Италии, Молодой Венгрии,* которые поддерживали постоянные сношения со своей родиной и деятельно готовились к решительной борьбе. Меттерних старается разрушить все гнезда преступной агитации, требует от Франции принять меры против Берне и его друзей; повелевает Швейцарии выслать Мадзини. Но и эти, и все другие меры помогают мало.

Высланные переезжают в Англию и продолжают оттуда

плести заговоры. Особенно сильно было движение в Италии. Оно охватило все сферы итальянского общества, начиная с простого народа и кончая аристократами, находящимися на службе в Австрии. Интересно в этом отношении следующее место из дневника княгини Меттерних, помеченное мартом 1844 года. “Клеменс очень встревожен известиями, которые приходят из Италии. Очень вероятно, что Мадзини собирается предпринять что-нибудь в апреле. Он находится теперь в Лондоне, и лорд Абердин сообщил, что он не в силах помешать пересылке оружия и денег из Англии в Италию. Клеменс получил известие, что *оба сына нашего вице-адмирала Бандьера бежали от своего отца, чтобы пойти служить под начальством Мадзини”.*

Менее тревожные, но столь же неутешительные известия приходили из всех государств. В Швейцарии борьба между либеральными и консервативными кантонами кончилась в пользу первых. В 1846 году вспыхнуло восстание в герцогстве Краковском, имевшее, по словам Меттерниха, “коммунистическую подоплеку”.

Австрия воспользовалась этим обстоятельством, чтобы присоединить Краков к своим владениям с согласия России и Пруссии и несмотря на протесты Англии и Франции. В том же 1846 году на папский престол взошел Пий IX, который, к большому негодованию Меттерниха, пошел по пути либеральной политики; ее влиянию поддался и пьемонтский король Карл Альберт. В Германии тоже происходили угрожающие перемены. Теперь не только мелкие владетели, но и Пруссия с ненавистью переносила австрийскую гегемонию, и первым важным протестом против последней явился известный Zollverein, из которого Австрия была исключена. “Это одно из самых крупных событий нашей эпохи”, – говорил Меттерних, от проницательности которого не могло ускользнуть громадное политическое значение таможенного союза. Он переносил центр влияния из Вены в Берлин. Так же сильно должна была беспокоить Меттерниха перемена царствования в Пруссии. Умерший в 1840 году Фридрих Вильгельм III находился под полным влиянием Меттерниха, с которым его связывала тридцатипятилетняя непрерывная дружба. Его преемник Фридрих Вильгельм IV уже при восшествии на престол заявил свою независимость, выказав сочувствие либеральным идеям. В Штольфельзе в 1845 году, при свидании с Меттернихом, король объявил намерение созвать в Берлине представителей всех провинциальных сеймов. “Конечно, я не допущу, – прибавлял он, – чтобы это собрание превратилось во что-либо похожее на французские Генеральные штаты”. “Вы созовете провинциальных депутатов как таковых, – возразил

Меттерних, – но вы не можете помешать им организоваться в Генеральные штаты; воля Вашего Величества недостаточна, чтобы предупредить это. Вы свободны в ваших действиях, но последствия вне вашей власти...”

Этот разговор вызвал у Меттерниха “глубокую грусть”, как он выражается в письме к эрцгерцогу Людовику.

В то самое время, когда Меттерних беседовал с королем, всего в нескольких десятках верст от них, в Лейпциге, происходили серьезные беспорядки.

Так беспокойно прошли 1846 и 1847 годы. Все верили в близость крупного переворота; вместе с другими высказывал это опасение и Меттерних. Вот что он писал в октябре 1847 года графу Анжио, австрийскому посланнику в Париже:

“Дорогой граф, я стар и опытен. Я глубоко убежден, что фазис, в котором находится теперь Европа, самый опасный из всех, какие приходилось переживать нашему обществу за последние шестьдесят лет”. Тот же самый пессимистический взгляд на будущее высказывает Меттерних и в *Предсказаниях* о 1848 годе. Здесь, между прочим, он говорит о новой опасности, которая угрожает Европе: кроме традиционного либерализма, появилась еще новая доктрина – *радикализм.* Под этим словом Меттерних понимает социальное движение, которое обнаружилось в Лионском восстании 1831 года, в чартизме и в успехе разных социалистических школ: Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других.

Предчувствия не обманули Меттерниха. Революция вспыхнула, и, может быть, даже скорее, чем он сам предполагал. В продолжение одного месяца она охватила Италию, Францию и Германию.

В Париже снова была провозглашена республика и снова, к величайшему огорчению княгини Меттерних, слова *братство, гражданин, свобода* появились в официальных бумагах. Страх потерять власть возбудил в Меттернихе всю ненависть, на какую он был только способен, по отношению к революции, и он, несмотря на свои семьдесят пять лет, опять энергично берется за борьбу, и курьеры за курьерами с телеграммами и циркулярами отправляются из Вены во все столицы Европы.

Войдя в предварительное соглашение с Россией, он отправляет Англии протест против поддержки итальянской революции, оказанной Палмерстоном, который снова занял министерский пост. В этот момент Меттерних считал, что Австрия, по крайней мере, предохранена от революции, и, подобно лунатику, он шел возле самой пропасти, не отдавая себе в этом никакого отчета.

Оптимизм Меттерниха относительно Австрии был не совсем неоснователен. Из западных государств она была самая отсталая и косная во всех отношениях. В ее состав входили народности, различавшиеся одна от другой не только религией и расовыми особенностями, но и культурным уровнем. Вследствие этого Австрия была лишена того духовного единства и того национального самосознания, которые в то время явились самым сильным рычагом политического прогресса. Немцы, славяне, венгры, итальянцы – все эти народы жили отдельными интересами, не имевшими ничего общего и даже противоречившими одни другим. На почве этого антагонизма Меттерних и создавал систему своего деспотического управления. Австрийские подданные относились к его управлению равнодушно, исключая венгров, выступавших время от времени на защиту своих прав.

Так прошли двадцатые и тридцатые годы, но в сороковых Австрия также начинает оживать. Как ни медленно, но европейская культура вместе с развитием промышленности, торговли и земледелия делала в стране постоянные успехи и усиливала общественное значение бюргерского элемента. На смену старого, изнуренного войнами поколения пришли свежие и бодрые силы, более подготовленные к борьбе. Известную роль сыграли в политическом пробуждении Австрии и провинциальные сословные учреждения, которые Меттерних созывал время от времени для совещания по хозяйственным вопросам. Им было запрещено заниматься политическими делами, тем не менее отдельным членам этих учреждений нередко удавалось поднимать общегосударственные вопросы.

За тридцатилетнее существование система Меттерниха успела дать все свои горькие плоды. Она водворяла мир, но на развалинах; она приносила спокойствие, но ценою насилия и бесправия; она давала внешней политике Австрии блеск и силу, но доставалось все это путем разорения податного сословия.

Вследствие отсутствия гласности и общественного контроля государственная власть продолжала, как и при старом режиме, служить для личного обогащения чиновников. Сам Меттерних рассказывает, что его предшественник барон Тугут сопротивлялся в 1793 году объявлению войны французской республике, потому что все его состояние заключалось во французских государственных бумагах, которые упали бы в случае войны. Самого же Меттерниха обвиняли в том, что он, кроме поместий и замков, которые ему дарил император Франц, получал также подачки от России, Неаполя, Турции и так далее. Его ближайший сотрудник Генц, точно так же, пользуясь своим положением,

пускался на разные финансовые спекуляции. Доказательством этого служат следующие строки дневника княгини Меттерних: “Я нахожу, что наш друг Генц в очень печальном настроении. Сегодня он нам говорил, что, предчувствуя свой близкий конец и не желая оставить на себе никакого пятна, приводит в порядок свои бумаги. Клеменс думает, не без основания, что он уничтожает некоторые компрометирующие письма, касающиеся финансовых операций”.

Так поступали вообще все чиновники: каждый из них был в своем ведомстве маленьким Меттернихом и Генцем. К чему привела Австрию эта система бесправия, грабежа и бюрократического деспотизма – это скажет нам опять княгиня Меттерних. “Леность, неподвижность, небрежность возрастают с каждым днем, вот каким образом наша чудная монархия превращается в развалины. Никто не думает о ее спасении. Пусть благодать Божья озарит нас. Мы так несчастны, так больны и так бессильны, что если Бог не придет нам на помощь, то мы скоро совсем погибнем”. Но кто же был виноват в этой “лености, инертности и небрежности”, если не сам Меттерних? Кто издавал законы, кто назначал людей и кто должен был следить за исполнением законов, если не сам австрийский канцлер?

То, что замечала княгиня Меттерних, не могло ускользнуть от внимания ее мужа, слова которого, по всей вероятности, она повторяет. Что же предпринял Меттерних для предохранения Австрии от гибели?

На этот вопрос есть два ответа: один дает Меттерних, а другой – история.

В изложении причин своего падения Меттерних рассказывает, что в 1847 году у него зародился план “радикальных реформ”, причем слово реформа он понимает в “настоящем смысле”. Он даже думал привести в исполнение проект прусского короля о созыве представителей провинции в Вену, – проект, против которого Меттерних так негодовал всего два года тому назад. Однако Меттерних не только не осуществил своих намерений, но и не сделал даже никаких попыток к этому. В оставленных им бумагах находится только проект реформ, которые он наметил для Венгрии осенью 1847 года, а об Австрии нет ни слова.

Всю политику Меттерниха можно охарактеризовать известными словами “apres nous le deluge!”[10]. Один историк даже уверяет, что эти старые, но не потерявшие еще и до сих пор своего значения слова были повторены также и Меттернихом. Может быть, это легенда, но во всяком случае они вполне соответствуют как политике Меттерниха, так и его сокровенным мыслям. Цель Меттерниха была создать не прочное и хорошее

управление страною, а управление спокойное, пока он будет жить. Что будет после него – это его не интересовало. Он всегда хотел оградить себя – свою физическую личность и свой моральный престиж. Вот что он говорит, например, в момент, когда его заставили подать в отставку. “Я заблаговременно протестую против возможного упрека, что, уходя, я уношу с собою монархию. Ни я, ни кто-либо другой не может иметь столь широкие плечи, чтобы унести целое государство. Монархии исчезают только потому, что сами отрекаются от себя”. Эта забота Меттерниха оградить свою память от упреков, эта попытка принять красивую позу в момент, когда со своего “седьмого неба” он летит вниз на землю, очень характерна для его психологии. Мы знаем, что основным мотивом в психике Меттерниха была его вера в свою полную непогрешимость. Отсюда является у него весьма естественное стремление умышленно или бессознательно взваливать на других ответственность за свои собственные ошибки. Целью политики в течение всей своей жизни он ставил сохранение внешнего спокойствия, а что это могло повести к гибели Австрии, такое соображение не входило в его расчеты. Он воображал, что мира хватит на его век, а после его смерти – хоть потоп! Но, увы, катастрофа, которая подготавливалась благодаря такой системе правления, при которой лености и ограниченности одного человека приносилось в жертву будущее народа, наступила еще при жизни самого Меттерниха. Судьба решила, чтобы он сам собрал жатву от посеянного им семени.

На старости лет владеющий в Австрии великолепными дворцами и замками канцлер должен был все бросить и искать убежища в Англии. Какая ирония судьбы! После каждого восстания в Италии Меттерних делал английскому правительству сердитые упреки за то, что оно оказывает гостеприимство политическим эмигрантам, а теперь ему самому пришлось искать убежище в свободной Англии. Он путешествовал уже не как могучий министр, которому оказывали царские почести, а как несчастный эмигрант, который старается, чтобы публика его не заметила. В его “фонаре” никто больше не нуждается; не он теперь дает советы немецким владетельным князьям, а ему приходится выслушивать предупреждения приблизительно в следующем роде: “Г-н Меттерних, держитесь подальше от нашей столицы, а то вы накличете нам беду”.

Движение началось в Австрии еще в 1847 году большими фабричными беспорядками в Богемии. Но настоящая революция произошла в марте следующего года. Первые известия о революционных движениях во Франкфурте, в Карлсруэ, в Штутгардте вызвали уличные демонстрации в Вене. Благочинная

австрийская столица, где господствовали до сих пор только вахмистры, приняла вид “взбесившегося ада”, как выражается княгиня Меттерних.

Бурные волнения начались с 10 марта. Еще утром того же дня к княгине Меттерних явился один из чиновников с советом отдать свои бриллианты на хранение в какой-нибудь частный дом, потому что их дворец не в безопасности. “Я выразила сомнение в неминуемой опасности, но он ответил, что ни за что нельзя ручаться и что в случае нападения первою пострадает государственная канцелярия. Некоторое время спустя директор канцелярии тоже посоветовал мне быть настороже, потому что ненависть к Меттерниху перешла всякие пределы. И действительно, Клеменс получил анонимные письма с угрозами, а Леонтина (дочь Меттерниха) нашла под воротами своего дома прокламацию, в которой было написано: “Долой Меттерниха! Союза с Россией не нужно! Мы требуем уступок!” Конечно, все находятся в гнетущем состоянии духа и в предчувствии страшной катастрофы”.

“Сегодня Клеменс отправил Коллоредо в Саксонию с поручением спасти хоть то, что еще осталось от несчастной Германии”.

11 марта княгиня Меттерних успокаивается немного после слов графа Седельницкого, венского полицай-президиума, что движение не будет иметь последствий.

Но события следующего дня уничтожили оптимизм правительства. 12 марта был воскресный день. Драма разыгралась в двух местах: во дворце и на улице.

После смерти императора Франца в 1835 году на престол вступил слабый духом и характером Фердинанд II. Государственные дела всецело перейти к имперской конференции, где заседало всего трое человек: эрцгерцог Людовик – брат императора Франца, граф Коловрат, начальник государственного совета, и князь Меттерних. Она именно и заседала теперь во дворце и обсуждала предложение Меттерниха о принятии строгих полицейских мер.

В то же самое время депутация подносила императору адрес с 10 тысячами подписей из всех слоев буржуазии и интеллигенции. В этом адресе требовали: парламент, свободу печати, выборный суд и полную перемену системы Меттерниха. Чтобы поддержать эти требования, толпа из тысячи граждан демонстративно проходила под окнами дворца с криками: “Долой Меттерниха!”

Под впечатлением этих событий, как и под влиянием личных врагов, которых Меттерних успел себе нажить и при дворе, еще 12 марта было решено пожертвовать старым канцлером для

спасения династии. В тот же день по городу уже ходили об этом слухи, которые дошли и до княгини Меттерних в очень оскорбительной для ее гордости форме. На вечере, бывшем в тот самый день у нее, одна гостья обратилась к ней с наивным вопросом: “Разве правда, что вы уезжаете завтра?” – “Почему вы это спрашиваете?” – возразила удивленная княгиня Меттерних. “Потому что нам посоветовали приготовить свечи для предстоящей иллюминации по случаю этого важного события, которое должно завтра же совершиться”.

В понедельник, 13 марта, демонстрации начались перед государственной канцелярией на площади Ballplatz. Ораторы взбирались на импровизированные трибуны и повторяли выдвинутые в адресе требования. Несколько дальше произошла маленькая стычка между войсками эрцгерцога Альберта и демонстрантами. К четырем часам приходят рабочие с фабрик и заводов, и на улице Mariahilfe происходит новая стычка, в которой было несколько убитых и раненых.

В 6 часов 30 минут Меттерних отправился во дворец, куда он экстренно был вызван. В приемной императорского дворца в это время находилась депутация граждан и студентов, которая вела переговоры с эрцгерцогом Карлом. Она требовала прежде всего немедленного удаления Меттерниха. Когда последний явился, эрцгерцог Карл объявил, что только он, Меттерних, может спасти династию, выйдя в отставку. Меттерниху не хотелось расставаться с этой должностью, на которой он пробыл сорок лет. Но его умоляющий взгляд не нашел никакого сочувствия. Все члены императорской семьи молчали многозначительно, а крики с улицы: “Долой Меттерниха!” становились все слышнее и слышнее. Несколько раз Меттерних подходил к письменному столу, чтобы подписать свою отставку, но рука его, как бы ожидая, чтобы кто-нибудь ее удержал, не решалась взять перо. Наконец, приняв театральную позу, как будто дело касалось не отставки, а великой жертвы, он подписался, сказав: “Я исполнил свой долг и прошу Бога, чтобы мое удаление послужило на славу и счастье родины”.

Отставка Меттерниха была встречена с неописуемым восторгом. Город запылал от свечей и ракет, а воздух оглашался песнями.

14 марта была дана свобода печати и организована национальная гвардия из граждан для охраны общественного порядка.

В это время Меттерних покидал государственную канцелярию. На первых порах он поселился у своего знакомого Таафе, но и здесь он считал себя не в безопасности. В день 15

марта, спрятавшись между княгиней Меттерних и неким г-ном Гюгель, он выезжает в закрытом экипаже из Вены.

Дальнейшее путешествие беглецов совершается среди постоянных опасений, что князь Меттерних будет пойман и задержан. В особенности эта идея преследует княгиню Меттерних. Переходя из одного вагона в другой в Ольмюце, она обратила внимание на двух господ, которые ее "...ужасно испугали, – пишет г-жа Меттерних, – потому что одного из них я приняла за студента". Она успокоилась, узнав, что это два офицера, переодетые в штатское платье. К враждебным проявлениям со стороны народа прибавился более чем холодный прием со стороны властей.

В Фельдберге, где Меттерних остановился отдохнуть, к нему является бургомистр с предложением выехать в 24 часа, так как его присутствие возбуждает большое волнение. До Ольмюца к нему в вагон приходит делегат от коменданта и епископа города, который точно так же просит Меттерниха продолжать свой путь, не останавливаясь в Ольмюце; в противном случае власти снимают с себя всякую ответственность. Приближаясь к Праге, он боится показаться в окне вагона, потому что все станции полны национальными гвардейцами с двухцветными кокардами. "На предпоследней станции перед Прагой мы сошли, – говорит княгиня Меттерних, – и, как воры, которые пробираются, чтобы их не заметили, пошли в деревню, наняли лошадей и поехали дальше, не заезжая в Прагу".

В Дрездене хозяин гостиницы, в которой они остановились, пришел в ужас, когда узнал, кому он оказал приют, и сейчас же предупредил полицию. В Лейпциге княгиня Меттерних чуть не падает в обморок, услыхав боевые песни на улице. "Я думала, что это поют студенты, но Гюгель успокоил меня, сказав, что это поют солдаты". В Магдебурге князь Клеменс Меттерних чувствует неутолимую жажду, что приводит в "неописуемый ужас" его преданного друга Регберга, который их сопровождал. Он боится пойти принести князю стакан воды, так как это может вызвать подозрения, а полиция Магдебурга, как и во всех других немецких городах, снимала с себя всякую ответственность".

В Ганновере Меттерних получает первые известия после его бегства из Вены. Но в этих известиях для него ничего не было утешительного. Время "серенад", "восторженных гимнов", королевских встреч давно миновало. Теперь имя бывшего австрийского канцлера сделалось повсюду предметом враждебных демонстраций. Между прочим, народ в Триесте срывает вывеску с гостиницы "Меттерних", а общество Ллойд спешит переменить название одного из своих пароходов,

носившего имя Меттерниха.

Единственным утешением для Меттерниха среди всех этих унижений могло быть сознание, что его участь разделяют и другие: по тому же пути изгнания уже прошли бывшие министры и короли Франции, Италии и Германии. Княгиня Меттерних не без некоторого удовольствия отмечает в своем дневнике характерные слова хозяйки гостиницы в Ганновере, которая, увидев на белье своих таинственных посетителей вышитую корону, сказала с иронической улыбкой: “Вероятно, опять какой-нибудь король бежит”.

Меттерних пробыл в Англии около трех лет и вернулся в Вену летом 1851 года. За это время реакция снова восторжествовала в Австрии, и Меттерних опять сделался на этот раз негласным советником австрийского императора. Он умер 11 июля 1859 года 86-летним стариком. Перед самой смертью ему пришлось испытать еще одно горькое разочарование. В 1859 году, как известно, вспыхнула война между Австрией и Францией, которая явилась в Италию на помощь пьемонтскому королю. Как раз в первых числах июня, за несколько дней до смерти Меттерниха, французы одержали над австрийцами несколько блестящих побед, по которым уже можно было предвидеть, что Австрия потеряет свои итальянские провинции.

Время – пробный камень всякой политической системы, и поэтому теперь, через сорок пять лет после смерти Меттерниха, мы можем спросить, что осталось от его системы? Какая часть его дела вошла в политическое достояние истории? Но такой вопрос по отношению к Меттерниху не совсем правилен. Судить о Меттернихе по его делу нельзя. Он был не творцом, а только охранителем. О правильности его взглядов и разумности его политики можно судить только по делам его противников. Если те течения, против которых он боролся, были осуждены временем, то, очевидно, его взгляды были правильны и его политика разумна. Если история и опыт оказались на стороне его противников, то правы были они, а не Меттерних. Ответ на эти вопросы дает история Австрии. Чтобы убедиться, на каких неразумных началах была основана его пресловутая система, достаточно сказать, что, начиная с 1860 года и до нашего времени, в Австрии шире и шире разрастаются те политические учреждения и идеи, против которых боролся Меттерних. “Я был оплотом общественного порядка... оплотом порядка!” – говорил Меттерних за несколько дней до смерти. Оплот – рухнул, а в Австрии и в Европе порядок продолжает и теперь царить; только в этом порядке больше человечности, больше уважения к правам личности, больше понимания потребностей времени, чем этого

хотел Меттерних.

Источники

1. Memoires, documents et ecrits divers, laisses par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'etat, publies par son fils, le prince *Richard de Metternich.* Paris, 1881.

2. *H. Welschinger.* Les dessous du Congres de Vienne (Revue Hebdomadaire, 1900).

3. *Гервинус.* История XIX века, СПб., 1863.

4. *E. Daudet.* Un roman du prince de Metternich. 1899.

5. Correspondance de Talleyrand et Louis XVIII.

notes

Примечания

1

“И только нелепый человек не меняется”

2

Словом “сентябрист” Меттерних делает намек на избиения, которые произошли в сентябре 1791 года

как осел (*фр*.)

4

Маре (герцог Бассано) занимал пост министра иностранных дел при Наполеоне.

5

Текст этих писем напечатан в приложении к книге Н.К. Шильдера об Александре I.

6

Конгресс танцует, но не идет (*фр.*)

7

Как известно, по Венскому договору Польша отошла к России, Венеция и Ломбардия – к Австрии, Бельгия – к Голландии (A. Sorel, Traite de Paris, 137)

8

В Вартбурге, находящемся в Веймарском герцогстве, как известно, скрывался Лютер в 1521 году

9

Перед Наваринским сражением адмирал Кодрингтон, начальник флота трех держав: Англии, России и Франции, – предупредил “неизвестного коменданта австрийских кораблей, что они разделят участь турецких, если не отделятся от турецкого флота. Это энергичное предупреждение привело Меттерниха в крайнее негодование

после нас – хоть потоп *(фр.)*